

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

5/2002

ШОС — качественный шаг вперед

●
Евразия против угрозы
международного терроризма

●
Круглый стол ПДВ “Социальные
изменения в КНР в годы реформ”

●
Китай в ВТО: что делать России?

●
Доктрина китайской нации

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2002

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и четыре раза в год на англий-
ском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- Г.Логвинов. Шанхайская организация сотрудничества — качествен-
ный шаг вперед.....6
- В.Петровский. Безопасность личности и трансрегиональная
безопасность в Евразии. В поисках противодействия угрозе
международного терроризма.....15
- Сюэ Сяньтянь, Луань Цзинхэ (КНР). История и современное
состояние китайско-российских отношений.....26
- Кан Сам Гу (РК). Китай и Центральноазиатский регион (взгляд
из Сеула).....39
- А.Яковлев. Треугольнику Россия-Китай-Индия нужна стратегия
дальних рубежей.....45
- А.Сенаторов. Неспешные шаги административной реформы в
Японии.....62

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Социальные изменения в КНР в годы реформ. (Круглый стол в
ПДВ).....74
- М.Потапов, А.Салицкий. Китай в ВТО: что делать России?.....107

ИСТОРИЯ

- А.Москалев. Доктрина китайской нации.....126
С.Тихвинский. Мои встречи с Го Можо. (К 110-летию со дня рождения первого Президента Академии наук КНР).....143

НАШИ РЕФЕРАТЫ

- Г.Богданов. Шэнь Чжихуа. Китайско-советские отношения в 50-е годы: проблема советских специалистов.....148

ФИЛОСОФИЯ

- Э.Кауров, А.Лукьянов. Древнекитайская космография культуры Дао.....161

КУЛЬТУРА

- Е.Таскина. По страницам воспоминаний Н.А.Байкова.....171

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Приветственное послание Президента РАН академика Осипова Ю.С. участникам XIV Международной конференции ЕАК.....175
А.Калжаева. XIV Международная конференция Европейской ассоциации китаеведения177
Вручение диплома "Почетный доктор ИДВ РАН" профессору М.Лейтнер.....181

РЕЦЕНЗИИ

- А.Желуховцев. Книга дворцовых интриг. Евнухи у кормила власти в Китае.....182
Д.Главева. Новый журнал о японской культуре.....184

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Н.Никулин. Синолог, фольклорист, литературовед. К 70-летию Б.Л.Рифтина.....186

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов П.А. Минакир, В.В. Михеев, С.Н. Морозов (первый зам. главного редактора), В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

Г.Логвинов. Шанхайская организация сотрудничества — качественный шаг вперед. К итогам санкт-петербургского саммита ШОС

В статье характеризуются решения и документы состоявшегося летом этого года санкт-петербургского саммита Шанхайской организации сотрудничества, в которую входят Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан.

По мнению автора, становление ШОС — фактор отнюдь не регионального звучания. Организация уникальна по целому ряду параметров. Она носит по сути трансрегиональный характер, что создает предпосылки для задействования в перспективе ее потенциала на весьма обширном пространстве.

В.Петровский. Безопасность личности и трансрегиональная безопасность в Евразии. В поисках противодействия угрозе международного терроризма

Статья посвящена современному контексту проблем обеспечения выживания и безопасности человека, прав личности и возможностей для ее достойного развития в нынешних условиях. Автор подчеркивает, что после трагедии 11 сентября 2001 г. коренным образом изменилась международная ситуация, а мирное население стало основной мишенью террористических нападений, и развивает идею о комплексном характере угрозы международного терроризма. Это придает приоритетное значение вопросам безопасности личности и человеческого развития в мире в целом и в регионе Евразии в частности.

Сюе Сяньтянь, Луань Цзинхэ. История и современное состояние китаяско-российских отношений. От трех союзов до "Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве"

Сотрудники Института новой истории АОН Китая анализируют историческую специфику и современное состояние российско-китайских отношений. Авторы отмечают, что отношения двух стран на протяжении последнего столетия строились, в частности, на фундаменте трех союзных договоров — 1896, 1945 и 1950 гг., а на современном этапе эти отношения также приобрели поистине партнерский характер в результате заключения в июле 2001 г. "Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве" Подобная специфика развития двусторонних связей, подчеркивают китайские исследователи, свидетельствует о том, что с точки зрения коренных интересов народов двух стран, независимо от внутренних перемен в этих странах и глобального развития международной обстановки, обе стороны нуждались и продолжают нуждаться во взаимном добрососедском сотрудничестве и находят для него наиболее оптимальные в меняющихся условиях пути.

Кан Сам Гу. Китай и Центральноазиатский регион (взгляд из Сеула)

Южнокорейский ученый излагает свою оценку политики КНР в отношении государств Центральноазиатского региона, непосредственно входящего в сферу геополитических и геостратегических интересов Китая. В экономиче-

ском плане приоритет, по его мнению, Пекин отдает в этом отношении богатым энергетическим ресурсам центральноазиатских стран, прежде всего Казахстана. В рамках новой региональной организации — ШОС (сначала это была "Шанхайская пятерка", ныне — "Шанхайская шестерка") Китай получает возможность обеспечивать мирным путем свои интересы в этом районе, в том числе посредством сотрудничества с Россией.

По оценке автора статьи, для Южной Кореи выгодна происходящая активизация китайской политики в регионе, поскольку она открывает перед РК новые торговые, инвестиционные и транспортные возможности в этом стратегически важном регионе Азии и мира.

А.Яковлев. Треугольнику Россия-Китай-Индия нужна стратегия дальних рубежей

В статье автор продолжает исследование противоречий современного мира, среди которых, по его оценке, центральным является острое столкновение жизненных интересов Запада и остальной части международного сообщества в условиях быстрого истощения сырьевого и экологического потенциалов планеты, выдвинувшего на передний план вопрос о путях выживания человечества в целом и в особенности народов слаборазвитых стран. В конечном счете, полагает автор, новая политическая структура мира будет формироваться в ходе ужесточающегося столкновения упомянутых жизненных интересов. Это настоятельно требует от великих держав не-Запада, т.е. от России, Китая и Индии, совместной выработки долгосрочной стратегии, исходящей из неизбежности столкновения между Западом и остальным миром. От того, насколько глубоко будут поняты в столицах этих трех держав, а главное, учтены в их совместной глобальной стратегии основные тенденции мирового развития, в решающей мере зависит, сбудутся ли западные планы новой колонизации мира, превращения современного западного суперимпериализма в планетарного гегемона, который по своему произволу решал бы судьбы целых стран и народов.

А.Сенаторов. Неспешные шаги административной реформы в Японии

Среди комплекса либеральных структурных реформ, к которым Япония приступила во второй половине 1990-х годов, центральной и первоочередной является административная.

Статья содержит анализ развития этой реформы на направлениях сокращения государственного регулирования и децентрализации. Автор показывает, что дерегулирование в Японии вступает в новую стадию, когда вслед за большим продвижением в сфере экономики оно, помимо распространения на социальные системы, начинает сопровождаться поиском средств компенсации ослабляющегося административного вмешательства в отношении субъектов гражданского общества. Реформа в направлении децентрализации, имея заметные достижения в разграничении полномочий между государством и органами местного самоуправления, в настоящее время тем не менее несколько застопорилась, столкнувшись с проблемой решения сложной задачи укрепления финансовой самостоятельности последних.

Социальные изменения в КНР в ходе реформ. (Круглый стол в ПДВ)

Помещены материалы обсуждения этой актуальной проблемы специалистами ИДВ РАН, основанного на использовании новейших публикаций и данных социальных обследований в КНР.

М.Потапов, А.Салицкий. Китай в ВТО: что делать России?

Авторы, известные специалисты в области внешнеэкономической политики КНР и мирового хозяйства, анализируют последствия присоединения Китая к ВТО и воздействия этого события на торговых партнеров Китая среди ведущих стран мира и на саму мировую систему торговли. Особое внимание уделено урокам китайского переговорного опыта для России в свете происходящих переговоров по ее присоединению к Всемирной торговой организации.

А.Москалев. Доктрина китайской нации

Статья знакомит с основными этапами формирования доктрины китайской нации, начиная с анализа взглядов Лян Цичао (конец XIX — первая четверть XX в.) и вплоть до последних теоретических дискуссий по проблеме единой китайской нации (чжунхуа миньцзу), развернувшихся в КНР. Первая, публикуемая в этом номере часть статьи посвящена доктринам и проектам единой нации, появившимся в первой половине XX столетия; вторая ее часть — воззрениям периода КНР.

С.Тихвинский. Мои встречи с Го Можо. (К 110-летию со дня рождения первого президента Академии наук КНР)

Воспоминания известного российского историка-китаеведа академика С.Л.Тихвинского касаются его неоднократных встреч и бесед в 40—50-е гг. с китайским ученым и писателем, первым президентом Академии наук КНР Го Можо.

Э.Кауров, А.Лукьянов. Древнекитайская космография культуры Дао

Определяющим фактором в культуре любого человеческого сообщества (в том числе в китайской культуре) является присущее ей представление о Космосе. Для культуры Древнего Китая с этим фактором связана уникальная культура Дао, определявшая гармонию жизни родового общества на ранних этапах развития Древнего Китая.

Именно поэтому предпринятое в статье обращение к древнекитайской космографии, являющейся органической частью филогенеза и социогенеза человеческого общества, позволяет углубиться в познание гармонии истоков человеческого общества. Проблема поиска сущностных оснований человека культуры Дао и определяет предмет данной работы. Ключом к ее рассмотрению является для авторов изучение связи космографических ипостасей с символами и традициями культуры Дао.

Е.Таскина. По страницам воспоминаний Н.А.Байкова

В этом году исполняется 130 лет со дня рождения исследователя-натуралиста и писателя Н.А.Байкова (1872-1958). Приехав в Китай в начале XX столетия, он стал первым русским автором, описавшим маньчжурскую тайгу и ее обитателей. Помимо художественных произведений, оставил также воспоминания о встречах со многими интересными людьми того времени, посещавшими Маньчжурию: премьер-министром, министром финансов С.Ю.Вите, генералами А.Н.Куропаткиным, Н.М.Чичаговым, А.И.Деникиным и др.

Шанхайская организация сотрудничества — качественный шаг вперед К итогам Санкт-Петербургского саммита ШОС

© 2002

Г. Логвинов

7 июня 2002 г. в Санкт-Петербурге состоялась встреча глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). По приглашению Президента Российской Федерации В.В.Путина в ней приняли участие Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев, Председатель Китайской Народной Республики Цзян Цзэминь, Президент Киргизской Республики А.А.Акаев, Президент Республики Таджикистан Э.Ш.Рахмонов и Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов.

Были подписаны Хартия ШОС — базовый уставной документ учрежденной организации, Соглашение о Региональной антитеррористической структуре (РАТС) и Декларация глав государств-членов ШОС.

Условлено, что следующая встреча — уже в формате заседания Совета глав государств-членов ШОС — состоится в 2003 г.

Этими скупыми строками официальной информации подводится итог важного международно-политического события: состоялся качественный шаг вперед в деле построения нового международного объединения, создание которого было торжественно провозглашено на встрече лидеров шести стран 15 июня 2001 г. в Шанхае.

Перед тем, как перейти к более детальной характеристике результатов Санкт-Петербургского саммита, стоит оглянуться назад, напомнить о факторах и процессах, приведших к появлению Шанхайской организации сотрудничества. Это полезно, учитывая широкий разброс мнений и оценок, высказываемых в отношении дальнейшей судьбы ШОС и ее жизнеспособности.

Подробно ее история изложена в статье специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам Шанхайской организации сотрудничества В.Я.Воробьева (см. "Проблемы Дальнего Востока" № 4, 2001 г.), поэтому здесь мы лишь кратко остановимся на основных "вехах" на этом пути.

Как известно, ШОС возникла на базе "Шанхайской пятерки" (Россия, Казахстан, Киргизия, Китай и Таджикистан), сложившейся в связи с заключением между ними Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы (1996 г.) и Соглашения о взаимном сокращении вооруженных

сил в районе границы (1997 г.). Совместная работа по подготовке и реализации упомянутых соглашений послужила первоосновой того, что стало именоваться "шанхайским духом", включающим в себя взаимное доверие, взаимную выгоду, равенство, уважение к интересам и мнениям друг друга, взаимные консультации, выход на взаимопонимание через консенсус и добровольное согласие выполнять достигнутые договоренности.

Нарастание угрозы в этот период со стороны сил этносепаратизма, религиозного экстремизма, международного терроризма и транснациональной преступности, получавших активную подпитку с территории талибского Афганистана, побудило пять стран укреплять сотрудничество в сопротивлении этой опасности. Принципиальное понимание было достигнуто на третьем саммите "пятерки" в июле 1998 г. в Алма-Ате. Было условлено проводить углубленные консультации по проблемам региональной и азиатской безопасности, налаживания между собой широкомасштабного и долгосрочного сотрудничества, включая сферы торговли, экономики, энергоресурсов. Тем самым был придан импульс процессу сближения пяти государств, обозначилось начало работы по синхронизации подходов к целому ряду актуальных проблем региона Центральной Азии и международной жизни в целом.

Практическое воплощение идея более широкого взаимодействия получила на четвертом саммите пяти стран в августе 1999 г. в Бишкеке. Тогда было поддержано предложение российской стороны проводить встречи руководителей правоохранительных ведомств, министров обороны и иностранных дел пяти государств, а также вести дело к созданию совместных рабочих групп экономических экспертов с целью подготовки конкретных рекомендаций по проектам и программам пятистороннего делового партнерства. Взаимодействие государств "Шанхайской пятерки" становилось всё более тесным и многоплановым.

На пятом саммите 5 июля 2000 г. в Душанбе было принято решение о превращении "пятерки" в форум для рассмотрения ключевых вопросов жизнедеятельности Центральной Азии (безопасность, оборона, правоохранительная работа, внешняя политика, экономика, охрана окружающей среды, включая использование водных ресурсов, культура).

14-15 июня 2001 г. в Шанхае состоялась встреча глав шести государств — России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и присоединившегося к ним Узбекистана, на которой было объявлено о создании Шанхайской организации сотрудничества — нового регионального объединения, провозгласившего в качестве своих целей укрепление между государствами-участниками взаимного доверия, дружбы и добрососедства, поощрение эффективного сотрудничества между ними в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других областях, поддержание и обеспечение мира, безопасности и стабильности в регионе.

В принятой на саммите Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества были отражены принципиальные ориентиры построения ШОС как организации многопрофильного сотрудничества государств-членов в различных областях, представляющих взаимный интерес. В Декларации была закреплена договоренность подготовить к следующему саммиту ШОС Хартию (устав) Организации. Это взаимопонимание было реализовано в Санкт-Петербурге.

Этот экскурс в историю необходим для того, чтобы еще раз проиллюстрировать один принципиально важный момент — ШОС возникла не в результате субъективных решений, исходящих из тех или иных сиюминутных, конъюнктурных соображений, а как результат осознания государствами-участниками своих коренных объективных потребностей и того неопровержимого факта, что найти наиболее адекватный ответ на стоящие перед ними проблемы можно только на рельсах равноправного взаимовыгодного сотрудничества,

объединения усилий во имя блага каждого в отдельности и всех вместе. Как отмечалось в выступлении В.В.Путина на Санкт-Петербургском саммите, развивающиеся в мире тенденции подтверждают, что стратегическое решение о создании Шанхайской организации сотрудничества было правильным. В Декларации, подписанной шестью лидерами в Санкт-Петербурге, зафиксировано, что создание ШОС соответствует реальной обстановке в регионе и в мире, а также отвечает коренным интересам народов шести стран.

С подписанием Хартии ШОС получила договорно-правовой фундамент. После ее вступления в силу ШОС обретет международную правосубъектность. В Санкт-Петербурге высшие руководители шести стран единодушно высказались за скорейшее выполнение всех необходимых внутригосударственных процедур: Хартия подлежит ратификации для ее вступления в силу. Это намерение нашло отражение и в соответствующем механизме, заложенном в основном уставном документе ШОС, — Хартия официально войдет в силу через месяц после сдачи государству-депозитарию (такovým является Китай) четвертой по счету из шести ратификационных грамот.

Согласно Хартии, в ШОС создается четкая структура органов. Высший из них — Совет глав государств (СГГ), первое заседание которого состоится в следующем году. Учреждается также Совет глав правительств (СГП), который будет курировать вопросы, относящиеся к конкретным, в особенности экономическим, сферам взаимодействия в рамках Организации, а также вопросы ее бюджета.

Текущими делами ШОС будет ведать Совет министров иностранных дел. СМИД “по определению” отвечает и за внешнеполитическую координацию деятельности стран-членов.

В качестве механизма практического сотрудничества по “профильным” направлениям выступают совещания руководителей соответствующих ведомств.

Ответственность за координацию повседневной работы ШОС возложена на Совет национальных координаторов. СНК, кстати, уже доказал свою дееспособность и эффективность при работе над проектом Хартии ШОС.

На первом этапе в ШОС формируются два постоянно действующих органа — Региональная антитеррористическая структура со штаб-квартирой в Бишкеке и Секретариат с месторасположением в Пекине.

Наиболее полное представление о целях, задачах и основополагающих принципах ШОС дает политическая Декларация Санкт-Петербургского саммита ШОС. В ней констатируется, что ШОС создана с целью укрепления между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства, упрочения разностороннего взаимодействия в деле поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, совместного противодействия новым вызовам и угрозам, поощрения эффективного и взаимовыгодного сотрудничества в различных областях, содействия экономическому росту, социальному и культурному развитию государств-членов Организации.

ШОС базируется на принципах взаимного уважения суверенитета, независимости, территориальной целостности и нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы или угрозы силой, равноправия всех государств-членов.

Особо следует выделить последний параграф Декларации, в котором подтверждается, что ШОС не является блоком или замкнутым альянсом, не направлена против отдельных стран или групп государств, открыта для широкого сотрудничества с другими государствами и международными объединениями в соответствии с целями и принципами Устава ООН и нормами международного права, на основе учета взаимных интересов и общности подходов к решению региональных и общемировых проблем.

Важное практическое значение имеет то, что Хартия, как упоминалось, предусматривает создание Региональной антитеррористической структуры

(РАТС) в качестве постоянно действующего органа ШОС, предназначенного для содействия координации и взаимодействию компетентных органов Сторон в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, как эти деяния были определены в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом от 15 июня 2001 г. Специальное Соглашение по РАТС, которое было также подписано на встрече в Санкт-Петербурге, служит весомым конкретным вкладом всех государств-членов ШОС в создание глобальной системы по обузданию сил терроризма.

Подписание Хартии и Соглашения по РАТС — события принципиальной важности для скорейшего становления ШОС. Два этих документа без преувеличения можно назвать краеугольными элементами при возведении международного-правового каркаса Организации.

Параллельно с организационным строительством набирает обороты процесс налаживания практического взаимодействия государств-членов по многим другим направлениям. Оно, это взаимодействие, становится все более насыщенным и динамичным.

Хотелось бы выделить в этой связи некоторые ключевые, на наш взгляд, моменты.

На первой встрече 14 сентября 2001 г. в Алма-Ате глав правительств шести стран, вошедших в ШОС, были даны магистральные ориентиры развития экономического сотрудничества в рамках ШОС, включая разработку долгосрочной программы. Они сформулированы в подписанном главами правительств Меморандуме между Правительствами государств-участников Шанхайской организации сотрудничества об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций. С этой целью создан механизм консультаций министров, отвечающих за торговлю и экономическое сотрудничество, в рамках которого намечено образовать многостороннюю рабочую группу экспертов и экспертные группы по различным направлениям отраслевого сотрудничества. Первая встреча министров государств-членов ШОС, отвечающих за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность, состоялась в мае 2002 г. в Шанхае.

Основными целями развития регионального экономического сотрудничества государств-участников ШОС являются выявление экономической взаимодополняемости государств-участников в интересах содействия всеобщему развитию их экономики, расширение масштабов торговли и инвестиций, содействие развитию совместных производств и торгово-экономической деятельности хозяйствующих субъектов, улучшение торгового и инвестиционного климата, создание условий для постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий; гармонизация национальных законодательств, регулирующих внешнеэкономическую деятельность; эффективное использование имеющейся инфраструктуры в области транспорта и коммуникаций, дальнейшее развитие транзитного потенциала; развитие сотрудничества в области торговли услугами; обеспечение рационального природопользования, осуществление совместных экологических программ и проектов; создание и развитие механизмов осуществления регионального экономического сотрудничества.

Сложившиеся между государствами-участниками ШОС отношения конструктивного партнерства, базирующиеся на принципах доверия и взаимного уважения, позволяют использовать преимущества, предоставляемые географической близостью и взаимодополняемостью экономик, стимулируют активный поиск совместных проектов сотрудничества и кооперации, исходя из открытости вовне. Эта сторона деятельности Организации рассматривается государствами-членами как задача особой важности. Все члены ШОС ясно понимают, что именно экономическое сотрудничество со временем должно стать

цементирующим фактором в деле укрепления Организации, даст широким слоям населения наших стран возможность почувствовать зримую отдачу от участия в ней.

Антитеррористическое направление в деятельности ШОС, ставшее в последнее время одним из приоритетных для Организации, получило дополнительный импульс после событий 11 сентября 2001 г. в США. Как отмечалось выше, государства-члены ШОС еще задолго до трагедии в США столкнулись с угрозой со стороны террористических сил, нашедших прибежище в Афганистане. Они не раз призывали международное сообщество правильно оценить масштабы нависшей над миром угрозы и принимали соответствующие контрмеры как на национальном уровне и в двусторонних отношениях, так и в рамках Организации.

ШОС была одной из первых международных организаций, отреагировавших на эти события специальным Совместным заявлением глав правительств государств-участников ШОС от 14 сентября 2001 года, в котором, в частности, было отмечено, что противодействие терроризму, экстремизму и сепаратизму является одной из важнейших задач Организации, а также выражена готовность к тесной координации со всеми государствами и международными организациями с целью принятия эффективных мер в деле бескомпромиссной борьбы по искоренению глобальной опасности, исходящей от терроризма.

7 января 2002 г. в Пекине состоялось внеочередное совещание министров иностранных дел ШОС, на котором принято весомое Совместное заявление, зафиксировавшее развернутое видение государствами-участниками ШОС перспектив и принципиальных основ глобальной борьбы с терроризмом и отразившее единые позиции государств-участников относительно путей урегулирования и постконфликтного обустройства в Афганистане, конкретных направлений совместной работы в сферах безопасности и развития, а также роли и места ШОС в решении упомянутых задач.

В Заявлении подчеркивается, что ШОС, объединяющая соседей Афганистана, намерена принять самое активное участие в постконфликтном обустройстве этой страны, а также в более широком плане — в обеспечении региональной стабильности и безопасности. Внимание, в частности, обращено на твердую и активную поддержку государствами-членами ШОС усилий временной афганской администрации по созданию надежных гарантий того, что Афганистан никогда больше не будет очагом распространения терроризма, сепаратизма и наркотиков. ШОС призвала международное сообщество к взаимодействию в рамках ООН в целях недопущения новой дестабилизации обстановки в Афганистане, к построению мирного и нейтрального афганского государства. Подчеркнуто также, что любые попытки навязать Афганистану те или иные формы правления, втягивания этой страны в сферу чьего-либо влияния могут привести к новому кризису, а определение будущего политического устройства, выбор структуры и характера органов власти — неотъемлемое право самого афганского народа. Было заявлено также о намерении государств-членов ШОС внести свой вклад в оказание гуманитарной помощи Афганистану и в проекты его экономической реконструкции.

Одновременно государства-члены ШОС изложили свое общее видение перспектив глобальной борьбы с терроризмом. Внимание обращено на то, что крах режима талибов в Афганистане не означает автоматической ликвидации формирований и групп международного терроризма. Акцентировано, что страны ШОС осуждают и решительно борются с терроризмом во всех его проявлениях, выступают против использования террористических методов для достижения политических целей, за то, чтобы противодействие терроризму, который не имеет конкретной национальной или религиозной принадлежности, не отождествлялось с борьбой против какой-либо религии, свободы вероисповедания, отдельных стран и национальностей. Следует обеспечить эффективную

борьбу с угрозой терроризма на всех уровнях — глобальном, региональном и национальном. Эта борьба должна быть лишена тенденциозности и “двойных стандартов”. Все государства-участники ШОС в равной степени озабочены террористической угрозой и с пониманием относятся к действиям государств-участников по борьбе с ней, считают их важной составной частью международной борьбы с терроризмом.

В совместном заявлении министров подчеркнута единое понимание государствами-участниками ШОС того, что ведущая роль в международной борьбе против терроризма принадлежит ООН и ее Совету Безопасности, а все антитеррористические операции должны отвечать целям и принципам Устава ООН и другим общепризнанным нормам международного права, их рамки не могут расширяться произвольно, они не должны сопровождаться вмешательством во внутренние дела суверенных государств.

Зафиксированы общее мнение, что глобальная система противодействия терроризму должна опираться на региональные, субрегиональные и национальные структуры, и намерение в ближайшее время завершить создание антитеррористической структуры ШОС в г. Бишкеке. Выражена надежда, что аналогичные структуры будут также созданы в рамках других региональных и субрегиональных объединений, и что это будет способствовать международной борьбе против терроризма.

Хорошую динамику обрело взаимодействие в борьбе с другими т.н. новыми вызовами — наркобизнесом, организованной транснациональной преступностью, незаконной торговлей оружием, нелегальной миграцией и т.д. Еще в 1998 г. в рамках “шанхайской пятерки” сформировалась так называемая “Бишкекская группа” руководителей правоохранительных органов и спецслужб государств-участников, собирающаяся на регулярной основе для рассмотрения всех соответствующих вопросов. На встрече в Санкт-Петербурге было сочтено целесообразным, взяв за образец налаживание антитеррористического взаимодействия, начать институализацию уже в формате ШОС сотрудничества в сфере пресечения незаконного оборота наркотиков и оружия и других видов транснациональной преступности.

Налаживается и механизм внешнеполитической координации государств-членов ШОС. Помимо вышеотмеченного внеочередного СМИД в Пекине, министры иностранных дел стран ШОС только за первое полугодие 2002 г. собирались еще дважды — в конце апреля и затем в июне в рамках Санкт-Петербургского саммита. Есть договоренность о проведении до конца года как минимум еще одного СМИД. В Хартии ШОС в числе основных направлений сотрудничества государств-членов зафиксирован поиск общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам, представляющим общий интерес, в том числе в международных организациях и на международных форумах.

Наглядным примером широкого совпадения внешнеполитических подходов и геополитического мировоззрения государств-членов ШОС служит Декларация Санкт-Петербургского саммита, в которой высказаны общие точки зрения по обширному спектру узловых проблем современности. Подтвержденный на встрече принцип открытости ШОС и понимание всеми государствами-членами того, что задачи, которые призвана решать Организация, как региональное объединение, не могут рассматриваться вне контекста важнейших событий современного мира, будут укреплять эффективность ШОС, ее связь с процессами и тенденциями, происходящими в глобальном измерении.

За прошедший год в Организации появилась гуманитарная составляющая, начало чему положено апрельской встречей министров культуры государств-членов в Пекине. У стран ШОС есть общее понимание того, что это — важнейший канал укрепления взаимопонимания, а значит и взаимного доверия и дружбы между народами.

Полезные мероприятия проведены по линии министерств обороны (май, Пекин), погранслужб (апрель, Алма-Ата), ведомств, отвечающих за ликвидацию чрезвычайных ситуаций (апрель, Санкт-Петербург).

Показательно, что все больше учреждений и ведомств государств-участников выражают желание включиться в деятельность ШОС. Хорошие возможности налаживания сотрудничества государства-члены видят, например, в сферах природоохраны, образования, здравоохранения, контрольно-ревизионной деятельности.

Таким образом, процесс наращивания материальной ткани ШОС идет полным ходом. Иными словами, за прошедший год идея ШОС из плоскости "договоренности о намерениях" вышла на уровень практической работы. В центре Евразии появляется новое динамичное объединение, охватывающее около пятой части населения планеты и включающее в себя такие глобальные величины, как Россия и Китай, которые вошли в новый век стратегическими партнерами.

Однако впереди у Организации длинный путь. Формирование и становление нового международного объединения — непростая задача, требующая времени. Достаточно упомянуть, что, помимо Хартии — устава ШОС, предстоит разработать еще порядка тридцати соглашений и других нормативных документов, детализирующих положения Хартии и определяющих порядок функционирования механизмов Организации.

Кроме того, необходимо сделать так, чтобы все достигнутые договоренности воплотились на практике, не остались декларациями. Это значит, что нужно определить конкретные направления сотрудничества, отвечающие интересам всех участников, согласовать формы практического взаимодействия, создать соответствующие институты и запустить их в работу. Надо также иметь в виду, что создание работоспособного механизма такого, в частности, направления, как экономическое сотрудничество в рамках ШОС, проходит на фоне и под воздействием многих международных факторов. Предстоит решать проблемы не только внутреннего, странового масштаба, но и связанные с процессом глобализации со всеми его позитивными и негативными аспектами. Поэтому предстоит выбрать правильные векторы развития, включая использование принятых в мире элементов регионального регулирования.

Все члены Организации настроены на деловой лад, чуждый парадности и формализма, искусственному подталкиванию событий, погоне за количественными показателями и т.п., стремятся отрегулировать механизмы ШОС таким образом, чтобы они работали слаженно и бесперебойно, с максимальным коэффициентом полезного действия. Именно такой подход, по общему убеждению, обеспечит ШОС устойчивость, результативность и притягательность. Организация уже весомо заявила о себе на мировой арене. Характерно, что такие документы, как Заявление глав правительств стран ШОС от 14 сентября 2001 г. и Совместное заявление СМВД ШОС от 7 января 2002 г., вызвали широкий позитивный международный резонанс.

Думается, что генезис ШОС уникален по ряду составляющих. Конечно, сопоставлять или, тем более, противопоставлять ШОС другим организациям не совсем уместно. Но ряд ее специфических черт стоит отметить.

Прежде всего, это — равноправие и консенсус. В ШОС нет "ведущих" и "ведомых" участников. Все решения в ней принимаются путем, выражаясь математическим языком, приведения к общему знаменателю и гармонизации взглядов и подходов всех шести государств. Это относится в том числе и к вопросу об американском военном присутствии в Центральной Азии, в свое время вызвавшем немало домыслов о его возможном дестабилизирующем воздействии на ШОС. Как четко зафиксировано в Декларации Санкт-Петербургского саммита, государства-члены ШОС имеют неотъемлемое право на самостоятельный выбор форм и методов обеспечения своей безопасности, включая на-

лаживание сотрудничества с другими государствами. Они будут проводить эту политику таким образом, чтобы не вызвать негативных последствий для региональной стабильности и безопасности. Конечно, консенсус — сложный механизм, но только он позволяет в полной мере учесть интересы и подходы всех государств-членов.

В то же время в ШОС создается четкая структура органов и механизмов, что имеет своей целью обеспечить высокую оперативность и эффективность ее функционирования.

Такая схема уже начала доказывать свою дееспособность. Государствам-членам неизменно удавалось найти общее взаимопонимание. Наглядный пример — работа над Хартией или Совместным заявлением министров иностранных дел от 7 января с.г. Обращает на себя внимание еще один важный момент. Как неоднократно подчеркивалось участниками, ШОС — не военный блок или замкнутый альянс. Организация не направлена против тех или иных государств или каких-либо международных объединений. ШОС — открытая структура, ориентированная на широкое международное сотрудничество.

Все партнеры по ШОС убеждены, что, в конечном итоге, наиболее актуальные для наших стран проблемы можно решить именно через региональное сотрудничество, тем более, что ШОС — не оборонный союз, а механизм многопрофильного сотрудничества государств-участников в самых различных областях, к которым иностранное военное присутствие в регионе не имеет отношения. Разумеется, все участники заинтересованы в том, чтобы ШОС стала эффективным инструментом укрепления безопасности, стабильности и сотрудничества в Центральной Азии и прилегающих районах.

Становление ШОС происходит в условиях набирающих силу глубоких перемен в мире. Мировое сообщество стоит перед необходимостью эффективно справляться с новыми вызовами и угрозами безопасности. Как отмечается в санкт-петербургской Декларации, государства-члены ШОС строят свои отношения в рамках формирующейся многополярной системы международных отношений, полагают, что миропорядок в XXI веке должен опираться на механизмы коллективного решения ключевых проблем, верховенство права и последовательную демократизацию международных отношений. Государства-члены ШОС будут предпринимать усилия по предотвращению и мирному урегулированию международных конфликтов, связанных с межэтническими, межконфессиональными, территориальными, политическими и иными противоречиями, в строгом соответствии с Уставом ООН и нормами международного права, намерены наращивать сотрудничество между собой и с другими странами в поиске ответов на вызовы процесса глобализации, нейтрализации его негативных аспектов и возможных рисков, сохранения многообразия форм экономического, социального и культурного развития. Глобализация и национальные интересы государств — не взаимоисключающие, а взаимодополняющие структурные элементы развивающегося мироустройства. Международное сообщество нуждается в выработке концепции безопасности нового типа, базирующейся на принципах взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства и взаимодействия, способствующей радикальному ослаблению факторов, подрывающих безопасность, и искоренению источников новых угроз.

ШОС открыта для широкого международного сотрудничества в соответствии с целями и принципами Устава ООН, на основе учета взаимных интересов и общности подходов к решению региональных и общемировых проблем. Государства-участники объединились не против кого-либо, а против тех вызовов и угроз, которые создают опасность для человечества. Главная цель ШОС — мир, безопасность и благополучие народов государств-участников, обеспечение стабильности и развития в регионе и во всем мире. Страны ШОС преисполнены решимости развивать и укреплять взаимодействие в областях, представляющих взаимный интерес, находить общие точки зрения при уваже-

нии и учете мнения и национальных интересов каждого государства. Именно в этом одна из привлекательных особенностей нового объединения, вызывающего сегодня интерес у многих стран и международных организаций.

Авторитет ШОС в мире возрастает. Об Организации уже говорят как о влиятельной и дееспособной международной структуре, которая намерена и в состоянии давать ответы на непростые вызовы современности. ШОС уже воспринимается как состоявшаяся геополитическая реальность, важный участник международной жизни. Со стороны ряда стран и международных объединений выражается желание наладить контакты с ШОС. Интерес к деятельности Шанхайской организации сотрудничества проявляют Индия, Иран, Пакистан, Шри-Ланка, Монголия, США, Япония, АСЕАН, ЕС, ОБСЕ, другие государства и международные организации.

Государства-члены ШОС позитивно воспринимают все подобные сигналы. В настоящее время в рамках Организации прорабатываются различные схемы ее взаимодействия с другими международными объединениями и отдельными государствами. Имеется в виду придать им максимально гибкий и конструктивный характер. Однако вопросы, касающиеся перспектив расширения состава ее участников, в настоящее время в ШОС не обсуждаются. В практической плоскости об этом можно будет говорить после вступления в силу Хартии и других соответствующих нормативных документов.

Становление ШОС — фактор отнюдь не регионального звучания. ШОС уникальна по целому ряду параметров. Организация носит по сути трансрегиональный характер, что создает предпосылки для задействования в перспективе ее потенциала на весьма обширном пространстве.

В число учредителей ШОС входит Китай, до недавнего времени избежавший формализации своего участия в региональных международных объединениях. Китай — один из ключевых партнеров России не только в региональных, но и в глобальных делах. В этом смысле ШОС может стать своего рода мостом между европейским и азиатским континентами.

Весьма характерно, что встреча глав государств-членов ШОС в Санкт-Петербурге проходила на фоне беспрецедентного всплеска международной дипломатической активности — российско-американской встречи в верхах, саммитов Россия-НАТО и Россия-ЕС, представительного форума Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и др.

Конечно, никто специально не планировал подобный “залп” международных мероприятий высшего уровня, ставший скорее отражением тех бурных процессов, которые развиваются на планете. В мире крепнет понимание того, что найти ответы на вызовы, с которыми сейчас сталкивается человечество, мы можем только на путях сплочения усилий всех стран, на путях многостороннего равноправного сотрудничества без традиционного деления на “своих” и “чужих”. Происходит формирование новой системы международных отношений, базирующейся на принципах многостороннего взаимодействия и партнерства. Принципиально важно, чтобы ШОС, учитывая ее географический охват — от Балтики до Тихого океана, играла в этих процессах активную, инициативную роль.

Поступательное укрепление ШОС, ее превращение в системообразующий фактор региональной безопасности отвечают магистральным тенденциям международного развития. Это симптоматично, что Организация не направлена против кого-либо, а нацелена на противодействие угрозам, представляющим общую для всех опасность. Государства-участники объединяют усилия для обеспечения спокойствия и благополучия своих народов, стабильности и безопасности в Азии. Нет таких стран, с которыми не могла бы сотрудничать ШОС в тех или иных формах.

И в этом смысле суть этой организации отвечает духу времени.

Безопасность личности и трансрегиональная безопасность в Евразии. В поисках противодействия угрозе международного терроризма

© 2002

В. Петровский

Трагические события 11 сентября 2001 г. коренным образом изменили ситуацию в области международной безопасности, а также ее восприятие общественностью, политическими элитами и экспертами. Поскольку основной мишенью международных террористов становится мирное население, на первый план выдвигается способность государств и правительств, с их реальной силовой мощью, обеспечить не только свою безопасность, но и безопасность граждан и обществ в новом веке антитеррористических войн.

Этим объясняется возрастание всеобщего интереса к концепции безопасности личности (Human Security), которая, в отличие от традиционных концепций безопасности, ставит в центр внимания проблемы выживания и безопасности человека, обеспечения его прав, создания условий для достойного человеческого развития.

Международный терроризм становится общей и основной угрозой для мирового сообщества в ряду прочих новых вызовов и угроз. Классификацию проблем безопасности согласно концепции российских исследователей И.Д. Звягельской и В. В. Наумкина можно представить следующим образом:

угрозы — наиболее опасные явления, способные нанести существенный урон в сфере безопасности и требующие немедленных активных действий по их нейтрализации (терроризм, наркобизнес, рост организованной преступности);

вызовы — явления, обладающие дестабилизирующим потенциалом воздействия, для ответа на которые требуется комплекс долгосрочных экономических, политических и гуманитарных мероприятий (массовый приток мигрантов, проблема беженцев);

риски — побочные негативные результаты человеческой деятельности, для преодоления которой требуется коррекция политической и экономической стратегии (ухудшение экологической ситуации, распространение инфекционных заболеваний)¹.

В рамках данной классификации международный терроризм можно рассматривать как первоочередную угрозу международной безопасности, порождающую прочие вызовы и риски безопасности. Комплексный характер угрозы международного терроризма отражает актуальность концепций безопасности личности и человеческого развития.

Подход, основанный на принципах человеческого развития, сформировался в конце 1980-х гг. в основном благодаря усилиям Махмуда уль Хака и под воздействием работ Нобелевского лауреата Амартия Сена. Их основные

Петровский Владимир Евгеньевич, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, действительный член Академии военных наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ.

положения сводились к тому, что конечной целью развития должно быть повышение качества жизни людей. Облаченная единожды в словесную форму, эта концепция интуитивно была признана человечеством как объективная реальность. Однако она оказалась в тени в результате увлечения идеями экономического роста и связанной с ним поддержкой развития свободного капитализма. Беспроblemное функционирование рыночных механизмов рассматривалось как наиболее солидная гарантия экономической эффективности и роста, таким образом, основной функцией государства было оказание содействия в обеспечении жизнедеятельности этих механизмов.

Перспективы развития, ориентированные на гуманитарные интересы человека, начали вытеснять мотивы, направленные только на получение прибыли. Сводные показатели национального дохода, даже в пересчете на душу населения, не показывают, каким образом распределяются доходы среди населения, кто получает от них наибольшую выгоду и каким образом это происходит. Помимо этого, люди высоко ценят множество других вещей, которые не имеют непосредственной связи с доходами: доступ к образованию, здоровье, лучшие условия труда, защищенность от преступности и жестокости, свобода и участие в управлении государством.

В рамках концепции человеческого развития повышение уровня производства рассматривается только как средство для достижения конечной цели — благосостояния человека. Практической задачей является обеспечение взаимосвязи между экономическим ростом и человеческим развитием. Обычно идеи человеческого развития выражаются двумя способами: (1) расширение возможностей человеческой личности или (2) расширение возможностей выбора. Возможности должны быть соотнесены со способностью людей осуществлять действительно нужную и целесообразную деятельность.

Амартия Сен классифицирует человеческую деятельность следующим образом: активность — состояние — способности (потенциальные возможности). Деятельность — это уже результат, в то время как способности — это только возможность получить тот или иной результат, а это в свою очередь означает, что деятельность способна обретать различные конкретные формы. Деятельность является более непосредственным отражением условий жизни, в то время как возможности предполагают свободу выбора одного из множества возможных видов деятельности.

Деятельность, направленная на обеспечение благосостояния, может обретать самые разнообразные формы и охватывать различные сферы: от снижения уровня заболеваемости и смертности, обеспечения сбалансированного питания, свободы передвижения до более сложных понятий, таких как самовлажение личности или участие в общественном самоуправлении.

Условия жизни — это и есть условия существования, а деятельность отражает различные аспекты этого существования, в то время как содержание деятельности является отражением возможностей личности. Свобода выбора разных стилей жизни отражается в наборе возможностей личности. Свобода, безусловно, зависит от ряда факторов, в том числе и от личностных характеристик человека, наряду с присутствием в обществе различных социальных и политических институтов. Иными словами, оценка спектра возможностей при выборе не может быть дана независимо от природы выбора с точки зрения действия повышению благосостояния человека.

Свобода — это жизненно важная составляющая человеческого развития. Однако демократия и свобода не ограничиваются урной для голосования, которая остается лишь символом формально провозглашенной демократии. Защита прав человека и активное вовлечение организаций гражданского общества, общественных организаций в процесс принятия решений на государственном уровне также играют огромную роль в процессе человеческого развития.²

Концепция человеческого развития активно используется и продвигается рядом ученых, экспертов и общественных деятелей, связанных с Программой развития ООН (ПРООН), Всемирным Банком, международной общественной Комиссией по безопасности личности (Human Security Commission). По сути дела, проблемы человеческого развития, прав человека и безопасности личности разрабатываются в одном «концептуальном поле», хотя и имеют свои, определенно выраженные, особенности.

Так, концепция безопасности личности, подобно концепции человеческого развития, является многоуровневой, междисциплинарной и ставит в центр внимания права и развитие личности. Однако концепция человеческого развития сосредоточена на достижении более общих и долгосрочных задач, связанных с возможностями развития человека и обеспечением соответствующих прав, в то время как концепция безопасности личности более четко сфокусирована на решении определенного круга конкретных задач, имеющих систематический превентивный аспект.

Концепция безопасности личности связана с выявлением и предотвращением кризисных и конфликтных ситуаций, а также с ликвидацией последствий связанных с этим негативных проявлений. Деятельность в области обеспечения безопасности личности зачастую носит более или менее краткосрочный, оперативный характер, связанный не только с долгосрочным развитием человеческого потенциала, но и со спасательными, миротворческими операциями и пр.³

Безопасность личности и традиционная «национальная безопасность» имеют много общего. Оба подхода связаны с выявлением угроз безопасности для основных групп населения на базе обобщения эмпирического материала и стратегического анализа. К угрозам такого рода относят терроризм, экономическую и финансовую нестабильность, конфликты, распространение ВИЧ/СПИД и других массовых инфекционных заболеваний, и пр. В рамках обоих подходов формулируются комплексные долгосрочные ответы институционального характера с вовлечением различных акторов и с использованием разнообразных средств. Механизмы предотвращения угроз и ликвидации их последствий включают в себя использование политико-правовых, экономических и силовых инструментов.

Главное отличие концепций национальной безопасности и безопасности личности состоит в том, что первая сосредоточена главным образом на безопасности людей и общественных групп, проживающих в рамках определенных государственно-территориальных образований. Отсюда — приоритетное внимание вопросам территориальной целостности государств, обеспечения баланса сил между ними. Безопасность личности имеет во многом сходную, но более широкую «повестку дня».

Концепции безопасности личности и прав человека также тесно взаимосвязаны. Обе нацелены на выявление и ликвидацию основных угроз, связанных с распространением бедности и насилия. Однако в рамках концепции безопасности личности далеко не все из прав человека могут считаться в равной степени приоритетными. На практике различные институты, связанные с обеспечением и развитием безопасности личности, вполне легитимно имеют дело лишь с ограниченным набором прав и свобод человека, соблюдение которых непосредственно необходимо для обеспечения безопасности личности.

Проблематика обеспечения безопасности личности изначально разрабатывалась в рамках западной политической культуры и рассматривалась в контексте усилий по обеспечению коллективной обороны и безопасности для Евро-Атлантического региона. Так, по мнению Р. Козна, безопасности личности является «стержнем любой действенной международной системы безопасности, в основу которой положены либерально-демократические идеалы. Соблю-

дение и защита основных свобод личности — это то ядро, производными от которого являются все остальные формы безопасности»⁴.

В свою очередь М. Михалка полагает, что практика принятия решений на основе консенсуса содействует выработке общей идентичности в рамках многосторонних подходов к обеспечению безопасности, способствуя созданию систем безопасности на основе сотрудничества — и не только в Европе. Называя АСЕАН «ограниченной системой безопасности на базе сотрудничества без демократии», он подчеркивает, что «страны-члены АСЕАН имеют только два объединяющих фактора — географическую близость и веру в общее будущее, но и их оказалось достаточно для превращения АСЕАН в орган безопасности на базе сотрудничества»⁵.

У демократии появился общий враг в лице международного терроризма, и в результате США и Россия, Запад и Россия вместе участвуют в борьбе с этим злом, справедливо констатирует Ю. Я. Киршин. Причем ныне Россию и США объединяет не только общий враг, как это было во Второй мировой войне, но и демократические ценности.

Партнерские, союзнические отношения РФ и США в борьбе с международным терроризмом создают благоприятные условия для коренного улучшения отношений России с Западом в рамках региональной и глобальной безопасности, в сфере политики и экономики. В сложившихся условиях борьба с международным терроризмом должна стать политическим фоном, главным критерием при решении всех актуальных проблем: отношения НАТО с Россией; ПРО; ядерное разоружение; глобализация и т.д.⁶

Международный терроризм и ответ на него — антитеррористическая борьба — это новое супер-социальное явление длительного характера в жизни мирового сообщества. В нем сочетаются насилие и ненасилие; использование военных и невоенных средств; разрешение классовых, национальных, религиозных и цивилизационных противоречий; войны различных типов и «холодная» война между государствами и политическими силами.

Человечество веками вырабатывало образ жизни в условиях постоянного насилия — войн, революций и пр. В современных условиях борьбы с международным терроризмом будет формироваться новый образ жизни, который охватит все сферы жизнедеятельности человеческого общества. Надо будет научиться жить в условиях, когда опасность станет почти обыденным явлением⁷.

На протяжении последнего десятилетия проблемы обеспечения безопасности личности обсуждались и в Азии. Им была посвящена специальная международная конференция в Токио в 1994 г. На ней отмечалось: «Сам термин «безопасность личности» нов для Азии, но это не означает, что идея всеобъемлющей безопасности и благосостояния людей не стоит в повестке дня дискуссий по вопросам безопасности. Просто эти темы часто обсуждаются под рубрикой «проблемы развития»»⁸. В рамках такого понимания национальная безопасность не сводится к безопасности государства (защищенность суверенитета и территориальной целостности от внешних угроз, а также защищенность правящего режима от внутренних угроз), но включает в себя безопасность и благосостояние населения.

Культурно-цивилизационные особенности стран и народов Азиатско-Тихоокеанского региона не могли не наложить своего отпечатка на дискуссии по проблемам безопасности личности и прав человека в Азии. На Всемирной конференции ООН по обсуждению проекта Декларации прав человека в июне 1993 г. в Вене группа делегаций азиатских стран во главе с Китаем, Индонезией и Малайзией подняла проблему соотношения социально-экономических и политических прав, отнеся последние к «западным ценностям». Голодные люди без крыши над головой не будут думать о своих избирательных правах, утверждали они. Их оппоненты настаивали на том, что, не пользуясь своими политическими правами, люди не смогут обеспечить себе даже пищу и кров.

В этой связи Амартия Сен, автор концепции человеческого развития, заметил, что голод и бедствия случаются как раз в тех странах, где права человека и свобода слова находятся под запретом, что не дает возможности распространять информацию с целью принудить власти должным образом реагировать на кризис.⁹

Нельзя не согласиться с выводом Линкольна Чена, известного специалиста по проблемам человеческого развития и безопасности личности, члена международной Комиссии по безопасности личности, который заключил, что соотношение приоритетности различных измерений безопасности включено в различные социально-культурные и исторические контексты, но при этом существует некая общая ценностная основа понимания безопасности. В области практической политики важно выделять именно эту основу, общее понимание безопасности, а не различные конфликтные версии такого понимания.¹⁰

Трагические события 11 сентября существенным образом повлияли на дискуссию вокруг проблем безопасности личности в Азии. Даже скептики и критики «западных ценностей» признали, что основные права и безопасность личности, будь то в либерально-демократической, конфуцианской, или иной интерпретации, нужно сообща защищать от угрозы международного терроризма. Сама эта угроза приобрела новые, особенно опасные нюансы:

— стратегические — угроза существует и продолжает усугубляться, в том числе в странах, ранее не знакомых с проявлениями терроризма;

— асимметрические — в отличие от обычных боевых действий с традиционным использованием соответствующих сил и средств, норм международного права и правил ведения войны, террористы умышленно используют средства и методы, полностью игнорирующие эти нормы и правила, что ставит под угрозу саму основу цивилизованного общества;

— апокалиптические — террористы стремятся причинить возможно большие и долговременные страдания, сеют смерть и разрушения среди невинных мирных людей, в том числе детей и стариков, не останавливаясь и перед уничтожением своих сообщников, а также разрушением инфраструктуры общества и окружающей среды;

— отрицание правил, ограничений и переговоров — террористы движимы глубоко укорененной убежденностью в неполноценности общественно-политических принципов и норм западного общества, смыкаясь, по аналогии с западной культурной парадигмой, с христианским пониманием дьявола;

— не всегда исламские — террористические акты готовятся и вдохновляются лицами, группами и даже государствами, не всегда имеющими отношение к исламу;

— одностороннее понимание — террористы, в отличие от их жертв, хорошо знают и долго изучают их; они годами живут внутри западных обществ, дожидаясь своего часа, а процесс их подготовки и обучения часто начинается с детства и не прекращается никогда. Они лучше понимают нас, чем мы их.¹¹

Понимание глубинной связи между проблемами безопасности личности и человеческого развития, а также важности межцивилизационного диалога — вот что отличает современный «азиатский ответ» на угрозу международного терроризма. Активную роль в формировании такого подхода сыграло правительство Японии (профинансировавшее создание международной Комиссии по безопасности личности), а также АСЕАН. В ноябре 2001 г. была принята Декларация АСЕАН о совместном противодействии терроризму, призывающая «разработать эффективную политику и стратегию по улучшению благосостояния наших народов, что явится нашим национальным вкладом в борьбу против терроризма».¹²

Такой подход находит все более широкое распространение и в Евразии. На саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в июне 2002 г. в Алма-Ате была принята Декларация СВМДА об устранении

терроризма и содействию диалогу между цивилизациями, в которой говорится: «Мы рассматриваем в качестве одной из первостепенных задач мирового сообщества наращивание усилий для ликвидации нищеты, безработицы, неграмотности, экстремизма, нетерпимости, укоренившейся ненависти и всех форм дискриминации. Мы считаем необходимым обеспечить устойчивое развитие всех регионов мира и уделять больше внимания социально-экономическим аспектам глобализации».¹³

Противостоять угрозе международного терроризма можно только сообща. В Евразии, на стыке Евро-Атлантического и Азиатско-Тихоокеанского регионов, возникают новые международные механизмы и режимы, сочетающие в себе элементы коллективной безопасности и безопасности на основе сотрудничества. Они создаются для координации усилий в области противодействия новым транснациональным угрозам. Наблюдается тенденция к взаимовлиянию и взаимопроникновению уже существующих и вновь создаваемых многосторонних механизмов безопасности.

К системам первого типа можно отнести Договор о коллективной безопасности стран СНГ, преобразованный в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Данное решение было принято в русле усилий международного сообщества по противодействию угрозе международного терроризма в Центральной Азии. Государства-участники ОДКБ, в который входят Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан, выработали единую позицию по поводу возможного распространения действий анти-террористической коалиции на другие регионы.

Выступая по окончании сессии Совета коллективной безопасности в Москве в мае 2002 г., президент России В. Путин отметил, что международная антитеррористическая коалиция заслуживает поддержки стран-участниц Договора и что все действия антитеррористической коалиции должны быть согласованы с ООН и Советом Безопасности ООН. "Страны ДКБ сотрудничают и дружат не против кого-то, а против угроз, с которыми мы сталкиваемся", — подчеркнул Владимир Путин. Президент отметил также, что ОДКБ готова сотрудничать с другими организациями подобного рода, "как на Востоке, так и на Западе", в частности, с Североатлантическим альянсом и Шанхайской организацией сотрудничества.¹⁴

"Действия государств-участников по укреплению Договора о коллективной безопасности и его адаптация к современной геополитической ситуации позволили поднять межгосударственное военно-политическое взаимодействие в рамках Договора на качественно новый уровень", — отмечается в заявлении глав государств-участников ДКБ, принятом на сессии СКБ в Москве.

За время действия договора, говорится в документе, его члены перешли "от создания договорно-правовой и организационной основы сотрудничества к реальному формированию эффективной системы коллективной безопасности. В ее рамках активно развиваются региональные силы восточноевропейского и кавказского направлений, группировка в Центральной Азии".

"Государства-участники ДКБ сыграли достойную роль в мировой анти-террористической коалиции", они "исходят из того, что основная ответственность за обеспечение мира и стабильности ложится на сами государства региона, и будут принимать все необходимые меры в этом направлении», — отмечается в заявлении. Создание на базе Договора о коллективной безопасности международной региональной организации, говорится в документе, станет новой точкой отсчета в существовании Договора, его поступательном развитии в интересах государств-участников, всего мирового сообщества».¹⁵

Эволюцию от многостороннего переговорно-консультационного форума к полноформатной международной организации прodelьывает и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В соответствии с Хартией ШОС, приня-

той на саммите в С.-Петербурге в июне 2002 г., основные направления сотрудничества в рамках Организации включают в себя:

- поддержание мира и укрепление безопасности и доверия в регионе;
- поиск общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам, представляющим общий интерес, в том числе в международных организациях и на международных форумах;
- выработка и реализация мероприятий по совместному противодействию терроризму, сепаратизму и экстремизму, незаконному обороту наркотиков и оружия, другим видам транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграции;
- координация усилий по вопросам разоружения и контроля над вооружениями.¹⁶

Особое значение имеет Соглашение стран-членов ШОС о создании Региональной антитеррористической структуры (РАТС) со штаб-квартирой в Бишкеке.

Китайские эксперты констатируют, что завершилось превращение форумов ШОС из механизма встреч, на которых рассматривались исключительно проблемы, связанные с мерами военного доверия и вопросами сокращения вооруженных сил в зоне совместной границы, в механизм налаживания сотрудничества между странами-участницами по политической, дипломатической и военной линиям, а также в вопросах безопасности, экономического сотрудничества и пр.

Они отмечают также: «Национальный сепаратизм, религиозный экстремизм и международный терроризм идут с запада на восток от Кавказа к границам Китая, на севере — из Чечни, а на юге — к Афганистану. Эти движения объединились в единый поток и имеют сложный внешний фон, превратившись в международную силу, наносящую вред региональной стабильности и безопасности. Только объединив свои усилия, Китай и Россия смогут предотвратить развитие этих сил».¹⁷

Принципиально важной является констатация, отраженная в Декларации ШОС, о том, что «ШОС не является блоком или замкнутым альянсом, не направлена против отдельных стран или групп государств, открыта для широкого сотрудничества с другими государствами и международными объединениями в соответствии с целями и принципами Устава ООН и нормами международного права на основе учета взаимных интересов и общности подходов к решению региональных и общемировых проблем».¹⁸

Проблема борьбы с международным терроризмом находилась в центре внимания заседания саммита Совецания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в июне 2002 г. в Алма-Ате. В принятом на саммите Алматинском Акте подчеркивается:

«Мы рассматриваем как преступные любые акты, методы и приемы терроризма, а также заявляем о своей решимости взаимодействовать как на двусторонней, так и многосторонней основе в борьбе с терроризмом, включая его возможные источники. В целях искоренения этой угрозы миру и безопасности мы будем наращивать и объединять усилия по недопущению подготовки, содействия, пропаганды и финансирования терроризма в любых формах на территориях любых государств и откажем в предоставлении террористам убежища и защиты».¹⁹

На форуме в Алма-Ате отмечалось, что СВМДА — уникальный азиатский форум, объединяющий страны с различными культурами и традициями, что делает его одним из наиболее важных механизмов для продвижения диалога между цивилизациями. Государства-участники СВМДА подтвердили свое намерение всесторонне и активно развивать такой диалог, принимая во внимание, что Евразия была не только колыбелью некоторых крупнейших мировых цивилизаций, но и служила мостом между ними.²⁰

Трансрегиональное сотрудничество различных многосторонних механизмов безопасности — воистину веление времени. На российско-американской встрече в верхах в мае 2002 г. в Москве Президенты В. Путин и Дж. Буш признали общий интерес России и США в содействии стабильности, суверенитету и территориальной целостности государств Центральной Азии и Южного Кавказа. Россия и США отвергают показавшую свою несостоятельность модель соперничества «великих держав», которое может только усилить конфликтный потенциал в этих регионах.

Россия и Соединенные Штаты будут сотрудничать в урегулировании региональных конфликтов, в том числе в Абхазии и Нагорном Карабахе, а также приднестровского вопроса в Молдавии. Как два сопредседателя Минской группы ОБСЕ, они призвали президентов Армении и Азербайджана прояснить гибкость и конструктивный подход к разрешению конфликта в Нагорном Карабахе.²¹

Такая констатация является свидетельством подлинно исторического поворота во взаимоотношениях России с США и Западом. Поворот от логики соперничества к логике партнерства привел к тому, что Россия и США активно взаимодействовали в ходе осуществления антитеррористической операции в Афганистане. Государства Центральной Азии, союзники и партнеры России по ОДКБ и ШОС, по согласованию с Россией приняли решение об оказании технической и тыловой поддержки воинским контингентам США и других стран-участниц антитеррористической коалиции в ходе осуществления операции. Это согласованное решение было принято в ходе консультаций в рамках Совета коллективной безопасности (СКБ) Договора о коллективной безопасности.

Как отметил президент В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию РФ: «Для нашего государства, давно столкнувшегося с терроризмом, не стояла проблема выбора — поддержать или не поддержать усилия по уничтожению его «логова». Тем более что эти меры действительно способствовали укреплению безопасности на южных границах нашей с вами страны и в значительной степени способствовали улучшению ситуации по этому вопросу во многих странах Содружества Независимых Государств».²²

Создание трансрегиональных режимов безопасности — неотложная необходимость в борьбе против общей угрозы международного терроризма. Политические лидеры России и США полагают, что успешная кампания против терроризма должна вестись государствами путем двустороннего, регионального и многостороннего сотрудничества и требует многопланового подхода, который включает действия в правоохранительной, разведывательной, дипломатической, политической и экономической областях.

Осознавая важность многосторонних контртеррористических усилий, в том числе под эгидой ООН, «Большой Восьмерки», Европейского Союза, ОБСЕ, Группы «6+2» и в формате Россия-НАТО, США и РФ выступили в пользу дальнейшего развития региональных контртеррористических инициатив, в том числе в рамках Шанхайской организации сотрудничества и ее взаимодействия с США, направленных на улучшение обмена информацией, сотрудничество в правоохранительной области и обеспечение безопасности границ.²³

Одним из наиболее действенных механизмов трансрегионального взаимодействия по обеспечению безопасности может стать Совет Россия-НАТО — орган для консультаций, выработки консенсуса, сотрудничества, совместных решений и совместных действий России и стран-членов Альянса.

Как отмечается в принятой 28 мая 2002 г. по итогам саммита Россия-НАТО Римской Декларации, «Члены Совета Россия-НАТО, действуя в своем национальном качестве и так, чтобы учитывать соответствующие коллективные обязательства, будут принимать совместные решения и будут нести, индивидуально и совместно, равную ответственность за их выполнение».²⁴

Это означает, в частности, что Россия, по согласованию со своими партнерами и союзниками по ШОС и Организации Договора о коллективной безопасности может обсуждать и решать в рамках Совета Россия-НАТО вопросы, относящиеся к укреплению безопасности не только в Евро-Атлантическом регионе, но и на всем пространстве Центральной Евразии, включая территорию государств-членов СНГ. Таким образом, пространство безопасности в Евразии структурируется и интегрируется, и Россия становится в этом процессе центральным звеном.

Римская Декларация предусматривает широкие возможности для налаживания конкретного и эффективного сотрудничества, включая следующие формы и методы работы:

- заседания Совета на уровне глав государств и правительств, министров иностранных дел и министров обороны, послов;
- работа Подготовительного комитета на уровне Политического комитета НАТО с участием российских представителей на соответствующем уровне;
- заседания комитетов или рабочих групп по отдельным вопросам или областям сотрудничества на временной или постоянной основе (с использованием ресурсов существующих комитетов НАТО);
- встречи военных представителей и начальников генеральных штабов;
- встречи военных экспертов.

Совет Россия-НАТО призван заменить Совместный Постоянный Совет Россия-НАТО (СПС), который так и не смог стать инструментом реального сотрудничества сторон. В отличие от СПС, который был не более чем консультационным механизмом, Совет Россия-НАТО обладает действенными возможностями для выработки и реализации совместных решений — прежде всего потому, что он встроен в работу сложной военно-политической машины НАТО на всех уровнях. Он может обеспечить существенное продвижение в реализации основных направлений сотрудничества, определенных в основополагающем Акте Россия-НАТО еще в 1997 г.

Напомним, что основополагающий Акт зафиксировал такой важный принцип взаимоотношений сторон, как «развитие на основе транспарентности прочного, стабильного, долговременного и равноправного партнерства и сотрудничества с целью укрепления безопасности и стабильности».²⁵

Сфера полномочий Совета Россия-НАТО включает в себя:

- Борьбу против терроризма;
- Кризисное урегулирование;
- Сотрудничество в области нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ);
- Контроль над вооружениями и меры укрепления доверия;
- Сотрудничество в области противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД);
- Поиск и спасение на море;
- Сотрудничество между военными в сфере военных реформ;
- Чрезвычайное гражданское планирование и реагирование;
- Противодействие новым угрозам и вызовам.²⁶

В рамках указанных направлений сотрудничества предполагается провести совместную оценку террористической угрозы миротворческим силам России, НАТО и государств-партнеров, а также содействовать развитию оперативной совместимости национальных миротворческих контингентов, в том числе на основе совместных или скоординированных инициатив по их подготовке. Предусматривается дальнейшая разработка общей концепции совместных миротворческих операций Россия-НАТО, а также возможность создания интегрированного центра военной подготовки Россия-НАТО для миссий по противодействию вызовам XXI века.

Вышеописанные механизмы политико-дипломатического взаимодействия создадут основу для трансрегионального сотрудничества по укреплению безопасности в Евразии. Они обеспечивают международно-правовую легитимность сотрудничества и взаимодействия основных субъектов превентивной дипломатии, миротворчества и урегулирования конфликтов (Россия, США, ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО, ОДКБ, ШОС, СВМДА).

Завершение создания трансрегиональных механизмов безопасности в Евразии станет возможным с выработкой норм и правил взаимодействия, а также процедур принятия совместных решений. Такая кодификация будет происходить в ходе налаживания прямых контактов и консультаций между указанными странами и международными организациями и образованиями. В итоге может сложиться трансрегиональный режим безопасности в Евразии, а Россия станет связующим звеном общего пространства безопасности Евро-Атлантического и Азиатско-Тихоокеанского регионов.

Таким образом, можно согласиться с экспертами Комитета внешнеполитического планирования в том, что международный терроризм — не простая уголовщина, это политика, это продолжение политики и войны иными средствами. Международный терроризм — это порождение современной несправедливой и диспропорциональной, с точки зрения распределения мирового дохода, цивилизации. Поэтому это всерьез и надолго. Как подчеркивалось в докладе Комитета внешнеполитического планирования: «Наглый вызов нового варварства не должен остаться безнаказанным. Он требует решительного ответа, способного хотя бы предотвратить дальнейшее разрастание терроризма. Однако ясно и то, что нельзя при этом уповать лишь на военную силу. В борьбе с терроризмом военная мощь играет важную, но не исключительную роль. Она должна быть подкреплена другими совместными и весьма дорогостоящими мерами в социальной, экономической, политической, информационной и т.д. областях. Эти меры еще предстоит совместно выработать».²⁷

Главная трудность на этом пути — добиться оптимального сочетания силовых, карательных действий против сетей и гнезд международного терроризма с более широким подходом, направленным на искоренение глубинных причин терроризма (каковые кроются, в конечном итоге, в бедности и социально-экономическом неравенстве). В рамках международной антитеррористической коалиции вполне может сочетаться решимость Соединенных Штатов покончить с террористами одним ударом и желание других ее участников вести кропотливую работу в области содействия развитию, технической помощи, превентивной дипломатии.

По меткому замечанию американского эксперта, следует «добиваться сочетания ролей и миссий в борьбе с терроризмом таким образом, чтобы каждая сторона действовала в контексте, комфортном для себя с политической и правовой точки зрения».²⁸ Если удастся добиться такого сочетания, без ущерба для интересов безопасности основных факторов, то Россия, одна из основательниц и активная участница международной антитеррористической коалиции, сможет сыграть здесь свою неповторимую роль — надежного союзника и миротворца, посредника в диалоге цивилизаций, интегратора евразийского пространства общей безопасности.

1. Звягельская И.Д., Наумкин В.В. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного ряда в Центральной Азии// *Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности*. М., 2001. С. 279.
2. *Что такое человеческое развитие? Из истории вопроса*. Материалы Представительства ПРООН в РФ, 2001. С. 3-4.
3. Sabina Alkire. *Conceptual Framework for Human Security: Working Definition and Executive Summary*. <http://www.humansecurity-chs.org>.

4. Коэн Р., Михалка М. *Безопасность на базе сотрудничества: новые перспективы международного порядка*. Публикация № 3 Центра им. Маршалла, 2001. С. 11.
5. Там же. С. 87.
6. Киршин Ю. *Концепция войн и борьбы с международным терроризмом демократических государств*. М., 2002. С. 213.
7. Там же. С. 216.
8. *Common Security in Asia: New Concepts of Human Security*. Ed. by Tatsuro Matsu-mae and Lincoln C.Chen. Tokai University Press. Tokyo, 1995.
9. Ibid. P. 29-30.
10. Ibid. P. 140.
11. *RTO Combating Terrorism Workshop Report*. Held on 5-7 February 2002 in Arlington, VA, USA. P. 12.
12. *Patterns of Global Terrorism - 2001*. Released by the Office of the Coordinator for Counterterrorism. May 21, 2002. P. 169.
13. Декларация СВМДА об устранении терроризма и содействии диалогу между цивилизациями// *Информационный бюллетень МИД РФ*. 2002. 5 июня.
14. ИТАР-ТАСС. 2002. 14 мая.
15. Там же.
16. Хартия Шанхайской Организации сотрудничества: *Агентство Синьхуа*. 2002. 7 июня.
17. Ся Ишань. Проблемы и вызовы межрегионального взаимодействия: механизм «Шанхайской пятерки» и стратегическое взаимодействие Китая и России// *Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности*. М., 2001. С. 345, 355.
18. Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. *Агентство Синьхуа*. 2002. 7 июня.
19. Алматынский Акт// *Информационный бюллетень МИД РФ*. 2002 г. 5 июня.
20. Декларация СВМДА об устранении терроризма и содействии диалогу между цивилизациями// *Информационный бюллетень МИД РФ*. 2002. 5 июня.
21. *Совместная декларация президента В. В. Путина и президента Джорджа Буша о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки*: ИТАР-ТАСС. 2002. 24 мая.
22. *России надо быть сильной и конкурентоспособной*. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // *Российская газета*. 2002. 19 апреля.
23. *Совместное заявление президента В. В. Путина и президента Дж. Буша об антитеррористическом сотрудничестве*: ИТАР-ТАСС. 2002. 24 мая.
24. *Отношения Россия – НАТО: новое качество. Декларация Глав Государств и Правительств Российской Федерации и Государств-Членов НАТО*. <http://www.nato.int>.
25. *Основопологающий Акт о Взаимных Отношениях, Сотрудничестве и Безопасности между Организацией Североатлантического Договора и Российской Федерацией*: NATO Office of Information and Press, 1997. С. 4.
26. *Отношения Россия – НАТО*.
27. *Мировой порядок после терактов в США: проблемы и перспективы*: Комитет внешнеполитического планирования. М., 2002. С. 14.
28. *Terrorism: Prevention and Preparedness. New Approaches to U.S.-Japan Security Cooperation*: Japan Society. New York, 2001. P. 20.

От редакции: Известный китайский специалист по истории российско-китайских отношений Сюе Сяньтянь, работающий в Институте новой истории АОН Китая, 21 декабря 2001г. выступил с докладом на расширенном заседании Центра "Россия-Китай" Института Дальнего Востока РАН. В нем он остановился на вопросах исторической специфики и современного состояния российско-китайских отношений, высказал суждения по некоторым ключевым событиям и тенденциям этих отношений, включая их деликатные, "болевые" точки, служащие предметом дискуссий историков в обеих странах.

Редакция ПДВ публикует расширенный вариант доклада, который был подготовлен профессором Сюе Сяньтянем совместно с другим историком профессором Луань Цзинхэ, научным сотрудником того же института.

История и современное состояние китайско-российских отношений. От трех союзов до «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве»

© 2002

Сюе Сяньтянь, Луань Цзинхэ

Подписанный 16 июля 2001 г. китайско-российский «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» свидетельствует о том, что два великих народа Китая и России полны решимости развивать дружбу из поколения в поколение. Этот договор является развитием совместных деклараций и заявлений, подписанных и принятых лидерами Китая и России, начиная с 1992 г. Если же говорить об истории отношений, то он является логическим результатом неустанных усилий двух великих наций по поиску оптимальных форм дружественного сотрудничества, предпринимавшихся ими на протяжении последнего столетия.

Общественность подавляющего большинства государств мира дает положительные оценки позитивному развитию китайско-российского сотрудничества, хотя после официального оформления в 1996 г. двусторонних партнерских отношений стратегического взаимодействия между КНР и Россией в не-

Сюе Сяньтянь, ведущий научный сотрудник, член Ученого совета Института новой истории АОН Китая, генеральный секретарь (член постоянного правления) Всекитайской ассоциации по изучению истории китайско-российских отношений.

Луань Цзинхэ, старший научный сотрудник, доктор исторических наук, заместитель руководителя Отдела внешних отношений Китая Института новой истории АОН Китая.

которых странах имели место попытки внести недоверие и раздор в добрососедство и стратегическое взаимодействие Китая и России. Утверждалось, в частности, что «Китай и Россия никогда не были настоящими друзьями»¹, что «китайцы затаили в душе вражду против России за ее стремительное продвижение в Сибирь в XVII-XIX вв.»², что между Китаем и Россией «могут возникнуть конфликты в дальневосточном и сибирском регионах»³. Независимо от того, основываются ли такие утверждения на исторических фактах или на анализе современной реальности, в их основе очевидно лежат попытки размыть фундамент, на котором строится добрососедское и дружеское сотрудничество Китая и России.

Подобные попытки можно игнорировать, но ведь за исключением специалистов двух стран в широких кругах китайской и российской общественности, особенно у молодежи, существует дефицит глубокого понимания и систематизированных знаний о подлинном характере некоторых событий, имевших место в ходе развития двусторонних отношений в последнее столетие. Если при этом также делать акцент на негативных аспектах, связанных с межпартийной «большой полемикой» 60-х гг. или с периодом всестороннего противостояния, то можно затушевать или даже размыть главное и позитивное содержание, наполняющее в основном историю отношений Китая и России. В таком случае может создаться впечатление, что документы о дружественном сотрудничестве между нашими странами подписывались лишь для того, чтобы избежать конфронтации. Поэтому совершенно необходимо выделить главное историческое наследие, которое получили народы двух стран за последнее столетие, с тем чтобы наши потомки постоянно дорожили им. Тем более, что это наследие служит главным фактором, стимулирующим вечное дружественное сотрудничество наших великих народов.

I. К вопросу об истории: разобщающее и объединяющее начала в китайско-российских отношениях

1. Ретроспективный взгляд на три союза

При ретроспективном взгляде на историю китайско-российских отношений за последнее столетие привлекает внимание прежде всего то обстоятельство, что Китай и Россия трижды заключали союзные договоры: «Договор об обороне и взаимной помощи» от 3 июня/22 мая 1896г. (или «Китайско-русский секретный договор»); «Договор о дружбе и союзе между Китайской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик» от 14 августа 1945 г. и «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китайской Народной Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик» от 14 февраля 1950 г.

«Договор об обороне и взаимной помощи» определял: «Всякое нападение, направленное Японией либо против русской территории в Восточной Азии, либо против территории Китая или Кореи, повлечет за собой немедленное приложение настоящего договора.

В этом случае обе договаривающиеся стороны обязуются поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими силами, которыми они могут располагать в этот момент, и помогать друг другу, насколько возможно для снабжения своих соответствующих сил»⁴.

«Договор о дружбе и союзе между Китайской Республикой и СССР» гласил: «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются совместно с другими Объединенными Нациями вести войну против Японии до окончательной победы. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно оказывать друг другу всю необходимую военную и другую помощь и поддержку в этой войне»⁵.

«Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР» декларировал: «Обе Договаривающиеся Стороны обязуются, что ими совместно будут предприниматься все имеющиеся в их распоряжении необходимые меры в целях недопущения повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с Японией в актах агрессии. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны Японии или союзных с ней государств, и она окажется, таким образом, в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами»⁶.

Из основного содержания этих трех союзных договоров видно, что Китай и Россия перед лицом внешней агрессии, грозившей безопасности какой-либо из двух стран, не ограничивались ординарной помощью и сочувствием, а брали на себя обязательство «поддерживать друг друга всеми морскими и сухопутными силами, которыми они могут располагать в этот момент», «взаимно оказывать друг другу всю необходимую военную и другую помощь», «немедленно оказать военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами». При анализе установок этих трех союзных договоров можно утверждать со всей определенностью, что эти договоры были военно-политическими. Тот факт, что Китай и Россия за период, немногим превышающий полстолетия, трижды вступали в военно-политический союз друг с другом, — беспрецедентное явление в мировой истории двусторонних межгосударственных отношений нового времени.

Обращаясь к историческому фону развития Китая и России, нетрудно обнаружить, что Россия в этот период была представлена Российской империей и Советским Союзом, Китай — Цинской империей, Китайской Республикой и Китайской Народной Республикой. За этот временной отрезок и в Китае, и в России происходили огромные изменения государственного и общественного строя, идеологии.

На международной арене изменения охватили силовую политику конца XIX века, период антифашистской войны и начало холодной войны. Конечно, помимо указанных трех союзных договоров Китай и Россия подписывали ряд других документов и соглашений о взаимной поддержке, как, например, китайско-российское соглашение 1924 года (известное также как «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов»), «Договор о ненападении» 1937 г., а также опубликовали «Декларацию Сунь Ятсена — Иоффе», не уступающую по значению договору.

Вслед за распадом Советского Союза и окончанием холодной войны, в условиях нынешнего развития мировой архитектоники в направлении мультиполярности Китай и Россия вновь установили партнерские отношения стратегического взаимодействия, оформив их затем подписанием «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ».

С момента вступления Китая и России в свой первый союз до установления двусторонних партнерских отношений стратегического взаимодействия прошло ровно сто лет. Можно, конечно, посчитать это удивительным историческим совпадением, но можно также видеть в этом историческое предопределение. Развитие исторического процесса, о котором говорилось выше, по меньшей мере свидетельствует о простой истине: если говорить о народах двух стран, то независимо от того, какие бы изменения и перевороты ни происходили в их государственных механизмах и общественном строе, независимо от того, в каком бы направлении ни шло развитие международной ситуации, обе стороны нуждаются во взаимной поддержке и сотрудничестве и поэтому неустанно ищут эффективные способы такого сотрудничества. Если не удастся одна по-

пытка, за ней следует другая, и в конечном счете непременно находятся наиболее оптимальные формы сотрудничества, что служит гарантией продолжения из поколения в поколение дружбы наших народов.

2. Внутренние и внешние факторы, стимулирующие сближение Китая и России

Коль скоро мы считаем, что заключение трех союзных договоров между Китаем и Россией — это беспрецедентное явление в международных отношениях в новую эпоху, то в основе этого феномена должны лежать специфические причины. Между двумя великими нациями существуют давние связи, к тому же оба государства являются ближайшими соседями. Однако исторические и географические факторы, играя чрезвычайно важную роль, все-таки не являются определяющими для вступления Китая и России в союзнические отношения. Ведь Китай и Япония точно так же являются ближайшими соседями, принадлежащими к тому же к общей восточной цивилизации, тем не менее на протяжении всей истории они никогда не были союзниками. Более того, китайско-российские союзы были направлены именно против Японии. Так в чем же состоят особые причины, побуждавшие Китай и Россию к сближению?

Если говорить о внутренних факторах, то это — общие интересы Китая и России в связи с революциями, реформами и строительством, и вследствие этого — взаимное влечение и стремление к обоюдной поддержке.

Великие народы Китая и России создали блестящие культуры, которыми они гордятся и которые оказали глубокое влияние на другие нации. Однако в начале XX века в связи с революционными изменениями в общественной жизни двух стран в их сознании и культуре возникло ощущение кризиса. Если говорить о России, то главной причиной, породившей его, стала русско-японская война 1904-1905 гг. Она была важным поворотным моментом не только в истории России, но и в истории Китая и вместе с тем историческим предопределением. Война велась между двумя империалистическими державами — Японией и Россией за захват Северо-Востока Китая и была несправедливой войной. То, что разложившееся и недееспособное цинское правительство проводило при этом политику «стороннего нейтралитета», свидетельствовало о его абсолютной неспособности контролировать ситуацию в Китае. Россия потерпела поражение в этой войне, и как результат — в стране вспыхнула революция 1905 г., которая способствовала обновлению сознания русской нации. В Китае в 1905 г. была основана Союзная лига (Тунмэн хуэй), что знаменовало собою начало китайской демократической революции, открывшей путь к пробуждению китайской нации.

Объективно говоря, ощущение кризиса в Китае возникло в обстановке агрессии и давления западных держав, а проявление кризиса в России было прямым следствием развязанных царским абсолютизмом России внешних войн, особенно японо-русской войны, и первой мировой войны. Из двух великих империй — китайской и российской — одна подверглась агрессии, другая вела внешние войны. В конечном же счете результат для обеих оказался полностью идентичным — падение империй, крушение старой идеологии.

В ходе революции в России В.И. Ленин, который учил русский народ подходить к соседним странам, основываясь на принципе равенства, подчеркивал необходимость "самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций"⁷. В.И. Ленин не только возродил подлинное чувство национальной гордости русского народа, но также призывал его к солидарности со всеми угнетенными нациями и народами мира. Его великие идеи и практика, направленные на объединение пролетариата и угнетенных

наций всего мира, стали объединяющим началом для двух великих народов Китая и России, нашли отклик в Китае, ставшем объектом агрессии и жестокого гнета со стороны империализма. В этом источник неразрывного единства чувств великих народов Китая и России.

Независимо от того, какие оценки даются сегодня Октябрьской революции, китайский народ никогда не забудет Деклараций по Китаю, опубликованных правительством Советской России в 1919 и 1920 гг., а также совместную Декларацию 1923г. Сунь Ятсена и полпреда Советской России А.А.Иоффе. В 20-е гг. Советский Союз установил тесные связи с Гоминьданом и КПК, поддерживал великую китайскую революцию, главная цель которой состояла в свержении империалистического господства. Борьба против империализма являлась общим устремлением двух великих народов, которое было выше партийных интересов и идеологических рамок. Для китайского народа борьба против империализма означала отстаивание национальной независимости, свободы и национального освобождения. Что касается российского народа, то она диктовалась необходимостью укрепления и усиления нового режима власти, улучшения внешних условий для развития российской нации, расширения ее жизненного пространства. В период великой революции Китай и Россия искренне сотрудничали, что благоприятствовало в дальнейшем развитию между ними дружественных связей. Хотя в межгосударственных отношениях на последующих этапах между ними и возникали те или иные проблемы, однако взаимное сочувствие и поддержка двух народов в антиимпериалистической борьбе не прерывались никогда, поскольку их интересы в борьбе против агрессии и гнета были общими и тесно спланивали их воедино. Образование китайско-советских союзов 40-х и 50-х годов явилось логическим развитием совпадения этих интересов. Партнерские отношения стратегического взаимодействия между Китаем и Россией, сложившиеся на протяжении последних лет, направлены против гегемонизма, силовой политики и нацелены на построение мультиполярного мира и внедрение в международную практику равноправного диалога. Это также является логическим развитием в условиях современного мира единства интересов двух великих наций в исторической борьбе против империализма.

Обращаясь к внешним факторам, определившим трехкратное вступление в союзы Китая и России, нельзя не видеть прямого влияния на двусторонние отношения геополитических аспектов и изменений мировой архитектоники. С точки зрения геополитики, «взаимоподталкивающая» роль внешних факторов определялась причинами, связанными с японским влиянием. Китай, Япония и Россия — три важнейшие дальневосточные соседние державы. Япония была наиболее сильной, Россия ей уступала, Китай выступал в качестве слабой из трех сторон. Среди других держав мира Япония являлась наиболее жестоким агрессором по отношению к Китаю и имела серьезные противоречия с Россией. Общая ситуация на протяжении долгого времени заключалась в проведении Японией наступательной политики по отношению к Китаю и России. Поэтому все три китайско-российских союза были направлены против Японии. После второй мировой войны США способствовали усилению Японии и вступили в союз с ней, создавая с восточного фланга угрозу как для Китая, так и для России. Вот почему можно утверждать, что третий китайско-российский союз был направлен не столько против Японии, сколько против США. Однако все три упомянутых союза Китая и России по своему характеру являлись оборонительными, а не наступательными. Можно утверждать, что на протяжении всей истории степень сближения Китая и России определялась давлением на них со стороны внешнего мира, или «вынуждающими обстоятельствами». В этом ярко проявилась определенная

закономерность, выражающаяся в развитии китайско-российских отношений в соответствии с изменениями внешней мировой обстановки. Как только внешний мир начинал угрожать общим интересам Китая и России, так они обращались к поиску надлежащего ответа, вплоть до вступления в военный и политический союз друг с другом.

Все вышеупомянутые внутренние и внешние факторы в своей совокупности служат концентрированным проявлением интересов двух наций в двусторонних межгосударственных отношениях, а национальные интересы двух стран являются приоритетным фактором, определяющим развитие двусторонних отношений. Китайско-российские отношения не равнозначны обычным межгосударственным отношениям: на их развитие оказывали влияние межпартийные связи, идеологический и субъективный факторы — роль руководителей, причем порой эти факторы играли определяющую роль. Однако если данные факторы переставали соответствовать национальным интересам, то, независимо от степени и продолжительности их влияния, отношения между двумя странами в конце концов вступали на путь приспособления к общим национальным интересам. Именно это определило тот факт, что спустя 20 с лишним лет после прекращения действия «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи» 1950 г. Китай и Россия установили партнерские отношения стратегического взаимодействия и добрососедские отношения дружественного сотрудничества.

3. Наследие истории двусторонних отношений

Все, о чем говорилось выше, — основная историческая канва развития китайско-российских отношений за последнее столетие. Однако было бы неправильно утверждать, что этот долгий путь был сплошь усыпан розами, что не было разочарований и гнева, крови и боли. Так, японо-русская война 1904–1905 гг. — это история крови и боли китайского народа. Горестные и тяжелые воспоминания сохранились в Китае и о первом китайско-российском союзе. Спустя четыре года после подписания «Договора об обороне и взаимной помощи» («Секретного договора») 1896г. в Китае вспыхнуло восстание ихэтуаней, и союзные войска восьми держав вступили в Пекин. Среди них были и русские войска. Во время поджогов, грабежей и насилия, которые союзные войска устроили в Пекине, русские солдаты даже унесли из дворца императрицы Цыси первоначальный русский текст этого «Секретного договора»⁸. Уже в связи с одним только этим эпизодом истории китайцы испытали чувство разочарования и унижения, возникшее из-за жестокого обмана.

Однако в истории негативные моменты перемежаются с позитивными, те и другие не могут заслонить или подменить друг друга. Так и история с неудачным первым союзом России и Китая оставила после себя не одни только «болевые точки». Прежде всего, прямым следствием этого союза стало появление на Северо-Востоке Китая протяженной «Т-образной» железнодорожной линии — Китайской железной дороги восточных провинций⁹. Независимо от различных форм борьбы, вооруженных конфликтов и даже международных скандалов¹⁰, которые часто вспыхивали между двумя странами по поводу этой железной дороги, нельзя умалить тот факт, что она построена потом и кровью народов двух стран — Китая и России. Ее появление еще больше сплотило их, к тому же эта дорога вплоть до сегодняшнего дня остается важнейшим связующим звеном в китайско-российских экономических и культурных контактах и взаимных поездках. В строительство этой дороги Россия вложила 375 млн рублей¹¹, Китай же предоставил для строительства обширные территории и значительную рабочую силу. Только число китайских рабочих, занятых на земляных работах, достигало в пиковые периоды стройки 200 тысяч человек¹².

Сооружение дороги стимулировало экономическое развитие Северо-Восточного Китая. Вдоль железнодорожной линии выросли такие города, как Харбин, Чанчунь, расцвели приморские и расположенные вдоль рек города Далянь, Люйшунь, Цзямусы, Фуцзинь. Хозяйственная деятельность железной дороги, расцвет и развитие торгово-экономической жизни городов ускорили модернизацию этого региона. К 20-м гг. XX века электричество и керосин повсеместно заменили в крупных городах вдоль железной дороги масляные светильники. Начало функционирования магистрали стимулировало обмен научно-техническим и культурным персоналом между двумя странами. Вслед за вводом в строй железной дороги значительные массы китайских рабочих устремились по ней в Россию. К началу Октябрьской революции их число, включая китайских эмигрантов, достигало временами 2 млн человек. Значительная их часть приняла участие в русской революции и строительстве, многие отдали свои жизни на русской земле, некоторые, получив гражданство Советской России, остались там на постоянное жительство. В то же время представители различных слоев российского общества также в значительном количестве стали оседать в Харбине и на КВЖД: к началу 20-х гг. их численность достигла 400 тысяч человек. Российский исследователь Г.В.Мелихов так описывает этот процесс. Русское население, переселявшееся в тот период в Харбин, было поголовно грамотным, «кадровые рабочие и мастеровые КВЖД тоже все были грамотные. Техники и инженеры дороги являлись одними из лучших представителей технической интеллигенции тогдашней России». Так как Харбин располагался в центральной части КВЖД и переселявшихся туда русских специалистов, представлявших различные отрасли знаний, было особенно много, Харбин «сыграл важную роль в широком взаимообогащении и взаимовлиянии двух великих культур — русской и китайской. Здесь в Маньчжурии не существовало никаких искусственных перегородок между русским и китайским населением. Поэтому все достижения... новейшей русской и европейской науки, техники, технологии того времени быстро становились достоянием жившего рядом с русскими китайского населения, воспринимались и использовались им. Естественно, этот процесс был взаимным: русских привлекала богатейшая самобытная материальная и духовная культура китайского народа. Эта культура тысячами путей проникала во все поры русской общественной жизни, а исключительно полезный местный китайский опыт — в сельском ли хозяйстве или в области ремесел и промышленности — перенимался русскими хозяевами и предпринимателями»¹².

Естественно, что массовые личные контакты и культурный обмен, средоточием которых выступала КВЖД, усилили взаимопонимание, солидарность и дружбу народов двух стран, и это стало важным фактором, стимулировавшим развитие межгосударственных отношений.

Что касается прямых результатов китайско-советского «Договора о дружбе и союзе» 1945 г., то он ускорил победу Китая в войне сопротивления японской агрессии, способствовал более раннему завершению антифашистской войны в глобальном масштабе. Этот фундаментальный факт не подвергается сомнению в любых оценках этого договора. Необходимо подчеркнуть, что в наиболее критические периоды антияпонской войны, когда само существование китайской нации подвергалось смертельной угрозе, именно Советский Союз первым оказал щедрую помощь Китаю.

«Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР» поднял на беспрецедентно высокий уровень абсолютно все области китайско-советского сотрудничества. Это принесло народам двух стран в высшей степени плодотворные результаты как в материальной, так и в духовной сферах. Хотя сегодня по-разному можно рассматривать противостояние между Запа-

дом и Востоком и механизмы функционирования социалистического лагеря, тем не менее нельзя подвергать сомнению тот факт, что данный договор в тех конкретных исторических условиях принес пользу народам двух стран и соцлагерю в целом. Практическое значение союза КНР и СССР вышло далеко за рамки двусторонних отношений, подготовило период наибольшего укрепления социалистического лагеря. «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР» по меньшей мере заложил основу для взаимной дружбы трех поколений китайских и российских людей. Эта дружба является настолько крепкой, что она выдержала негативное воздействие продолжавшейся более двух десятилетий взаимной большой полемики. Прекращение действия этого союза вызвало у народов двух стран чувство глубокого разочарования, так как ни внутренние, ни внешние условия, в которых находились обе страны в тот период, не требовали непременно отказа от пролонгирования этого договора. Коренных перемен в глобальной архитектонике противостояния двух больших лагерей не произошло, Китай и Россия по-прежнему нуждались во взаимной поддержке в международных делах. Обе страны придерживались социалистической линии в своем развитии, направляли усилия на социалистическую революцию и социалистическое строительство, нуждались во взаимной солидарности и помощи. Сотрудничество в экономической, культурной, научнотехнической областях имело широкие перспективы и резервы. К счастью, это разочарование привело к появлению у народов Китая и России антиконфронтационного «иммунитета», руководство двух стран нашло новые формы сотрудничества, позволяющие избегать возникновения конфронтации. Этот антиконфронтационный «иммунитет» стал огромным духовным богатством как для китайского, так и для российского народов.

II. Актуальные проблемы современности:

усиливать взаимное доверие, обогащать содержание сотрудничества

1. Усилить взаимное доверие

Китайско-российские отношения имеют блестящие перспективы. Для того, чтобы претворить в жизнь эти перспективы, предстоит еще много поработать, в том числе укрепляя взаимное доверие между двумя великими народами. При обсуждении вопроса о взаимном доверии нельзя не затронуть одну из главнейших проблем дискуссий ученых двух стран в 60-70-е гг. — территориально-пограничную проблему. Упомянутые в начале данной работы мнения относительно «вероятности возникновения конфликта» между Китаем и Россией в сибирском и дальневосточном регионах, основываются как раз на результатах этих дискуссий и особенно на содержании беседы Мао Цзэдуна с японскими гостями 10 июля 1964 г. Тогда Мао Цзэдун подчеркнул: царская Россия во второй половине XIX в. в соответствии с Айгуньским и Пекинским договорами, Протоколом о размежевании северо-западной границы, Илийским договором и другими неравноправными договорами захватила более 1,5 млн кв. км китайской территории.

В чем состоял смысл данного заявления Мао Цзэдуна? 9 октября того же года в беседе с албанскими гостями он последовательно изложил и пояснил свою позицию. «Хрущеву затруднительно отправить свои войска для нападения на Китай. Однако мы должны быть к этому готовы. Поэтому мы в своих высказываниях делаем своего рода холостые выстрелы, произносим некие пустые словеса. В ходе переговоров по границе мы должны занимать наступательные позиции. Наша цель при этом заключается в том, чтобы добиться рационального положения на границе, справедливого договора о границе. Воз-

можно, вы полагаете, что мы на самом деле хотим возвратить 1,54млн.кв.км. земель, оккупированных царской Россией. Мы этого вовсе не хотим. Это называется делать холостой выстрел с той целью, чтобы заставить другую сторону находиться в состоянии напряженности".¹⁴

Слова Мао Цзэдуна, произнесенные в тот год, четко показали, что Китай вовсе не стремится к возврату 1,54 млн кв. км, что это лишь холостые выстрелы, лишь отделение исторической правды от неправды. Все, что требуется, — так это достижение рационального положения на границе. Учитывая, что в феврале 1964 г. КНР и СССР начали переговоры по пограничным вопросам, указание Мао Цзэдуна было направлено на определение курса и тактики переговоров, а именно: Китай и Россия в процессе переговоров должны разграничить историческую правду и неправду, констатировать, что договоры, определяющие современную китайско-советскую границу, являются неравноправными, что они навязаны Китаю империалистической царской Россией.

С учетом реальной ситуации следовало принять эти договоры за основу и путем переговоров полностью решить проблему границы, определить пограничную линию между двумя странами на всем ее протяжении. Хотя в принципе захваченные в нарушение договоров какой-либо из сторон территории другой стороны должны быть возвращены последней. Таким образом, производя холостые выстрелы, или же, говоря иначе, используя наступательную позицию, предполагалось достичь рационального решения пограничной проблемы.

Необходимо подчеркнуть, что выдвинутый Мао Цзэдуном принцип определения основного направления прохождения китайско-российской границы, базирующейся на неравноправных договорах, являлся также последовательной позицией всех правительств Китая. Хотя эти договоры были подписаны в XIX веке и носили по отношению к Китаю ярко выраженный неравноправный характер, однако разложившееся и недееспособное цинское правительство вплоть до своего свержения могло действовать лишь в соответствии с международными принципами того периода, соблюдая эти договоры. После победы Синьхайской революции ни правительство северных милитаристов, ни национальное правительство не настаивали на аннулировании этих договоров. Что касается ситуации после «движения 4 мая» 1919 г., то китайский лозунг «Долой империализм, аннулировать неравноправные договоры» касался, главным образом, отмены «21 требования», ликвидации концессий и прав консульской юрисдикции, а также осуществления таможенной автономии. После образования нового Китая «Общая программа НПКСК», игравшая роль временной конституции, провозгласила, что правительство КНР рассмотрит договоры и соглашения, заключенные гоминьдановским правительством с другими странами, и, в зависимости от их содержания, либо признает, либо аннулирует, либо исправит, либо заключит их вновь. То есть здесь говорится о договорах и соглашениях, подписанных с другими странами именно гоминьдановским, но не цинским правительством. Факты свидетельствуют о разумном подходе китайского правительства и китайского народа к решению проблем, оставленных в наследство историй.

Однако китайско-советские переговоры по вопросам границы и спор по погранично-территориальным проблемам начались в специфический период китайско-советской полемики. Тогда вся деятельность как Китая, так и СССР была сконцентрирована на споре вокруг «Генеральной линии международного коммунистического движения». Выдвижение погранично-территориальных проблем в тот период, без всякого сомнения, было призвано еще больше подогреть страсти вокруг и без того накаленной до предела большой полемики. Поэтому в Китае от критики ревизионистской линии Хрущева во внутренней и внешней политике перешли к бичеванию «предательской группировки Хруще-

ва" как наследницы царей, ее гегемонизма и социал-империализма. В Советском Союзе же от первоначальной критики догматизма Мао Цзэдуна перешли к обвинению «маоистов» в проведении великоханьского гегемонизма и территориальной экспансии. Таким образом, идеологическое противостояние переросло в межгосударственную конфронтацию, а подлинный смысл слов Мао Цзэдуна, произнесенных им в 1964 г., был полностью скрыт дымовой завесой "большой критики". Последовательной позиции китайских правительств не уделялось никакого внимания, и в СССР сложилось неверное представление о желании Китая вернуть «утраченные территории».

Фактически до возникновения этой полемики, некоторые русские и советские ученые и даже члены правительства отнюдь не избегали признания неравноправного характера Айгуньского и Пекинского договоров, а отделение «исторической правды от неправды» в территориально-пограничных проблемах между Китаем и Россией вовсе не являлось чувствительным вопросом¹⁵. Однако положение значительно усложнилось из-за указанных выше обстоятельств и особенно из-за увязывания восприятия исторических проблем с ошибочным представлением о стремлении Китая «вернуть утраченные земли».

В 60-70-е гг. ЦК КПСС неоднократно принимал решения, в которых предписывалось соответствующим министерствам и ведомствам сконцентрировать усилия на исправлении в учебниках, научных работах и на картах «ошибочных представлений» и «неправильных оценок» Нерчинского, Айгуньского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров и издавать новые научные труды, исходя из «правильной позиции»¹⁶.

В Китае же с 1969 г. вплоть до середины 80-х гг. вся исследовательская работа, которой только и могли заниматься ученые, сводилась к единственному — к критике внешней агрессии и экспансии царской России. Каждая из стран мобилизовала все средства массовой информации на критику другой стороны. Лишь после того как большая полемика переросла в вооруженный конфликт и произошли кровавые инциденты, началось некоторое протрезвление¹⁷.

Результатом информационной войны стала утрата возможности объективного отражения истории отношений Китая и России, исторический негатив заслонил все позитивные стороны. Это оказало отрицательное влияние на психологию двух наций, на взаимное доверие между ними.

Заклученный в июле 2001 г. «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ» гласит: «Договаривающиеся Стороны, с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия. Договаривающиеся Стороны руководствуются международно-правовыми принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ, неукоснительно соблюдают государственную границу между ними. Договаривающиеся стороны в соответствии с Соглашением между Китайской Народной Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик о китайско-советской государственной границе на ее Восточной части от 16 мая 1991 года продолжают переговоры для разрешения вопросов о прохождении линии китайско-российской границы на еще не согласованных ее участках. До разрешения этих вопросов они соблюдают статус-кво на еще не согласованных участках границы между ними» (статья 6).

Подписание Договора ярко продемонстрировало всему миру, что Китай и Россия, за исключением еще не согласованных участков, уже достигли окончательного разрешения территориальных и пограничных проблем. Поэтому дальнейшее обсуждение исторических пограничных и территориальных вопросов уже относится к чисто научной сфере. Касательно научной проблематики,

мы, естественно, можем проводить различные обсуждения, но при этом постоянно должны уделять большое внимание устранению того негативного влияния, которое оказала история на психологию наших двух великих народов и тем более не должны будоражить национальные чувства.

Составив целостное представление об основной линии развития китайско-российских отношений за последнее столетие, мы, естественно, приходим к следующему выводу: китайско-российские партнерские отношения стратегического взаимодействия, отношения добрососедства, дружбы и сотрудничества, а также граница дружбы между Китаем и Россией являются наиболее фундаментальными и позитивными факторами китайско-российских отношений. Эти факторы служат твердой основой для продолжения развития двусторонних дружеских связей и гарантией того, что народы двух стран непременно смогут передавать дружбу из поколения в поколение. А утверждения о том, что Китай и Россия никогда не были и не станут подлинными друзьями, что их дружба не долговечна, что они обречены на вспышки конфликтов и т.д., тем более не выдерживают никакой критики.

2. Обогащать содержание сотрудничества

Мир и развитие являются двумя главными проблемами современного мира. Основной целью заключения «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ» служит обеспечение мира и развития для двух стран. В настоящее время Китай и Россия активно углубляют сотрудничество в области реформ и строительства, продолжают укреплять дружбу между двумя великими народами. В международных делах Китай и Россия активно усиливают взаимное согласование и координацию в различных сферах, особенно по важным международным стратегическим вопросам. Это обеспечивает благоприятную обстановку мира и развития не только для народов двух стран, но и для других народов. Стратегическое сотрудничество Китая и России не направлено против третьих стран, поскольку в современном мире нет врагов, которые бы представляли прямую угрозу общим интересам двух стран. Мы надеемся, что таких врагов не будет и впредь. Однако это вовсе не означает, что в случае, если китайская и российская стороны однажды столкнутся с внешней угрозой, они окажутся беспомощными и проигнорируют интересы друг друга. Договор гласит: «В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон, Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы». Без сомнения, проведение «контактов и консультаций» двух великих держав перед лицом внешней угрозы имеет определяющее значение.

Сотрудничество Китая и России в строительстве и развитии — это тоже не ординарное сотрудничество. Его становым хребтом должны служить совместные проекты, соответствующие статусу двух великих держав и уровню их отношений. Иными словами, необходимо иметь эпохальные объекты, такие, например, как проект строительства 2500-километрового нефтепровода между российским Иркутском и китайским Дацином. Подобно строительству КВЖД в XX веке, сибирские нефтяные и газовые проекты заложат прочную основу для экономического сотрудничества двух стран в новом веке. Укрепление взаимного доверия между двумя народами, развитие отношений дружественного сотрудничества между двумя странами являются взаимодополняющими. Если только мы устраним заблуждения, укрепим доверие, будем непрерывно обогащать со-

держанию сотрудничества, то сможем развивать наши отношения, с высоты политических и экономических задач поднимая их всякий раз на новый уровень.

© 2002

Перевел с китайского языка
А.Свешников

1. Редакционная статья "Новые товарищи" в газете «Financial Times» (Сообщение агентства Синьхуа из Лондона на англ. яз. от 22 апреля 1997 г.). Цит. по: "Куа шицзи дэ чжаньлюэ куайцзэ — 90 няньдай Чжун Э гуаньси шилу" ("Стратегический выбор на рубеже веков — хроника китайско-российских отношений в 90-е гг." Под ред. Сюй Куа и др.): Изд-во Синьхуа, 1999. С. 260 (на кит. яз.). Далее: «Стратегический выбор...».
2. Статья "Россия и Китай" в журнале "Economist". (Сообщение агентства Синьхуа из Лондона на англ. яз. от 25 апреля 1997 г.). Цит. по: "Стратегический выбор..." С. 264.
3. Information Design Journal (IDI). 04 декабря 1998.
4. Ван Тея. Чжун вай цзю юэ чжанхуэйбянь (Сборник старых договоров Китая с иностранными государствами). Пекин, 1982. Т. 1. С. 650.
5. Ван Тея. Чжун вай цзю юэ... Т. 3. С. 1327.
6. Чжун Су жоао зэньсянь (Документы китайско-советской дружбы). Пекин, 1953. С. 93.
7. Ленин сюаньцзи (Ленин. Избранные произведения). Пекин, 1974. Т. 2. С. 611-612.
8. Воспоминания графа Витте. Берлин. 1922 г. (на русск. яз.). Т. 1. С. 167-168.
9. Эта железная дорога (КВЖД, КЧЖД) в 1956 г. была полностью передана Китаю советским правительством. Относительно ее строительства и развития имеется чрезвычайно много публикаций, которые не представляется возможным перечислить в рамках этой работы. Одной из последних публикаций на эту тему является статья российского ученого А.Н.Хохлова «КВЖД как важнейший фактор, способствовавший экономическому и культурному прогрессу Маньчжурии в первые 30 лет XX века», в которой объективно описывается важная роль КВЖД для стимулирования экономического и культурного развития Северо-Восточного Китая (Э Чжун гуаньси— шицзи чжи цзюэ шидэ цюэ / под ред. Ли Сюэцзюня и А.Д.Дикарева: Изд-во Чжунго дичжи чубаньшэ, 2001. С. 219-235.
10. Различные конфликты вокруг КВЖД были вызваны главным образом тем, что Россия захватила особые права, выходящие за пределы собственно хозяйственного управления дорогой. В их числе отчуждение администрацией дороги значительных прилегающих к КВЖД территорий «в пользование дороги», что привело к образованию вдоль нее особой «полосы отчуждения». В этом районе размещались войска и полиция, взимались налоги, создавались городские администрации, суды и тюрьмы, что нарушало государственный суверенитет Китая. После подписания в 1924 г. соответствующих китайско-советских соглашений советская сторона ликвидировала указанные привилегии, для КВЖД был восстановлен статус чисто хозяйственного объекта. В дальнейшем двусторонние переговоры по поводу дороги были сконцентрированы преимущественно на проблемах, связанных с правами управления. Наиболее серьезным конфликтом на данной дороге стал произошедший в 1929 г. «инцидент на КВЖД». Подробнее см.: Сюэ Сяньтянь. Чжундун телу хулуцзюнь юй Дунбэй бяньцзян чжэнцзюэ (Охранные войска на КВЖД и политическая ситуация в приграничных районах Дунбэй) // Шэжуй кэсюэ зэньсянь чубаньшэ. 1993.
11. Эта цифра приводится по статистическим данным администрации КВЖД на 1903 г. и включает убытки, понесенные от ихэтуаней и расходы на незавершенное строительство. Цит. по: Нилус Е.Х. Исторический обзор КВЖД (1896-1923). Харбин, 1923. Т. 1. С. 219, 263.
12. Согласно китайско-российскому «Контракту на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги», земли, отходящие в пользование дороги, передавались китайским правительством бесплатно, если они находились в госсобственности, и выкупались администрацией дороги, если принадлежали населению. Так как эти земли принадлежали преимущественно государству, то они являлись вкладом китайской стороны. Рабочие на строительство нанимались администрацией дороги

- при содействии китайской стороны, при этом значительную их часть составляли переселенцы в Дунбэй из других районов Китая.
13. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1994. С. 267-268.
 14. Беседа Мао Цзэдуна с албанскими гостями 9 октября 1964 г.
 15. Более подробно см.: Давидов Д.А. Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии. Владивосток, 1911. С. 16; Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX веке. Собр. соч. М., 1923. С. 256; Большая Советская энциклопедия. 1926. Т. 1. С. 756; М.Горький и др. История гражданской войны в Советском Союзе. М., 1936. Т. 1. С. 58; Дипломатический словарь (под ред. А.Я.Вышинского). М., 1950. Т. 2. С. 344; Дипломатический словарь (под ред. А.А.Громько). М., 1961. Т. 2. С. 498-499; Щебенков В.Г. Русско-китайские отношения в XVII в. М., 1960; Исторические обзоры Советского Союза. Раздел XVII века. М., 1955; Всеобщая история. М., 1956/1959. Т. 5., 6. В этих авторитетных сочинениях и работах или соответствующих разделах в комплексных исследованиях отмечается неравноправный характер Айгуньского и Пекинского договоров.
 16. Архивные документы китайско-советских отношений. Пекин. 08. 1997. Протоколы заседаний Секретариата ЦК КПСС от 3 марта 1969; 24 сентября 1969; 13 июня 1978.
 17. После вооруженного конфликта на границе в районе Чжэньбаодао (о.Даманский) в марте 1969 г. главы правительств Китая и СССР 11 сентября провели встречу в Пекинском аэропорту. Стороны достигли взаимопонимания: было решено провести в октябре в Пекине пограничные переговоры, а до разрешения пограничных проблем подерживать на границе статус-кво, вывести войска из вооруженного соприкосновения.

Китай и Центральноазиатский регион (взгляд из Сеула)

© 2002

Кан Сам Гу

Постсоветская, или новая, Центральная Азия в составе Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Киргизии и Таджикистана с населением в 60 млн человек включена Пекином в так называемую сферу «внешних» стратегических рубежей КНР, которая непосредственно затрагивает его национально-государственные интересы. Общая граница КНР с новыми государствами Центральной Азии (ЦА) протяженностью около 3700 км — предмет повышенной тревоги и особого внимания китайского руководства. Помимо «сепаратистского» Тайваня, именно с западного направления, убеждены в Пекине, исходят ныне основные угрозы стабильности, суверенитету и целостности КНР. Отсюда повышенная активность китайской дипломатии, которая, по оценке функционирующего в Сеуле Корейского института оборонных исследований, действует в отношении ЦА довольно неординарными внешнеполитическими методами, приносящими Пекину стратегические дивиденды без обострения отношений с новыми государствами региона¹.

Соответственно в последние годы Китай, все увереннее набирающий экономическую и военную мощь, становится одним из ведущих геополитических действующих лиц, которое оказывает растущее влияние на геэкономическую ситуацию в регионе. В первой половине 1990-х гг. в Китай не проявлял сколько-нибудь заметной активности в этом районе. КНР, официально установившую с новыми государствами Центральной Азии дипломатические отношения в 1992 г., интересовали прежде всего сохранение политической стабильности в своем Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и расширение торгово-транспортных связей со странами региона².

Однако острые политические реальности ЦА (нарастание угрозы исламского фундаментализма, постсоветский «вакуум» внешнего влияния, борьба за нефтегазовые и иные минеральные ресурсы региона, настойчивые поиски новыми государствами внешних партнеров и др.) побудили Пекин перейти к более активной политике. Не последнюю роль при этом сыграли успехи экономического, социального и культурного развития в самом Китае.

Небезынтересно отметить, что китайский опыт государственного регулирования экономики особенно заинтересовал Туркменистан. В ноябре 1992 г. президент Ниязов посетил КНР. Эту дату можно считать началом развития китайско-туркменских отношений.

Казахстан также наладил сотрудничество с Китаем: страны подписали межгосударственный договор, довольно интенсивно развиваются между ними торговые отношения, которые рассматриваются как основа для дальнейшего укрепления взаимосвязей.

Пекин составил двойную конкуренцию Вашингтону в схватке за западноказахстанскую нефть. Во время визита премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Алма-Аты в сентябре 1997 г. были подписаны два важных межправительственных соглашения «О сотрудничестве в области нефти и газа» и «О прокладке двух нефтепроводов» — с запада Казахстана в Западный Китай, а также в Иран. Речь идет о транспортировке нефти месторождений «Актобемунайгаз» (около 100 млн т извлекаемых запасов сырья) и «Узеньмунайгаз» (оцениваются специалистами в 140 млн т нефти). Контрольные пакеты (по 60% акций) каждого из этих предприятий китайцы приобрели еще в начале лета 1997 г. Общая стоимость всего комплекса предприятий, связанных с добычей и транспортировкой нефти, составит 9,5 млрд долл.³ Это в основном разработка Узеньского нефтяного месторождения и строительство грандиозного нефтепровода в Синьцзян протяженностью 3 тыс. км через Центральный Казахстан.

Отдельным пунктом фигурирует трубопровод из Узени в Туркмению и далее в Иран. Его протяженность по казахстанской территории составит 250 км.⁴ Интенсивность связей с КНР и их дальнейшее развитие будут, видимо, всецело зависеть от самого Китая.

Вместе с тем и Казахстан, и Китай испытывают немалое беспокойство из-за «этнической бомбы» на северо-западе Китая — в СУАР, где по последним данным проживает от 900 тыс. до 1,5 млн этнических казахов⁵. В условиях политической маргинальности и прозрачности границ это довольно опасный «горючий материал». Поэтому, например, Астана склонна рассматривать западные регионы КНР как потенциальную угрозу своей безопасности, хотя Казахстан дистанцируется от поддержки сепаратистского движения в СУАР, а Китай, со своей стороны, до недавнего времени был предельно сдержан при определении подходов к национальной проблеме в СУАР. На этом фоне в апреле 1997 г. в Москве стало возможным подписание главами государств России, КНР, Казахстана, Киргизии и Таджикистана важного соглашения о мерах доверия и сокращения вооруженных сил в приграничных районах.

В марте 1993 г. прошел первый официальный визит президента Таджикистана Рахмонова в Китай, в ходе которого он встречался с руководителем КНР и КПК и получил столь необходимую ему политическую поддержку. Были подписаны 10 соглашений, в том числе о защите инвестиций, о прямом воздушном сообщении, о предоставлении займа для поставок китайских товаров, консульская конвенция, а позднее, в январе 1998 г. — соглашение о военном сотрудничестве. Руководство КНР проявляет беспокойство в связи с возможным дестабилизирующим влиянием кризиса в Таджикистане на положение в населенных таджиками районах Западного Китая⁶.

Естественно предположить, что Китай, испытывающий нехватку энергоресурсов, и центральноазиатские государства, обладающие огромными запасами этих ресурсов, в конце концов должны прийти к сотрудничеству в этой сфере, прежде всего в плане вложения инвестиций в разработку месторождений углеводородного сырья и прокладку трубопроводов для транспортировки центральноазиатских энергоресурсов через территорию СУАР во внутренний Китай. В настоящее время правительство Китая рассматривает возможность осуществления грандиозного проекта прокладки трубопровода из Центральной Азии на свою территорию, а также в Восточную Азию. Таким образом, Китай неуклонно втягивается в глобальную борьбу, которая разворачивается в XXI веке за центральноазиатские энергоресурсы.

Для успешного осуществления планов освоения месторождений и транспортировки центральноазиатских энергоресурсов Китаю необходимо обеспечить стабильность и безопасность на территории Синьцзяна, поскольку в противном случае железные дороги и трубопроводы могли бы оказаться

весьма уязвимыми для атак уйгурских сепаратистов. В данной связи для Китая и России важно не допускать возникновения серьезных проблем в регионе, главными из которых являются радикальный исламизм и этнический сепаратизм. Эти угрозы в значительной мере стали одной из причин углубления сотрудничества между КНР и РФ.

Угрозы безопасности и стабильности центральноазиатского региона стали предметом обсуждения на встрече представителей правоохранительных органов из всех государств Центральной Азии и ряда других стран, в том числе России, проходившей в апреле 2000 г. в Ташкенте, и на встрече министров обороны стран «Шанхайской пятерки», состоявшейся в Астане⁷. Участники ташкентской встречи рассмотрели вопросы сбора, анализа и обмена оперативной информацией о транснациональной организованной преступности, подчеркнув важность координации работы различных правоохранительных органов, а также необходимость международного сотрудничества, особенно в области пограничного контроля. Среди важных мер по предупреждению новых угроз безопасности участники отметили своевременность организации Центра по борьбе с международным терроризмом⁸.

Первоначально практика проведения совещаний «Шанхайской пятерки» была связана с необходимостью решения задачи обеспечения мер военного доверия и сокращения вооруженных сил в районе границы. Однако встреча в Астане, по мнению тогдашнего начальника Главного управления международного военного сотрудничества Минобороны РФ генерала Ивашова, могла бы лечь в основу организации взаимодействия по созданию системы безопасности и мер доверия в рамках всей Азии. Этот форум становился бы реальным органом по проблемам безопасности в Центральноазиатском регионе и Северо-Восточной Азии.

Совещание представителей «Шанхайской пятерки» в Астане было посвящено двум проблемам. Во-первых; участники подвели итоги реализации соглашений об укреплении мер доверия в военной области и о сокращении вооруженных сил в районе границы, подписанных пятью государствами — Казахстаном, Киргизией, Китаем, Россией и Таджикистаном в Шанхае в 1996 г. и в Москве в 1997 г. Соглашения являются гарантией и контрольным механизмом, обеспечивающим долговременную стабильность и взаимное доверие в военной области. Вторая часть встречи была посвящена обсуждению ситуации в Центральной и Северо-Восточной Азии. По мнению участников, экстремистские проявления, охватившие территорию от Косово до Синьцзяна и от Кавказа до Центральной Азии, представляют собой скоординированную и финансируемую извне акцию. Трансграничный терроризм, воинствующий сепаратизм и религиозный экстремизм угрожают не только отдельным районам но и целым государствам⁹. Напомним, что, в итоге встречи в 1996 г., когда лидеры стран региона договорились ускоренными темпами разработать и реализовать соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, КНР добилась того, что президенты Казахстана и Киргизии приняли обязательство активизировать усилия, направленные против уйгурского сепаратизма.

Внешняя политика Китая характеризуется стремлением усилить свое влияние в регионе ЦА мирным путем с помощью расширения и интенсификации экономических связей. Китай, осуществляющий долгосрочную программу экономического развития и модернизации страны, последовательно проводит курс на укрепление добрососедских отношений с государствами Центральной Азии. В своих взаимоотношениях с центральноазиатскими государствами руководство КНР подчеркнуто декларирует принципы взаимовыгодного сотрудничества, невмешательства во внутренние дела друг друга и отказа от под-

держки сепаратизма, который безоговорочно относится им к проявлениям международного терроризма.

На данном этапе международных отношений такого рода подход, судя по всему, в основном разделяется Россией и государствами Центральной Азии. Это совпадение позволило главам «Шанхайской шестерки» (В.Путину, Цзян Цзэминю, Н.Назарбаеву, А.Акаеву, Э.Рахмонову и И.Каримову) провести в июне 2002 г. в Санкт-Петербурге саммит по вопросам региональной безопасности. Участники саммита выдвинули идею превращения «Шанхайской шестерки» в полноценную международную региональную организацию с официальным представительством в ООН и на пути к этой цели приняли решение о создании Региональной антитеррористической структуры (РАТС) с постоянным секретариатом в Пекине и штаб-квартирой в Бишкеке. Весьма примечательно, что участники петербургского саммита «Шанхайской шестерки» говорили об открытости этой организации, с которой могут сотрудничать (вплоть до вступления в нее) любые государства региона¹⁰.

Основу стратегической связки в структуре «Шанхайской шестерки» составляет стратегическое партнерство между Москвой и Пекином. Подписание в Кремле 16 июня 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ укрепляет базу китайско-российского взаимодействия в Центральной Азии. При этом Москва и Пекин пошли, как известно, на беспрецедентные взаимные уступки в области мер доверия. Осуществлено реальное сокращение вооруженных сил двух стран вдоль границы. Обе стороны получили право направлять своих инспекторов в 100-километровую демилитаризованную приграничную зону, проверять реальную ликвидацию военных сооружений и городков, инспектировать состояние военной инфраструктуры, складов, в том числе ракетно-ядерного арсенала. Стратегические договоренности с Москвой укрепляют, по нашему убеждению, китайские геополитические перспективы в ЦА.

Дальнейшее упрочение структуры и механизма «Шанхайской шестерки» объективно повышает ее миротворческую роль не только в Центральноазиатском регионе, но и в примыкающем к нему геополитическом пространстве. Особенно это относится к таким острейшим проблемам, как многолетний индо-пакистанский конфликт по кашмирскому вопросу, мирное урегулирование в Афганистане, сдерживание ракетно-ядерных амбиций Ирана. Для «Шанхайской шестерки», в том числе КНР, далеко небезразлично скорейшее создание независимого переходного палестинского государства с целью блокирования здесь нескончаемого кровопролития.

В наращивании своей активности в Центральноазиатском регионе Пекин не демонстрирует открыто своих приоритетов. Однако внимательное исследование его политики не оставляет сомнений в том, что ведущим звеном китайской стратегии в регионе является соседний с ним Казахстан. Пекин и Астана успешно урегулировали вопрос о демаркации обширной пограничной линии, нанеся тем самым еще один удар по идее создания так называемого «Восточного Туркестана». В ноябре 1998 г. КНР совместно с Казахстаном, Киргизией, а также Пакистаном после шести лет переговоров подписали соглашение о трансграничных товарных перевозках от Алма-Аты через китайскую и пакистанскую территории до побережья Аравийского моря на расстоянии 3726 км. Казахстан, получивший в наследство от СССР уникальный ВПК, подписал соглашение о поставках ВМФ Китая современного торпедного оружия¹¹. При содействии КНР идет проработка проекта сооружения в Казахстане крупного автомобильного завода. Уже к 1999 г. товарооборот китайско-казахстанской торговли достиг 1 млрд. долл.

Таким образом, на реально обозримую перспективу ближайших 10-15 лет, по нашей прогностической оценке, явно намечается тенденция к возрастанию торгово-экономического, финансового и отчасти стратегического влияния Китая в ЦА с явным акцентом на Казахстан. При этом Пекин с учетом своих внешнеполитических интересов будет, по всей вероятности, выделять следующие приоритеты: признание китайских особых, точнее традиционных, интересов в регионе, противодействие нарастающей экспансии США и их союзников по НАТО, создание возможных противовесов проникновению в регион Турции, Ирана и других сопредельных с Центральной Азией государств. Немалые усилия Пекину придется прикладывать для нейтрализации угрозы исламского фундаментализма, а также скрытого соперничества Ташкента и Астаны за лидерство в регионе. Особое место во внешнеполитической стратегии КНР занимает ее интерес к громадным нефтяным кладовым Каспийского бассейна. Весьма примечательно, что Пекину пока удается сдерживать свои давние амбициозные претензии на предъявление традиционных счетов в этом регионе, а в вопросах обеспечения безопасности он предпочитает действовать не в гордом одиночестве, а в рамках «Шанхайской шестерки», штаб-квартира которой с 2002 г. будет находиться в столице Китая.

В заключение отметим, что содержание внешней политики КНР в Центральной Азии отнюдь не безразлично для Республики Корея. Постсоветская Центральная Азия рассматривается Сеулом как один из наиболее перспективных регионов международного сотрудничества и взаимодействия. Торгово-экономические, научные, культурные и гуманитарные связи между РК, с одной стороны, Узбекистаном, Казахстаном, Киргизией — с другой, заметно опережают деловые обмены Южной Кореи с европейскими регионами РФ. Поставляя в центральноазиатские государства свою промышленную продукцию, РК во все возрастающих масштабах импортирует оттуда такие остродефицитные и ценные товары, как хлопок, драгоценные металлы, кожа, алюминий, цинк, химическая продукция. На очереди — новые проекты совместного промышленного и аграрного предпринимательства, реализации которых содействует относительная политическая стабильность в большинстве государств региона, более благоприятный инвестиционный климат, наличие здесь крупных этнокорейских диаспор и др. Однако Китай отнюдь не является конкурентом Сеулу в регионе. Напротив, он наш довольно близкий партнер, который также глубоко заинтересован в обеспечении стратегической стабильности на всем постсоветском пространстве, включая ЦА. Более того, громадная инфраструктура КНР, в особенности транспортные коридоры возрождающегося «Шелкового пути», могут успешно и выгодно обслуживать разнообразные обмены между Корейским полуостровом и Центральной Азией. В этом смысле в перспективе вполне возможно реальное расширение сотрудничества между двумя Кореями и «Шанхайской шестеркой». Поэтому ряд южнокорейских политологов-международников, в том числе и автор этих строк, обращает внимание на потенциальные возможности взаимодействия с «Шанхайской шестеркой» и других евразийских государств — Индии, Афганистана, Монголии. Думается, что движение в этом направлении будет только способствовать становлению еще одного полюса мировой политики.

1. См.: Чосон Ильбо. Сеул. 1999. 7 июня; Тона Ильбо. Сеул. 2000. 16 ноября.
2. Песков Ю. Проблемы и перспективы сотрудничества России и Китая со странами Центральной Азии - членами СНГ // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 3. С. 52-54.
3. Петров А.М. и Гафарлы. Казахстан — курс на политическую стабильность и сотрудничество с соседями. М., 1995. С. 58.

4. Китайский дракон достиг Казахстана // Независимая газета. 1997. 27 сентября.
5. Ротарь И. Этническая бомба на Северо-Западе Китая // Независимая газета. 1994. 3 августа.
6. Кузьмин И. Таджикистан: причины и уроки гражданской войны. М., 1995. С. 265.
7. Воркунова О. Новые угрозы безопасности стран Центральной Азии и перспективы их отражения // Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: ИМЭМО РАН. 2000. Апрель. С. 55-56; Главы военных ведомств «Шанхайской пятерки» сошлись во мнении, что необходимы коллективные меры по нейтрализации возникающих угроз безопасности. Учения «Южный щит Содружества - 2000», в которых приняли участие министры обороны стран «Шанхайской пятерки» и военный атташе КНР в Таджикистане, стали, по мнению генерала Ивашова, органичным продолжением встречи в Астане. Тем более, что темой учений была отработка коллективных действий по организации и проведению контртеррористических операций в Центральной Азии // Красная звезда. 2000. 13 апреля.
8. Независимая газета. 2000. 20 апреля.
9. Воркунова О. Указ соч. С. 56.
10. Известия. 2002. 8 июня.
11. Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001. С. 325.

Треугольнику Россия—Китай—Индия нужна стратегия дальних рубежей

© 2002

А. Яковлев

Угроза международного терроризма после 11 сентября 2001 г. настолько переполошила мировое сообщество, что большинство стран не-Запада, кажется, почти забыло о существовании всех прочих глобальных угроз, а также глубочайших противоречий между Западом и остальным миром. В результате на волне эмоций, вызванных сентябрьскими событиями, это большинство дружно, словом и делом, поддержало идею Вашингтона насчет терроризма как якобы самой главной опасности для всего человечества. Между тем, отнюдь не международный терроризм, как его изображают США и другие страны-члены НАТО, а именно эти прочие угрозы, эти противоречия и связанные с ними жизненные интересы больших групп государств определяли, определяют и будут, в конечном счете, определять ход мирового развития, эволюцию всей международно-политической ситуации на планете. Поэтому для большинства стран мира ожидание некой "манны небесной" за свое активное участие в создаваемой Западом так называемой "антитеррористической коалиции" — это чистейший самообман. Указанные противоречия и жесткое столкновение упомянутых интересов ныне настолько очевидны, что мало кто из серьезных аналитиков сомневается в необходимости для государств периферии мирового сообщества, в том числе и в особенности для России, не увлекаться уже не раз лопавшимися, как мыльный пузырь, надеждами на пресловутое: «Запад нам поможет». Конечно, «поможет» большинству "надеющихся", но не выбраться из трясины внутренних проблем, а утонуть в ней. Давно, с откровенным цинизмом и предельным усердием, он делает это в отношении «обновляющейся, демократической России», которая с момента своего появления на политической карте мира в стратегическом плане упорно дрейфует в сторону "большой семерки". Поэтому совершенно правы авторы изданной в 2001 г. монографии «Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии» — С.Лунев и Г.Широков, когда в заключение своего капитального труда пишут: «У России не должно быть и не может быть вечных друзей и вечных врагов... Система взаимоотношений с конкретным государством должна основываться на том, насколько политика данной страны соответствует реальным национальным интересам России. На данном этапе наиболее очевидна необходимость укрепления взаимосвязей с азиатскими гигантами».¹ На эту необходимость, как на само собой разумеющуюся, указывает главный редактор солидного периодического издания «Безопасность» Л.И.Шершнеv. В обширной аналитической статье, посвященной развитию международно-политической ситуации и стратегическим «новациям» Москвы после событий 11 сентября, он подчеркивает:

Яковлев Александр Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

«...Сближение России и Китая остается объективной данностью их выживания...Оптимальным же представляется союз России-Китая-Индии-Ирана ради спасения всего человечества, самой жизни на Земле от евро-атлантической напасти в лице США и НАТО... Другой силы, способной обуздать евро-атлантических устроителей нового мирового порядка, просто нет».² Очевидно, на основе такого же понимания роли «азиатских гигантов» в судьбах России, дана и совершенно справедливая оценка сложившейся после 11 сентября 2001 г. ситуации в российско-китайских отношениях, содержащаяся в статье «Провальный визит Иванова в Пекин», опубликованной «Независимой газетой» 3 июня 2002 г. Сделав краткий обзор состояния связей РФ и КНР по военной линии после назначения С.Иванова на пост министра обороны, авторы статьи констатируют: «...Переориентация Москвы на сотрудничество с Западом за счет свертывания контактов с Пекином выглядит как конъюнктурная и недальновидная политика».³

Высокая стратегическая цена подобной недальновидности, возможно, хотя и совсем необязательно, завтра или послезавтра станет вполне очевидной даже политически близоруким кругам российского истеблишмента, формирующим внешнеполитический курс страны, если, конечно, эта «близорукость» — результат чистого заблуждения, а не следствие сознательного стратегического выбора. Очередной, и особенно крутой, крен Москвы в сторону Запада как якобы самой надежной опоры России во внешнем мире, по сути дела, серьезно обесценивает ее еще совсем недавнюю активную ориентацию на создание стратегического треугольника Россия-Китай-Индия, открывавшую вполне реальную перспективу успешного противодействия силам глобального гегемонизма в лице «большой семерки»; - ориентацию, гарантирующую оптимальные условия для отстаивания жизненных интересов Российского государства, которые США и их союзники по НАТО демонстративно игнорируют, все более нахраписто вмешиваясь в его внутренние дела и год за годом урезая даже абсолютно естественную зону его влияния в границах СНГ.

Небывало резкий в короткой истории "независимой, демократической России" поворот стратегического вектора внешней политики Москвы на Запад пока мотивируется остройшей необходимостью нейтрализовать международный терроризм. Но ведь и сегодня ясно, что попытки свести все насущные заботы человечества к борьбе с этим эпохальным злом, в ходе которой крайне противоречивое мировое сообщество будто бы может сплотиться отныне и чуть ли ни во веки веков, есть не более чем хитроумная уловка творцов глобальной стратегии современного западного суперимпериализма. Хотя нет никаких весомых оснований полагать, что с ее помощью можно без конца морочить голову мировому сообществу вообще и странам периферии в особенности, но все же...!

Именно в связи с этой уловкой появились внешне убедительные, а, по сути совершенно лукавые политологические концепции, утверждающие, в частности, что события 11 сентября «начали новый отсчет истории человечества» и что мировое сообщество якобы вступило в эпоху «небывалых еще на свете асимметричных войн».

Однако, по поводу новизны, значения и роли таких войн, будто бы определяющих облик новой эпохи, а следовательно, и внешнеполитическое поведение государств, есть большие сомнения.

Согласно концепции "эпохи асимметричных войн", их смысл состоит в том, что «противник, который во много раз слабее, может создать смертельную угрозу для самого сильного».⁴ Но, между прочим, «свет» уже со «времени оно» видит подобные войны. История знает тьму примеров, когда слабый, в конце концов, побивал сильного. Кстати сказать, именно на этой основе родилась библейская легенда о Давиде и Голиафе. На этой же основе возник и закреп-

пился в военно-стратегическом мышлении постулат о том, что победа в войне обеспечивается не столько материальной мощью армии, сколько ее боевым, морально-психологическим духом, который «превращает пассивные материальные массы в действенные силы, активизирует их энергию и заставляет работать».⁵ В борьбе между слабым и сильным это тем более так, если воюющие стороны располагают достаточными близкими по техническому уровню вооружениями. И завершая разговор о "новизне" концепции асимметричных войн, нельзя не отметить, что в своих принципиальных чертах и даже в деталях она была вполне четко изложена в VI в. до н.э. китайским полководцем Сунь У в трактате "Суньцзы".⁶

Далее. Коренным признаком «асимметричной войны» будто бы является то, что в ней полностью отброшен «фундаментальный принцип международного права, законов и обычаев войны — обеспечить защиту гражданского населения». Интересно, однако, полно или не совсем полно был отброшен этот «фундаментальный принцип», если среди советских людей, павших в годы Отечественной войны, почти две трети относились именно к гражданскому населению. Возможно, кто-то спишет этот факт на крайнюю аморальность гитлеризма. Но ведь «образцовая» англо-американская демократия тогда тоже проявила себя далеко не в лучшем виде, превратив в руины переполненный беженцами Дрезден и испепелив Хиросиму и Нагасаки. Все три города не имели каких-либо важных военных объектов. Их уничтожение было в полном смысле слова террористическим актом, призванным запугать противника. Натовские «миротворцы» в Югославии весной-летом 1999 г., между прочим, на основе все того же «фундаментального принципа» с помощью своего «высокоточного оружия» в основном уничтожали невоенные объекты и гражданское население, почти не причинив вреда официальному «комбатанту», т.е. вооруженным силам этой страны. Карательные удары Запада все тем же «высокоточным оружием» по Ираку и Афганистану тоже пришлись главным образом по гражданскому населению. К сожалению, вряд ли также можно считать, что «фундаментальный принцип» соблюдался на первом этапе антитеррористической операции в Чечне и соблюдается сторонами, особенно Израилем, в долгом ближневосточном конфликте

Что касается партизанских движений, почти повсюду и всегда сопутствующих антиколониальным, освободительным войнам, то в связи с указанными движениями этот принцип по большому счету последовательно игнорируется. Причем более всего им пренебрегали и пренебрегают именно карательные, антипартизанские силы, зачастую прибегающие к «тактике выжженной земли». Американская война во Вьетнаме, пожалуй, самый впечатляющий своей масштабностью и жестокостью, не столько в отношении собственно партизан, сколько в отношении мирного населения, образчик такой тактики в новейшее время.

Примечательно, что склонный действовать на мировой арене, так сказать, по понятиям, а не на основе международного права, Вашингтон, объявляя «затяжную войну международному терроризму», даже не удосужился хотя бы для соответствующих своих государственных структур выработать общее представление об этом феномене. Так, министерство обороны, государственный департамент и ФБР придерживаются значительно расходящихся определений терроризма.⁷ Причем ни одно из них не совпадает с дефинициями, которые использует ближайший союзник США — Великобритания.

Известно, что термин «террор» вошел в политический лексикон в годы Французской революции 1793-94 гг., когда около 12 тыс. человек были казнены как контрреволюционеры. Термин «международный терроризм» появился в послевоенные годы и был особенно активно пущен в оборот Вашингтоном. По своей сути терроризм относится к разряду средств и методов достижения ка-

кой-либо цели и используется как отдельными людьми и их группами, так и государствами.

Кивая на международный терроризм, о котором по сей день нет сколько-нибудь единого представления ни даже у политиков стран, имеющих общие интересы на международной арене, не говоря уже о странах со сталкивающимися жизненными интересами, ни у мирового научного сообщества, всячески педалируя необходимость, так сказать, всем миром навалиться на это зло, Запад и в первую голову ныне единственная сверхдержава, по сути дела, сами в духе своих многовековых традиций все более разнузданно практикует терроризм в его наиболее опасной форме — форме государственного терроризма.

Любопытны в этой связи откровения высокопоставленного американского деятеля Леона Фюрта, опубликованные в марте 2002 г. в газете «Вашингтон пост»: «Сегодня могут рассматриваться предложения, которые еще вчера казались немыслимыми. Те, кто занимается торговлей технологиями массового поражения, а также поставкой оружия террористам, должны подвергаться теперь более скорому и уничтожающему наказанию, чем экономические санкции... Всем государствам должно быть ясно, что Соединенные Штаты совершат это действие в тот момент, когда это будет признано соответствующим задачам нашей безопасности, независимо от того имеются ли у нас улики».⁸ Словечко «независимо» особенно впечатляет!

Комментарий к этому мог бы быть стандартным: «Умри, но лучше о нынешней внешнеполитической стратегии Вашингтона не скажешь!». Однако дело в том, что задолго до Л.Фюрта и намного короче о ней сказал президент Р.Рейган: «США оставляют за собой право на вторжение в любую страну и во всякое время, которое они сочтут нужным».⁹ Когда, к примеру, Вашингтон сочтет нужным нанести удар по Белоруссии, пока сказать трудно, но обвинения в адрес белорусского президента, якобы «бессистемно» продающего оружие так называемым «странам-изгоям» и «террористам», уже сыплются как из рога изобилия.¹⁰

В рамках ныне широко и интенсивно проводимой Вашингтоном комплексной подготовки к карательным, т.е. государственно-террористическим, акциям в отношении «подозрительных» стран наряду с наращиванием и без того уникальной военной мощи, захватом все новых геостратегических плацдармов, а также усилением соответствующей пропаганды осуществляется глубокая перестройка всей деятельности американской разведки с тем, чтобы больше внимания уделять обеспечению «наступательных действий по всему миру». Об этом поведал начальник Разведывательного управления министерства обороны США Томас Уилсон.¹¹

«Наступательные действия» во всех видах уже сейчас нацелены на многие десятки стран не-Запада. Выступая на торжественном акте по случаю 200-летия Военной академии Вест-Пойнт и очередного выпуска ее слушателей, президент Дж.Буш-младший указывал: «Мы должны обнаружить террористические ячейки в 60 странах или более того».¹² «Должны», и все тут! Даже если в большинстве этих стран таких «ячеек» не было и нет.

Здесь не лишним будет напомнить оценку государственного терроризма США на мировой арене, относящуюся к теперь уже давно минувшим дням. В вышедшей третьим изданием в 1984 г. книге «Откуда исходит угроза миру» читаем: «Вашингтон возвел в ранг государственной политики и открыто использует терроризм в качестве средства давления на неугодные ему правительства, вмешательства во внутренние дела других государств. Директива президента № 138 от 3 апреля 1984 г. о так называемой «борьбе с международным терроризмом» предусматривает упреждающее использование специально подготовленных отрядов, в том числе из состава вооруженных сил, про-

тив национально-патриотических и революционных движений, а также стран, оказывающих им поддержку. Такие решения резко повышают вероятность развязывания Соединенными Штатами вооруженных агрессий».¹³

Отсюда следует: во-первых, почти двадцать лет назад Вашингтон для прикрытия своей борьбы с революционно-освободительными силами и движениями начал использовать жупел международного терроризма, во-вторых, уже тогда он совершенно ясно дал понять мировому сообществу, что его и союзных ему стран Запада долгосрочная стратегическая цель состоит в том, чтобы, объявив войну международному терроризму, вселить панический страх в души всех, кто так или иначе выступает против глобального диктата американо-европейского империализма, сковать и подавить их волю к сопротивлению. Похоже, весьма проницательным оказался автор концепции постиндустриализма Дэниэл Белл, принявший в качестве константы XXI века «страх и трепет».¹⁴ И эту константу стремится утвердить именно «большая семерка». Допустить такой поворот в мировом развитии значит поставить крест на перспективе свободы и равноправия, прогрессе и самом физическом существовании подавляющего большинства народов и стран мира.

Опасность указанного поворота вовсе не исключена. Отнюдь не случайно, что в связи с участием России и Китая в объявленной Вашингтоном войне против международного терроризма даже в западных СМИ появились суждения такого рода: «...Российское руководство с Владимиром Путиным во главе, похоже, согласилось пройти под ... ярмом, приняв унижительные условия, а Китай незаметно оказался тише воды, ниже травы».¹⁵ Над подобными суждениями следует задуматься хотя бы потому, что в пресловутую бушевскую «ось зла» вскоре могут попасть отнюдь не только сравнительно небольшие и слабые государства-стоптивцы. Вряд ли стоит удивляться, если под предлогом нарушения прав человека, геноцида национальных меньшинств, тоталитарности политического режима в эту «ось» включают Россию и Китай. Называл же Вашингтон Советский Союз «империей зла», да и КНР в 50-60-е годы он третировал практически в том же духе.

Жизнь на новых витках исторической спирали создает такие ситуации, проблемы и вызовы, которые и сами по себе, и ответы на них представляются ныне живущим поколениям почти невероятными, фантастическими. Поэтому уже сегодня нужно провидеть, во что выльются в туманных далах XXI в. нынешние основные тенденции мирового развития. Странам не-Запада, опираясь на это провидение, нужно формировать стратегию дальних рубежей, учитывая грядущую масштабность и остроту глобальных противоречий, неизбежное возрастание роли силового фактора в ходе их снятия. Это и есть архиактуальная задача для политиков и политологов «большой евразийской тройки», а также других стран периферии мирового сообщества.

За последнее десятилетие в большинстве постсоциалистических и развивающихся государств прозападные иллюзии изрядно потускнели, но все же годы после наступления «прохладного мира», а также опасные тенденции во внешней политике Запада после событий 11 сентября, по сути, подталкивающие «прохладный мир» к «горячим войнам», к сожалению, почти не поколебали, как это ни парадоксально, оптимизм руководства «большой евразийской тройки» в отношении перспектив мирового развития. Из Москвы, Дели и, пожалуй, более всего из Пекина слышатся вздохи по поводу не изжитого «менталитета холодной войны», хотя он порожден не самой этой войной, а характером противоречий современного мирового сообщества и потому в принципе неистребим в условиях данного сообщества. Из этих же столиц по-прежнему раздаются славословия процессу глобализации, которая на деле есть не что иное, как новейшая форма колонизации Западом всего остального

мира. Во всех трех столицах вновь ожили надежды на равноправное партнерство с державами Запада на этот раз на основе общей борьбы против якобы самой страшной глобальной опасности в лице нарочито туманно идентифицированного международного терроризма. Можно подумать, что до этого не было других, к тому же вполне четко обрисовавшихся, опасностей глобального масштаба, с которыми человечество столкнулось в XX в. и которые до сих пор звучат набатной тревогой, взывая к его разуму, требуют именно международных усилий во имя благополучного выживания рода людского. Достаточно сказать о ядерной угрозе, реальность которой вновь высветилась в ходе очередного обострения индо-пакистанского конфликта на исходе весны 2002 г.

Как это ни удивительно, но руководство трех великих евразийских держав продолжает так или иначе демонстрировать неувядающую веру в то, что «все идет к лучшему в этом лучшем из миров». Похоже, эта вера особенно прочно утвердилась в Пекине. В частности, в докладе Председателя Цзян Цзэминя на XV съезде КПК (1997 г.) содержался следующий оптимистический пассаж: «Будущее мира светлое, хотя путь к нему извилист. Китайский народ готов прилагать неустанные усилия, чтобы вместе со всеми народами мира содействовать благородному делу мира и развития, чтобы обеспечить еще более прекрасное будущее (Выделено мной. — А.Я.) для всего человечества».¹⁶ В «Речи на торжественном собрании по случаю 80-й годовщины со дня создания КПК» (2001 г.) Председатель Цзян Цзэминь заявил: «Стремление к миру, сотрудничеству, национальному развитию и социальному прогрессу — такова ведущая тенденция эпохи».¹⁷

Вряд ли стоит дискутировать по поводу ведущей тенденции эпохи, поскольку сама эпоха простирается в какие-то дальние дали грядущих лет. Но если учесть ускорившееся течение исторического времени и иметь в виду хотя бы первую половину XXI в., то из конкретного движения и содержания международно-политических процессов уже теперь вполне явственно вырисовывается перспектива борьбы между Западом и остальным миром, поистине небывалая по размаху и ожесточенности. Возможно, что где-то в тумане грядущих веков и маячит «еще более прекрасное будущее», но ведь «прекрасное сегодня» таково, что за последнее десятилетие в 80 странах мира валовой внутренний продукт на душу населения продолжал снижаться.¹⁸ В целом на протяжении последних десятилетий устойчивой оставалась тенденция к увеличению разрыва в уровнях жизни в сверхразвитом центре и на периферии мирового сообщества. Число же разного рода вооруженных конфликтов в разных концах планеты, включая даже «тихо» прожившую 50-80-е годы XX в. Европу, резко возросло после окончания «холодной войны», с которым многие аналитики совершенно безосновательно связывали наступление тиши и благодати на Земле.

Вера в «еще более прекрасное будущее» более всего связывается в целом ряде стран периферии, в том числе в трех великих державах Евразии, именно с процессом глобализации, с якобы благодатной для всех стран ролью Всемирной торговой организации. В частности, насколько позволяет судить знакомство с современной китайской политологией, в ней пока преобладают весьма завышенные оценки позитивного значения глобализации для экономического развития мирового сообщества и, в особенности, для его относительно отсталой периферии. Так, в опубликованной в №8 (2001 г.) влиятельного журнала «Шицзе цзинци юй чжэнчжи» (Мировая экономика и политика) статья Цао Вэньчжэня «Полемика вокруг экономической глобализации» содержит утверждение, что в долгосрочной перспективе глобализация дает отсталым странам «редкую прекрасную возможность обеспечить скачкообразное развитие экономических и научно-технических сфер и достичь уровня развитых держав».¹⁹ При этом автор ссылается на опыт КНР, оставляя в стороне во

многим уникальные параметры китайского государства, прежде всего его максимальную политическую независимость, характер его социально-экономического строя. Известно, что социализм в разных его вариациях и без глобализации в ее нынешнем виде обеспечивал уникально высокие темпы экономического развития. Например, в Советском Союзе промышленное производство росло в 6 раз быстрее, чем в остальном мире, а национальный доход в 4 раза быстрее, чем в США. Даже в 1981-1985 гг., т.е. в период так называемого застоя, валовой национальный продукт увеличился в СССР на 30%, а в США — на 14%, во Франции — на 8%, в ФРГ — на 6%.²⁰ Изначально высокие темпы экономического развития имели место и в других странах социалистической системы, включая КНР. Рыночность и широкая открытость современного Китая внешнему миру лишь стимулировали рост эффективности его социально-экономической и политической системы. Что касается хозяйственных успехов таких стран, как Индия, Бразилия, Мексика, Малайзия и некоторые другие, то их успехи по большей части предопределены причинами, также весьма далекими от воздействия глобализации, например, глобальной политической конкуренцией, особенностями и внутренними резервами догоняющего типа капитализма, достоинствами экономической стратегии руководства указанных стран. Однако примечательно, что высокие темпы экономического роста отнюдь не привели к впечатляющим победам над бедностью их населения.

Тем не менее, пока руководство стран «большой евразийской тройки» подчеркивает свое принципиально позитивное отношение к экономической глобализации. Правда, в России при ее все еще, мягко выражаясь, не блестящем экономическом положении критический взгляд на глобализацию представлен в политологической литературе более широко, чем в КНР и Индии. И есть достаточное оснований утверждать, что все три великие державы Евразии, формируя свою внешнеполитическую стратегию, ныне все еще ориентируются не столько на жесткие долгосрочные политические и военные вызовы глобализации, сколько на потенциальные возможности, которые она пока открывает для ускорения темпов и повышения качественного содержания их экономического развития.

Между тем реалистичность таких возможностей уже сейчас стоит под большим вопросом. Экономическая глобализация при всей ее объективности есть процесс, жестко управляемый и направляемый Западом в его собственных интересах. Если эти интересы потребуют, а они рано или поздно потребуют, то в одночасье может быть обрушена или поставлена в тяжелейшее положение экономика практически любой развивающейся страны, даже вполне успешно вписавшейся в так называемый «общецивилизационный процесс», как это было в Индонезии, Таиланде, Аргентине, да и в той же Мексике. Именно в условиях особенно бурного развития глобализации и после якобы раскрепостившей производительные силы буржуазной реставрации подавляющее большинство стран СНГ, Прибалтики и Восточной Европы более десяти лет не могут поднять экономику хотя бы до уровня конца 80-х — начала 90-х годов. Кстати сказать, японская экономическая сверхдержава с ее многоопытным руководством тоже почему-то никак не разберется с «возможностями и вызовами глобализации» и уже более десяти лет тщетно пытается выбраться из состояния застоя.

Самое удручающее обстоятельство, однако, состоит в том, что на подходы России, Китая и Индии к стратегическому внешнеполитическому планированию преобладающее влияние оказывают оценки состояния мирового сообщества и путей снятия присущих ему антагонистических противоречий лишь в том виде, как они, это состояние и эти пути, вырисовываются в сравнительно близкой перспективе. Между тем, стратегическое планирование Запада, осо-

бенно его американо-английской составляющей, уже давно и практически во всех основных аспектах ориентировано на международно-политическую ситуацию, которая по всем объективным данным сложится в более отдаленной перспективе.

Что конкретно предвидит эта западная стратегия, как она будет решать глобальные проблемы, процесс обострения и умножения которых интенсивно развивается в наши дни? Речь, прежде всего, идет о связке глобальных сырьевых, экологических и демографических проблем, а соответственно и о характере нового мирового порядка как инструмента их решения.

Сырьевая проблема. Борьба за источники невозобновляемого сырья и в новое, и в новейшее время велась постоянно и весьма ожесточенно. Но ныне масштабы его потребления и темпы оскудения этих источников, возросли настолько, что специалисты прогнозируют глобальную сырьевую катастрофу. В международно-политическом плане это грозит крайним обострением конфликтов между Западом и остальным миром, ибо первый — самый крупный потребитель сырья, а второй — обладатель основных его запасов. Достаточно сказать, что доля потребляемого Америкой импортного сырья, составлявшая в 1950 г. 15%, возросла к 1970 г. до 25%, и, по расчетам, должна была составить 60-70% в 2000 г.²¹ На США ныне приходится более четверти мирового потребления углеводородного сырья. ²²Импорт нефти в Японию и Западную Европу давно уже на 95-100% покрывает их внутренние потребности.²³ Задача обеспечения бесперебойной и все возрастающей поставки сырья в страны Запада была поставлена «большой семеркой» именно как стратегически приоритетнейшая уже вскоре после окончания второй мировой войны и затем подтверждена и, так сказать, научно обоснована в 70-е гг. Это было, в частности, сделано в опубликованном в 1972 г. докладе «Пределы роста», подготовленном Римским клубом — одним из влиятельнейших «мозговых трестов» Запада,²⁴ а также в коллективной прогностической работе «Большая стратегия на 80-е годы», выполненной под руководством бывшего министра обороны США М.Лэйрда и вышедшей из печати в 1978 г.²⁵ В этой работе говорилось: «Мы стоим перед мрачной перспективой мира, где слишком много людей и слишком мало ресурсов, мира, где стремление развитых стран сохранить свой уровень жизни входит в явное противоречие со стремлением других выжить».²⁶

За четверть века, прошедшую после выхода в свет упомянутой книги, и особенно в последнее десятилетие XX в. и первые два года XXI в. мир был свидетелем энергичных усилий Запада, прежде всего Америки, направленных на установление своего контроля над районами мира, богатыми сырьем, в первую очередь нефтью, а также природным газом. Указанные усилия оказались весьма продуктивными, если иметь в виду постсоветское пространство, не говоря уже о других, так сказать, старых частях периферии мирового сообщества. Причем эти усилия, естественно, все более приобретают вид откровенной военной агрессии, которая пока лукаво прикрывается терминами «миротворческая» или «гуманитарная» деятельность. О неизбежности преобладания именно силовых форм решения обостряющейся сырьевой проблемы вполне внятно говорилось еще в «Большой стратегии на 80-е годы»: «В этом мире силой будет решаться многое, возможно даже все... Потребуется сила, чтобы побудить развивающиеся страны не прерывать поставки важных ресурсов... И только военная сила может обеспечить безопасность коммуникаций».²⁷ Подобный подход ныне вылился в превращение НАТО в военную машину Запада фактически с планетарной зоной действия или «ответственности», как предпочитают выражаться западные политики. Военные базы блока уже появились в центре Евразии, т.е. в континентальном тылу России, Китая, Индии. Они не-

пременно появятся и в других так называемых «критических районах» мира, где их пока нет или пока в них нет нужды.

Получается, что сырьевая проблема наряду с чисто геополитическими факторами неуклонно превращается в капитальный стимул начинающейся новой милитаризации Запада. Именно в этой своей ипостаси сырьевая проблема, прежде всего, и должна учитываться долгосрочной стратегией России, Китая и Индии. Она должна побуждать их уже сегодня к совместному поиску адекватного, в том числе и даже в первую очередь, силового же ответа, ибо другие ответы, в конце концов, всегда оказывались и непременно окажутся в будущем неэффективными. Наиболее продуктивным вариантом подготовки к защите ресурсов мира от безудержного разграбления их «большой семеркой» пока является всемерное усиление организационной сплоченности стран периферии, охватывающей ныне прежний «третий мир» и большую часть постсоциалистического пространства. В будущем, скорее всего, неизбежными вновь станут такие же меры обуздания милитаристской агрессивности и сырьевых appetитов Запада, какие в 1973 г. были предприняты группой арабских стран — производителей нефти. Тогда в результате введения ими эмбарго на поставки нефти в США и некоторые европейские страны цены на нее в течение нескольких недель возросли десятикратно.²⁸ Ныне из Багдада и Тегерана вновь раздаются призывы прибегнуть к нефтяному эмбарго в случае нападения США на Ирак. Между прочим, максимально «автомобилизированная» Америка по сей день как кошмар вспоминает бензиновый дефицит 1973 г. И вовсе не исключено, что обоснованные с точки зрения международной справедливости защитительные меры сырьевых стран США и их союзники по НАТО изобразят как специфическую форму международного терроризма, как «трусливый» и «подлый способ» принуждения Запада к уступкам остальному миру под влиянием страха.

Экологическая проблема. По глубокому убеждению многих видных представителей науки о Земле, экологический потенциал планеты тает еще быстрее, чем запасы невозобновляемого сырья. Помимо всего прочего этот потенциал особенно жестко ставит конечные пределы высвобождению энергии на Земле, а значит развитию материального производства. Такое заключение с пространственным физико-математическим обоснованием содержится, к примеру, в статье Марка Голанского "Новые тенденции в мировой экономике", опубликованной еще в 1993 г. в четвертом номере журнала «Наш современник». По мысли данного эксперта, правда, отдающей духом наивнейшего политического идеализма, именно экологический кризис как самоновейшая и действительно наиболее грозная глобальная опасность для человечества в целом, в отличие, например, от искусственно раздуваемой опасности международного терроризма, непременно заставит, наконец, предельно эгоцентричный Запад образумиться и столь же непременно побудит его принять модель мироустройства, благоприятную для всех обитателей планеты. В результате, полагал ныне покойный гуманист М.Голанский, человечество без войн, революций и вообще без всякого насилия дружно вступит в эпоху всемирного социализма. Хорошо бы если так, однако...здесь слишком много всякого рода «но».²⁹

В частности, пока политики и ученые ищут наиболее безболезненную и не чреватую вселенскими катаклизмами парадигму мирового развития, в том числе эффективную схему решения экологической проблемы, призванную хотя бы ослабить ее негативное воздействие на международно-политическую ситуацию, единственная ныне сверхдержава с поразительным цинизмом демонстрирует нежелание поддержать за пределами своей территории общее дело защиты среды обитания человека, хотя именно она, единственная сверхдержава, более всех других стран ответственна за загрязнение этой среды и хотя именно она более всех других шумит о правах человека. Между тем, главное

из этих прав — право на жизнь — как раз в огромной мере зависит от состояния природно-климатических условий на планете. Похоже, что Америка действует с более дальним прицелом и более эгоцентрично, чем ее союзники по НАТО. Известно, что расходы на экологическую защиту огромны даже на Западе с его высокими технологиями. Обосновывая выход США из Киотского экологического соглашения от 1997 г., президент Дж.Буш-младший заявил, что предписанное этим документом сокращение к 2008–2012 гг. вредных выбросов в атмосферу примерно на 7% по сравнению с 1990 г. «обошлось бы американской экономике слишком дорого».³⁰ И уж если богатейшая и технологически передовая страна «не в состоянии» нести бремя экологической защиты собственной территории, то совершенно очевидно, что для развивающихся стран с их по преимуществу индустрией прошлого века затраты на эти цели вообще неподъемны. К тому же, если страны периферии начнут принимать адекватные меры экологической защиты, они сразу же и существенно подорвут конкурентоспособность своей продукции на мировом рынке, где она и без того наталкивается на жесткий протекционизм развитых стран, сплошь и рядом нарушающих общие правила ВТО.

Вполне обоснованно можно предположить, что в не столь уж отдаленном будущем Запад с его практикой двойных стандартов присовокупит к понятию «международный терроризм» и аргумент насчет “эгоистического отказа” развивающихся стран должным образом раскошелиться на собственную экологическую защиту. Вовсе не случайно, что именно быстро индустриализующиеся страны Восточной Азии, особенно Китай, давно уже подаются в исследованиях западных, особенно американских, специалистов как источник грядущего неизбежного ухудшения климата в АТР и на планете в целом. В связи с высказанным выше предположением весьма симптоматично заявление Б.Клинтона, сделанное в беседе с Председателем КНР Цзян Цзэмином в октябре 1995 г. Он сказал, что величайшая угроза, которую Китай создает для безопасности Америки, — не военная, а экологическая и что если Китай будет пытаться разбогатеть, как разбогатела Америка, то нанесет непоправимый экологический ущерб всему человечеству.³¹ Это высказывание настораживает именно потому, что оно принадлежит недавнему руководителю страны, не только неизмеримо более других ответственной за загрязнение окружающей среды, но страны, которая в 2001 г. вышла из Киотского соглашения, предусматривающего определенное снижение бремени экологических расходов для развивающихся стран, включая Китай. Так что международно-политические последствия обострения экологической проблемы могут обернуться, и скорее всего обернутся, резким ужесточением трений по линии Запад — остальной мир именно в связи с дальнейшим формированием представлений западных, прежде всего американских, стратегов о международном терроризме.

Демографическая проблема. Согласно выкладкам специалистов, Земля даже при нынешних технологиях способна, конечно на разумно скромном уровне, прокормить и одеть, обеспечить крышу над головой по крайней мере, 35 миллиардам людей.³² Вопреки этому на Западе упорно твердят, что их уже избыток и в духе концепции Мальтуса предлагают удерживать численность человечества в пределах миллиарда с небольшим или даже в существенно более узких пределах. Следовательно, стратегия Запада включает задачу сокращения нынешнего шестимиллиардного населения земли почти на 4/5. Невероятная вроде бы идея. Но это как посмотреть! Средства массового уничтожения — военные и невоенные — ныне таковы, что «регулирование» народонаселения Земли в интересах «золотого миллиарда» практически вполне возможно. В этой связи крайне важно, что буржуазно-либеральная идеология Запада, согласно которой жизни вообще, а тем более благоденствия, достойны

лишь сильнейшие, фактически не содержит никаких морально-нравственных норм, препятствующих глобальному демографическому «урегулированию» по рецептам мальтузианской доктрины и по канонам, так сказать, «пионерской» нацистской практики «освобождения жизненного пространства от неполноценных народов». Эта нацистская практика, не исключено, будет выглядеть при неблагоприятном сценарии мирового развития легкой разминкой перед грядущим демографическим «урегулированием», планы которого хладнокровно продуманы и сверстаны кое-кем из стратегов и идеологов Запада, а по некоторым данным, тайным «наднациональным» мировым правительством или «Комитетом 300».

Генеральная цель и детали этих планов, подтвержденные документами, изложены в книге офицера британской спецслужбы Д.Колемана «Комитет 300: тайны мирового правительства». Важные выдержки из нее представлены российскому читателю в статье Л.А.Грушецкого, опубликованной в июне 2002 г. газетой «Дуэль».³³

Эти цель и детали таковы: «К 2050 г. Комитет 300 решил уничтожить 3 млрд. «беспольных едоков». Для этого разработаны и применяются следующие рекомендации:

- организация локальных войн, голода, эпидемий;
- прекращение промышленного развития и производства электроэнергии;
- разрушение национального самосознания, религии, особенно христианской;
- ослабление морального духа нации и деморализация рабочего класса созданием массовой безработицы (Как отмечалось на Всемирной встрече по проблемам социального развития, состоявшейся в Брюсселе в середине 1990-х гг., 30% работоспособных землян тогда были безработными. В последующие годы рост их числа продолжался.³⁴ — А.Я.).
- прекращение всех научно-исследовательских работ, кроме одобренных Комитетом;
- недопущение, чтобы народы сами решали свою судьбу, искусственное создание кризисных ситуаций и «управление» ими;
- создание кризиса в мировой экономике;
- внедрение агентов в правительства для разрушения суверенитета и целостности стран;
- установление контроля над образованием и его разрушение;
- контроль за каждым человеком путем использования средств управления сознанием;
- легализация наркотиков и порнографии, создание культов различных рок-групп;
- использование наднациональных организаций — ООН, МВФ, Мирового суда и др.;
- взятие под контроль внешней и внутренней политики государств;
- организация всемирного террористического аппарата».³⁵

Практически все перечисленные рекомендации в последние годы, так или иначе, в той или иной мере, реализуются в политике США и «большой семерки» в целом в отношении периферии мирового сообщества.

Было бы роковой ошибкой особенно для таких многонаселенных стран, как Китай и Индия, недооценивать реальный характер угрозы, создаваемой «громადьем» западных «демографических планов». В связи с ними есть о чем задуматься и России. «Римским клубом» давно уже проработана идея сокращения ее населения до 50 и даже до 20 миллионов человек. Конечно, и Китай, и Индия сами ощущают необходимость сдерживания роста своего населения и уже на протяжении значительного времени принимают соответствующие ме-

ры. Но в долгосрочной перспективе западная «помощь» в этом деле, способная перерасти в диктат и пока трудно предсказуемые формы насилия, для них не менее, а скорее даже более, опасна, чем для других стран периферии.

Вряд ли кто-нибудь всерьез будет отрицать, что демографическая проблема, равно как и сырьевая, и экологическая, кардинальнейшим образом влияют на ход перестройки мирового порядка и наряду с буржуазно-либеральной идеологией определяют беспрецедентную жесткость и эгоцентричность позиции Запада — ныне сильнейшего актора на международной арене — в вопросах этой перестройки.

Новый мировой порядок. В идеале он должен формироваться при активном и равноправном участии и Запада, и стран остального мира. В условиях прежней равновесной биполярной системы мировое сообщество действительно приближалось к этому идеалу. С начала 1990-х гг. данный процесс пошел вспять. Опираясь на свое резко возросшее силовое превосходство, именно Запад пока в основном определяет характер будущего мирового порядка. И глобальная стратегия, и практические действия на международной арене «большой семерки», в особенности ее сверхдержавного лидера, все четче высвечивают контуры мироустройства, желательного для Запада. Причем не просто желательного, а по всем объективным данным пока наиболее вероятного. Если страны периферии не сгруппируются для отпора гегемонизму, то именно демократический, справедливый международный политический и экономический порядок, о котором давно и много говорят в Пекине, Москве, в Дели и других столицах незападной части мирового сообщества, останется лишь благим пожеланием.

«Большая семерка» во главе с Вашингтоном напористо, а еще точнее сказать, нахраписто, ведет дело к тому, что новый мировой порядок в его фундаментальных чертах будет выглядеть следующим образом:

— Практически все будет подчинено интересам сохранения и дальнейшего процветания западного потребительского общества.

— Для этого Запад максимально увеличит свою военную мощь, с тем чтобы в необходимых масштабах проецировать ее на любой критически важный район планеты. Причем основная ставка будет делаться на милитаризацию космоса, в чем у Запада в ближайшей перспективе достойные соперники все еще не просматриваются.

— В принципе будут исключены перспективы налаживания равноправного партнерства между Западом и великими державами периферии, ибо оно так или иначе предполагает учет жизненных интересов последних, в том числе их стремления влиять на процесс формирования нового мирового порядка. На данный момент в этом плане особенно впечатляюще и поучителен «блестящий» крах надежд Москвы на такое партнерство с Америкой и Западом в целом сначала на базе общности буржуазно-демократических ценностей, а затем на основе якобы общей борьбы с «международным терроризмом» в его американской интерпретации.

— По большому счету в ходе строительства нового мирового порядка пресловутая борьба Запада за «распространение демократии» в мире, за права человека, против геноцида в отношении национальных меньшинств закономерно обернется установлением жесточайшего тоталитарного международного режима, совершенно безжалостным попранием прав человека и в самой, так сказать, «цивилизованной», т.е. западной, части мирового сообщества и особенно на его периферии. Наконец, и это, пожалуй, важнее всего в международно-политическом плане, указанная борьба Запада всенепременно выльется в дальнейшее, еще более интенсивное использование национального вопроса для территориальной дезинтеграции великих и вообще крупных государств периферии.

ферии, потенциально способных давать отпор гегемонизму современного суперимпериализма. Игра на национальных противоречиях в таких государствах уже принесла Западу свои богатые плоды. Распались без прямого военного вмешательства советская сверхдержава, Чехословакия, частично Югославия. Правда, для окончательного уничтожения СФРЮ все же потребовалось военное вторжение НАТО. Вдохновленная этими успехами «большая семерка» уже в практическом плане работает на поставленную еще в середине 1990-х гг. задачу территориального раздробления России. Эта задача была с предельной четкостью сформулирована Б.Клинтоном 24 октября 1995 г. на закрытом совещании начальников штабов США.³⁶ А за Россией настанет очередь Китая и Индии. Ведь не секрет, что Вашингтон давно уже стоит за спиной сепаратистских сил в Тибете и Синьцзяне, на юге КНР. Очевидно также, что многонациональная Индия весьма уязвима для интриг Запада с достаточно сильными сепаратистскими кругами в некоторых ее районах.

— В идеальном виде новый мировой порядок в его западном исполнении должен привести к ситуации, когда на Земле будут существовать и соответствующим образом взаимодействовать мощный, тесно интегрированный во всех отношениях Запад и обширная периферия, состоящая из мелких и мельчайших, а следовательно и крайне слабых, к тому же зачастую враждующих между собой государств. Именно такая международная среда является самой благоприятной для традиционной имперской политики с ее хорошо «обкатанным» за тысячелетия принципом — «разделяй и властвуй». Только в случае возникновения подобной среды господство Запада в мире окажется безраздельным и гарантированным на неопределенно долгое время.

Но пока обрисованный выше новый мировой порядок — это все еще в основном некий социально-политический проект, хотя и с угрожающее крупными шансами на реализацию в ближайшие десятилетия. Однако реализация этих шансов зависит не только от возможностей и устремлений Запада. В конечном счете, многое определит активность тех международных сил, ядром которых является «большая евразийская тройка» и которые объективно призваны противостоять попыткам продвижения в жизнь этого, по сути, неофашистского глобального проекта Запада.

Чтобы сорвать его осуществление странам периферии, прежде всего «большой тройке», **настоятельно необходима именно стратегия дальних рубежей.** Она во всех ее составных частях должна уже сегодня ориентироваться на уровень возможностей и угроз, который неизбежно сложится в поддающейся строго научному прогнозу перспективе.

В частности, представляется, что в интересах обуздания быстро нарастающего экономического засилья Запада на Земле ключевым элементом указанной стратегии должен стать курс на максимально приоритетное и предельно интенсивное развитие интеграционного процесса в рамках треугольника Россия-Китай-Индия. Только этот треугольник ныне способен стать центром притяжения для более широкого круга государств, по крайней мере, азиатских. Иначе говоря, для того чтобы предотвратить усиление и упрочение безраздельного сугубо эгоистического доминирования больших интеграционных пространств Запада, необходимо, причем в кратчайшие сроки, обеспечить формирование мощного интеграционного пространства в Азии с ядром в лице России, Китая и Индии.

Следует отметить, что китайские политологи указывают на возможность и необходимость экономической интеграции прежде всего в треугольнике Россия-Китай-Индия. С их точки зрения, эта возможность связана с особенностями нынешнего состояния дел в трех странах. Китай располагает, помимо всего прочего, огромным контингентом дешевой рабочей силы, Россия имеет

развитую индустрию, передовой ВПК, все еще мощный научно-технический потенциал, Индия наработала впечатляющие заделы в области электроники. Если бы удалось соединить эти преимущества, то в Азии сложился бы интеграционный экономический комплекс глобального значения. Что касается необходимости интеграции в треугольнике, то она вытекает не только из потребностей экономического развития и обеспечения экономической же безопасности, но и из нового качества угроз, в том числе и в особенности военных, порождаемых все более жестко сталкивающимися жизненными интересами Запада и остального мира.

Явный поворот США и их союзников по НАТО к новому туру гонки вооружений вообще, а главное, к переносу ее в космос, может создать в обозримой перспективе принципиально иной, поистине трагический для стран периферии, военно-силовой дисбаланс. В результате возникнет та самая ситуация «страха и трепета», которую предрекал уже упоминавшийся Дэниэл Бэлл. Состояние панического оцепенения, исключаящего волю к активному сопротивлению, достаточно явственно проявилось в его, так сказать, первоначальном виде в связи с бесчинствами НАТО в Югославии весной-летом 1999 г. Тогда остальной мир, еще недавно бурно протестовавший против всех и всяких актов агрессии, безропотно отдал на растерзание страну-члена ООН. Ситуация «страха и трепета» непременно возникнет, если именно «большая евразийская тройка» не осознает, что побить космический козырь Запада можно только космическим же козырем. Таким козырем могла бы быть или активнейшая совместная работа «тройки» по организации широчайшего движения народов мира против милитаризации космоса, развертываемой Западом, или столь же интенсивная совместная работа по созданию адекватной военной угрозы Западу из космического пространства. Правда, хорошо известно, что традиционные миролюбивые увещания, призывы уважать общечеловеческие ценности и даже мощное в свое время движение международной миролюбивой общественности не действовали на старый империализм, который если и шел время от времени на разрядку в отношениях с Востоком и избегал лобового столкновения с ним, то исключительно под угрозой возмездия. При нынешнем глобальном соотношении сил призывы к гуманизму будут для современного суперимпериализма не более, чем гласом вопиющего в пустыне. Это относится и к намерениям Москвы и Пекина вновь поставить вопрос о запрете на размещение оружия в космосе.³⁷ Между прочим, договор о таком запрете уже существует. Но ведь существовал и договор по ПРО! США с ним без большого труда покончили. Коренной принцип международного права — договоры должны соблюдаться — прописан, похоже, не для американской сверхдержавы и ее союзников по НАТО, которые ныне выступают главными архитекторами нового мирового порядка и явно предпочитают действовать на международной арене в духе стародавнего житейского постулата — «против лома нет приема».

Конечно, стратегия дальних рубежей, увы, сопряжена с необходимостью восстановления мобилизационного типа политического мышления. Потребуются колоссальные усилия и немалые экономические жертвы со стороны государств периферии, прежде всего со стороны евразийского стратегического треугольника. Причем это требование истории неизмеримо более императивно, чем такое же требование в канун второй мировой войны. Не отреагировать на него адекватным образом значит дать карт-бланш тем политическим кругам на Западе, которые усиленно торопятся превратить пока еще потенциальную угрозу космического терроризма в решающий реальный фактор строительства удобного им нового мирового порядка. И как раз потому, что они торопятся, резерв времени на стратегические раздумья у «большой евразийской тройки» тает с драматической быстротой.

* * *

Прежде всего именно поэтому в данной статье в сугубо заостренной форме изложены соображения, касающиеся наиболее вероятного варианта развития международно-политической обстановки в ближайшем, а главное — более отдаленном будущем. Данный вариант вовсе не исключает сотрудничества между Западом и остальным миром в разных сферах, как оно, к примеру, не исключалось в отношениях двух мировых лагерей даже в напряженнейшие периоды «холодной войны». Но в этом варианте особо подчеркивается объективная неизбежность нарастания и ужесточения многоплановой борьбы между Западом и остальным миром, неотвратимость превращения ее в главную черту взаимодействия между двумя частями мирового сообщества. К этому уже сейчас и должны всемерно готовиться страны периферии, особенно ее великие державы, ибо только в случае впечатляющих успехов периферии в этой борьбе, и ни в каком другом случае, взаимовыгодное и равноправное сотрудничество с Западом, надежды на которое, похоже, неизбывны в развивающихся и постсоциалистических странах, может обрести реальную основу и стать устойчивой чертой взаимодействия между двумя частями мирового сообщества.

Данная подготовка, помимо ускоренного наращивания комплексной мощи стран периферии, в частности и в особенности, включает укрепление доверия в стратегическом треугольнике Россия-Китай-Индия, искреннее стремление его «углов» к рациональному снятию оставшихся от прошлого проблем в их двусторонних отношениях, активные действия великих держав Евразии в целях организации и сплочения широчайшего международного антигегемонистского фронта. В рамках этих действий был бы в высшей степени эффективен, так сказать, личный пример «большой тройки» в борьбе за международную справедливость, за ограждение прежде всего так называемых «стран-изгоев» от бесчинств НАТО и особенно от государственного терроризма Америки — пример, более всего способный вдохновить и активизировать антигегемонистские силы мира. Потребуется также максимальное использование мощного пропагандистского аппарата России, Китая и Индии для разъяснения миллиардам людей губительного для них стремления Запада к созданию однополярного мира, и соответственно для разъяснения настоятельной необходимости организованного в планетарном масштабе жесткого массового отпора попыткам Запада установить неокOLONиалистский новый мировой порядок. Такого рода политическое просвещение совершенно необходимо, поскольку начавшееся движение именно к указанному типу мироустройства многоопытные и вездесущие СМИ «большой семерки» умело прикрывают бесконечным шумом насчет благородной «культуртрегерской миссии» американо-европейской цивилизации, хотя однажды эта «миссия» уже обернулась многовековым колониальным господством Запада над большинством человечества. Напоминать об уроках прошлого, четко высвечивающих вполне вероятное будущее, нужно вновь и вновь, поскольку наступать на одни и те же грабли, увы, свойственно не только отдельным людям, но и народам.

Изложенные в статье соображения по большей части есть не более чем политическая азбука. Но к этой азбуке, которую кое-кто может назвать политической архаикой, лидерам стран не-Запада придется возвращаться точно так же, как жизнь вообще и международно-политическая в частности вновь и вновь возвращается «на круги своя».

Результаты состоявшейся в июне 2002 г. в Санкт-Петербурге очередной встречи глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) так или иначе подтверждают эту истину. Ведь встреча прошла в условиях, сложившихся после несколько неожиданно крутого поворота внешнепо-

литического курса Москвы в сторону США и НАТО. Тем более знаменательно, что это не остановило процесс организационной консолидации ШОС. На встрече принята Хартия, т.е. фактически устав этой международной организации, в ее рамках юридически оформлено создание региональной антитеррористической структуры. Кроме того, и это чрезвычайно важно, желание вступить в ШОС уже выразила Индия. Вполне возможно, что со временем в нее войдут в том или ином качестве Монголия и Пакистан. Таким образом, если учесть еще и факт проведения в начале июня 2002 г. в Алма-Ате первого Сопровождающего и мерам доверия в Азии (СВМДА), то четче вырисовалась перспектива превращения пока только формирующегося стратегического треугольника Россия-Китай-Индия в центр сплочения большой группы азиатских государств во имя мира и развития, во имя международной справедливости на континенте и в мире в целом. Можно уверенно утверждать, что успешные усилия ШОС, особенно таких ее членов, как Россия и Китай, направленные на политическое урегулирование вновь запыхавшего индо-пакистанского военного конфликта, надежно гарантировали бы в высшей степени конструктивную роль этой организации на просторах Евразии. Равным образом было бы обеспечено неуклонное возрастание стабилизирующей роли треугольника Россия-Китай-Индия в глобальной системе международных отношений. Но он эффективно сыграет и ту, и другую роль лишь при условии, что его «углы» правильно соотносят значение своих сиюминутных, т.е. по большому счету частных, интересов и долгосрочных, общих интересов, отдадут последним безусловный приоритет, как это давно и продуктивно делает Запад и как этого настоятельно требует стратегия дальних рубежей.

1. Лунев С.И., Широков Г.К. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии. М., 2001. С.302.
2. Шершнева Л.И. Четвертая мировая война набирает обороты // Безопасность. Информационный сборник Фонда национальной и международной безопасности. М., июль-декабрь 2001. № 7-12 (56). С.33.
3. Савицкий А., Коротченко И. Провальный визит Иванова в Пекин // Независимая газета. 3 июня 2002.
4. См.: Качановский Ю. Асимметричная война. Как оборонять Россию? // Советская Россия. 2002. 9 апреля.
5. Безопасность. Информационный сборник Фонда национальной и международной безопасности. М., июль-декабрь 2001. № 7-12 (56). С. 264.
6. См. русский перевод: Конрад Н.И. Суньцзы. Трактат о военном искусстве. М., 1950.
7. По мнению Пентагона, «терроризм есть сознательное применение насилия или угрозы насилия для внушения страха в целях принуждения или устрашения правительств и обществ при реализации целей, обычно имеющих политический, религиозный или идеологический характер». Госдепартамент утверждает, что «терроризм есть заранее продуманное и политически мотивированное насилие, обычно применяемое субнациональными группами или тайными агентами против невоенных мишеней для воздействия на публику». По определению ФБР, «терроризм есть незаконное применение силы или насилия против людей или собственности для устрашения или принуждения правительства, гражданского населения либо любого их сегмента при продвижении к политическим или социальным целям». (Dilip Hiro. The Kashmiri Crisis is a Defining Moment...// Washington Post -Outlook. Produced in cooperation with The Yomiuri Shimbun // The Daily Yomiuri. June 5, 2002).
8. Цит. по: Завтра. Апрель 2002. № 14 (437).
9. Цит. по: Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С.59.
10. Завтра. Апрель 2002. № 14 (437).
11. Дуэль. 4 июня 2002. № 23 (268). С. 8.
12. Цит. по: Советская Россия. 14 июня 2002.

13. Откуда исходит угроза миру. М., Военное издательство. 1984. С.3-4.
14. См.: Восток. М., 1998. №-1. С. 37.
15. См. перевод статьи Франсуа Шлоссера «Буш: головокружение от могущества США» из журнала «Nouvelobs» в газ. Советская Россия от 21 марта 2002 г.
16. Коммунист. М., 1998. №-2. С.44.
17. Коммунист. М., сентябрь —октябрь 2001. № 5. С. 41.
18. Мир за неделю. 1999. 13-20 ноября.
19. Возможности и вызовы глобализации. Экспресс-информация: ИДВ РАН. № 8. М., 2001. С.14.
20. Советская Россия. 2002. 25 апреля.
21. Foreign Policy. 1976. No. 23. P.78.
22. Завтра. Апрель 2002. № 17 (440).
23. Деловые люди. М., 1995. №- 60. С.81.
24. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W. The Limits To Growth. New York, 1972.
25. Grand Strategy for the 1980s. Washington, 1978.
26. Ibid. P. 61-62.
27. Ibid.
28. Советская Россия. 2002. 9 апреля.
29. Подробный критический анализ работы М.Голанского дан автором этой статьи в материале «Об “историческом оптимизме” и успокоительных песнопениях» // Правда. 1993. 18 августа.
30. The Daily Yomiuri. June 5. 2002.
31. Цит. по: В.П. Курбатов. Актуальные проблемы КНР: демография, агросфера, экология. М., 1996. С.192.
32. Медведева И., Шишова Т. Наследники царя Ирода // Советская Россия. 2000 г. 4 июля.
33. Грушецкий Л.А. Комитет -300 // Дуэль. 2002. 4 июня. № 23 (268). С.1. Первое и второе английское издание работы Джона Колемана вышли соответственно в 1991 и 1992 гг. И только в 2001 г. появился русский перевод этого важного труда // Витязь, 2001. С.318.
34. Дуэль. 2002. 4 июня. № 23 (268). С.8.
35. Там же. С.1.
36. Правда. 2000. 2 марта.
37. Правда. 2002. 11 апреля.

Неспешные шаги административной реформы в Японии

© 2002

А. Сенаторов

Несколько лет тому назад, представляя читателям журнала краткий обзор принятого в Японии курса на осуществление широкого спектра структурных реформ¹, автор отмечал, что среди намеченных в этой стране системных преобразований административная реформа рассматривалась как центральная и приоритетная задача.

Действительно, начиная с 1994 г. каждое из японских коалиционных правительств первоочередное внимание обращало на продвижение административной реформы. Дело не ограничивалось образованием консультативных органов, которым поручалась разработка рекомендаций, касающихся внесения в систему управления страной изменений, отвечающих современной внутренней и международной обстановке. С учетом этих рекомендаций в правительстве разрабатывались планы преобразований. Под личным руководством премьер-министров формировались структуры, наделенные соответствующими контрольными полномочиями и призванные дебюрократизировать процесс проведения реформ.

Заметные сдвиги произошли в результате реализации принятой в декабре 1996 г. при кабинете Р. Хасимото трехлетней программы административной реформы. В частности, была проведена крупная реорганизация структуры правительства Японии².

В декабре 2000 г. кабинет Ё. Мори утвердил очередную трехлетнюю Программу административной реформы, основные мероприятия которой намечено осуществить до 2005 г. В 2001 г. при кабинете министров были учреждены — Секретариат административной реформы, а в правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) — Штаб по продвижению административной реформы, призванные придать дополнительный импульс осуществлению этой программы.

Согласно официальному разъяснению в Программе административной реформы основными задачами определены:

1. Реформирование двух наиболее значимых видов общественных предприятий — особых юридических лиц и санкционированных юридических лиц; внедрение нового порядка оценки их деятельности; реформирование системы общественных служащих; пересмотр административного вмешательства в функционирование самого массового вида общественных предприятий — общественно-полезных юридических лиц.

2. Пересмотр отношений между государством и органами местного самоуправления, реформирование системы регулирования в интересах повыше-

ния самостоятельности и независимости общественных организаций, а также с целью формирования новых отношений между администрацией и частным сектором.

3. Унификация и координация системы государственного управления, соответствующая перестройка министерств и управлений; сокращение административной организации и ее функций, повышение эффективности центрального управления³.

Перечисленные выше задачи административной реформы являются фактическим продолжением ее прежних направлений. Рассмотрим, какие из задач, обозначенных в Программе административной реформы, уже решены, а какие еще предстоит решить.

От «смягчения регулирования» к «реформе регулирования»

Одной из характерных черт послевоенной Японии было сохранение высокой степени концентрации управления в руках центра, громадный объем государственного регулирования. Это отвечало стоящим перед страной задачам по восстановлению разрушенного и дезорганизованного войной народного хозяйства и организации мощного экономического подъема в интересах выхода японской промышленной продукции на зарубежные рынки. Правительство определяло приоритетные отрасли и способы поощрения их развития, создавало благоприятные условия для отечественных предприятий, всемерно содействовало расширению экспорта и т. д. Разнообразное регулирование в социальной сфере способствовало недопущению чрезмерных перекосов в распределении общественного богатства и росту материального и культурного уровня жизни всех слоев населения, обеспечивая тем самым необходимую для развития страны политическую стабильность.

Повседневное, детальное вмешательство государства в процесс функционирования экономики и жизнь гражданского общества внутри страны длительное время признавалось нормальным явлением, отвечающим японским национальным интересам, а за рубежом такая система государственного управления нередко оценивалась как важный фактор феноменальных экономических достижений Японии.

Однако большие внутренние и международные перемены во второй половине 20-го века привели к тому, что административное регулирование в Японии было признано не только чрезмерным, но и тормозящим развитие страны, особенно в сфере экономики. Для достигшей высочайшего уровня развития и чрезвычайно сложно структурированной экономической системы Японии прежнее всеобъемлющее государственное регулирование перестало быть рациональным, потеряло оперативность и стало затруднять нормальное функционирование рыночного механизма. Защита общественных предприятий, государственный протекционизм в условиях глобализации экономики вызывали жесткие ответные меры иностранных государств. За этот же период сформировались условия, позволяющие сократить масштабы регулирования путем отмены или смягчения множества регламентаций, а также изменить формы и способы государственного вмешательства.

В 1990-е гг. Япония, ранее демонстрировавшая высокие темпы экономического развития, быстрее и успешнее других передовых стран преодолевая возникающие в мировой экономике кризисные ситуации, вступила в затяжную полосу стагнации, для преодоления которой признается необходимым взять курс на либеральные реформы.

Самой важной и приоритетной задачей административной реформы, которую, начиная с 1994 г. провозглашают коалиционные правительства, было названо «смягчение регулирования». С 1995 г. эта задача решалась по ежегод-

ным Планам смягчения регулирования. В 1995-1998 гг. было отменено или смягчено регулирование по 3,5 тыс. позиций, в том числе по 2,9 тыс. на основе внесения поправок к законам⁴.

В решении указанной задачи правительство шло навстречу требованиям влиятельных предпринимательских организаций, ориентируясь, как правило, на отмену экономического регулирования, а в социальном регулировании — на движение «от нетронутого поля к пересмотру».

В 1998 г. принимается трехлетний План смягчения регулирования, подлежащий ежегодному пересмотру и дополнению. По этому плану дерегулирование осуществлялось по 15 сферам: конкурентная политика; недвижимость, земля и общественные предприятия; информатика и связь; товарооборот; транспорт; стандарты и правила, касающиеся импорта; кредит, ценные бумаги и страхование; проблемы промышленного загрязнения и охраны природной среды; техническая, пожарная и прочая (кроме военной) безопасность; медицина и социальное обеспечение; юстиция; прочее. С первоначальных 624 позиций дерегулирования данный план в результате двух пересмотров был расширен до 1268 позиций. Поскольку его реализация проходила в условиях длительного экономического застоя, дерегулирование осуществлялось в интересах создания условий для появления новых производств и предприятий, в особенности путем снятия ограничений на вхождение новых предпринимателей в перспективную информационно-коммуникационную сферу бизнеса.

В конкретных задачах плана 1998-2000 гг. нашли отражение многообразные нюансы дерегулирования, а именно:

— отмена регулирования или переход к его смягчению в экономической сфере исходя из «принципа свободы», а в социальной — из «принципа минимально необходимого регулирования»;

— рационализация методов регулирования;

— более четкое выражение сути регламентаций и их упрощение;

— согласование национального регулирования с международными нормами;

— сокращение сроков процедур, относящихся к регулированию;

— обеспечение транспарентности принятия решений по регулированию⁵.

В этом же документе были изложены перспективные направления дальнейшего дерегулирования, среди которых на первое место поставлено «содействие справедливой и свободной конкуренции».

Комитету по справедливым и честным сделкам (орган, призванный осуществлять надзор за исполнением антимонопольных законов) вменялось в обязанность жестко контролировать и оперативно реагировать как на противозаконные действия, наносящие ущерб мелким и средним предприятиям, так и на любые другие нарушения установленных норм и правил взаимоотношений между предпринимателями. На комитет была возложена задача содействовать дальнейшему сокращению тех сфер предпринимательства, на которые положения антимонопольного закона пока не распространялись.

По-иному была сформулирована сама суть пересмотра государственного регулирования. Впервые появилась формулировка «реформа регулирования» (вместо прежнего «смягчения регулирования»), которая трактовалась как создание «новых правил», соответствующих повороту от «управления по типу превентивного регулирования» к «управлению по типу последующего контроля»⁶. В 1999 г. Комитет по смягчению регулирования, действовавший в составе Штаба по продвижению административной реформы, был переименован в Комитет по реформе регулирования.

В настоящее время осуществляется очередной трехлетний План продвижения реформы регулирования, принятый японским правительством в

марте 2001 г.⁷ Регулирование в нем рассматривается как важная составная часть всех структурных реформ экономики и общества Японии. Характерной особенностью этого плана является то, что в нем ставятся более сложные задачи, решение которых направлено на более широкое, более основательное комплексное реформирование существующих систем, включая социальные, а не на пересмотр отдельных регламентаций, как это было зафиксировано в предыдущих подобных документах. В интересах реализации этого плана при канцелярии кабинета министров учреждается Совет по комплексному проведению реформы регулирования.

В качестве конечных задач этой реформы определены:

1. Построение общества, в котором возможно проявление творчества и индивидуальности, а дух созидания и усилия вознаграждается.

2. Активизация социальных систем — общественной деятельности на международной арене, социального обеспечения, занятости, трудовых отношений, образования и т. д.

3. Формирование общества рециркуляции, добровольно выполняющего программу многократного использования природных и искусственно созданных материалов, облегчающую нагрузку на окружающую среду.

4. Обеспечение условий для создания новых производств и увеличения занятости.

5. Формирование условий для усиления конкурентоспособности национального промышленного производства путем снижения его себестоимости и т. д.

6. Реформирование, направленное на создание системных условий для того, чтобы использование достижений в информационно-коммуникационной технологии стало реальным источником получения добавочной стоимости.

7. Переход к обществу по типу повседневного контроля и вспомоществования.

Пересмотр регулирования намечается путем отмены различных регламентаций, смягчения, изменения методов и сферы их применения, в том числе в форме перехода от лицензирования к заявительной системе, к более мягкому регулированию и т. д.

Ставится цель параллельно с пересмотром регулирования принимать меры, направленные на:

- гарантии социальной стабильности («сеть страхования»);
- рационализацию и повышение эффективности в общественном секторе;
- утверждение самостоятельной ответственности частных предприятий;
- гарантии эффективности социально необходимого регулирования;
- активизацию конкурентной политики для более полного проявления рыночных функций;

- учреждение новых правил, способствующих переходу от управления по типу превентивного регулирования к управлению по типу последующего контроля;
- осуществление судебной реформы, расширяющей возможности судебной системы в разрешении конфликтов, в первую очередь в сфере экономических отношений.

Важное значение придается информированию о ходе реформы регулирования, чтобы получать ее поддержку со стороны населения. Канцелярии кабинета министров поручено с этой целью активно применять анализ экономической эффективности от реформы регулирования, выраженный в числовых показателях, и публиковать его данные.

Нынешний план реформы регулирования конкретизируется по различным сферам, а также по 554 позициям, сведенным в 15 групп «по горизонтали» (то есть за пределами ведомственного разграничения).

Ход реформы регулирования и принятие нового трехлетнего плана в главном штабе японских деловых кругов — Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) восприняты в основном с удовлетворением. Одновременно к правительству выдвинуты новые требования. Президент Кэйданрэн Т. Имаи заявил, что «элементы регулирования, мешающие частному предпринимательству, во многом устранены, хотя задачи еще остаются». Другой крупный бизнесмен Ё. Мияути, возглавлявший Комитет по реформе регулирования, пояснил: «Сделан крупный шаг в направлении перевода экономики с системы административного регулирования на систему рыночного регулирования», но еще сохраняется «множество преград в социальной области». Чтобы довести реформу регулирования до конца, нужно идти дальше, развернуть более энергичную «атаку» с целью «создания условий для конкуренции в таких сферах, как почтовые сбережения и почтовая связь (по существу имеется в виду приватизация государственной почты, в сферу деятельности которой входят также прием от населения денежных сбережений и страхование жизни — *прим. автора*), пенсионная система, медицинское обслуживание, забота о престарелых и прочие социальные услуги, образование, сельское хозяйство»⁸.

Такого рода заказ со стороны Кэйданрэн стремится выполнить сформированный в апреле 2001 г. Совет по комплексной реформе регулирования, непосредственно подчиненный премьер-министру Д. Коидзуми. Этот совещательный орган (15 человек) на 40% состоит из представителей частного сектора во главе с вышеупомянутым Ё. Мияути.

В материалах Совета по комплексной реформе регулирования ставится задача добиваться «изменения всей системы», включая разработку новых норм, способствующих усилению конкуренции, принятие соответствующих бюджетных мер, комплексный подход в осуществлении перемен. Отмечается, что социальная сфера, в функцию которой входит обеспечение потребностей населения, «опаздывает с началом реформы». Вследствие существующего мнения о том, что этой сфере не подходят рыночные принципы, здесь «сохраняются регламентации и структура правительственных предприятий, что мешает повышению качества услуг и их масштабному расширению». По этой причине в «реформе регулирования» акцент сделан на шесть «социальных сфер»: медицину, обеспечение благосостояния и дошкольные детские учреждения, подготовку кадров и трудовые отношения, образование, экологию, реконструкцию городов⁹. Из опубликованного в июле 2001 г. доклада Совета, содержащего предварительные рекомендации по «шести приоритетным сферам», следует, что изучается возможность внедрения конкуренции и повышения «эффективности» во всех этих сферах прежде всего путем расширения участия частного капитала и частного управления социальными учреждениями.

Реформа регулирования в принципе пользуется поддержкой большинства политических и общественных кругов Японии. Практические же решения об отмене или смягчении регулирования по его конкретным объектам, почти всегда вызывающие немалые споры, достигаются в процессе поиска компромисса, поскольку затрагивают интересы определенных корпоративных групп и слоев населения.

В начале проведения административной реформы наблюдалась повышенная активность тех, кто был недоволен «медлительностью» процесса дерегулирования. Главную причину неспешности видят в нежелании бюрократии, правительственных ведомств расставаться со «своими полномочиями». В последние годы отмечается и другое. В японской прессе высказывается мнение, что «тенденция к торможению дерегулирования», наблюдающаяся среди правящих партий, исходит из опасений негативной реакции электората на выборах¹⁰. В частности, Общество оживления японской экономики и поощрения

мелкого и среднего предпринимательства, в которое входят около 150 депутатов парламента, состоящих в ЛДП, высказывает возражения по поводу «чрезмерностей дерегулирования, которые происходят благодаря международным обещаниям правительства»¹¹.

На протяжении проведения нынешней административной реформы каждое из правительств Японии, рассматривая дерегулирование как костяк всех структурных реформ, старалось убедить население в его необходимости и выгодах. Реформа регулирования характеризуется как «попытка структурных преобразований, чтобы страна выжила как дееспособное общество в процессе изменения системных условий — экономической глобализации, дефицита трудовых ресурсов из-за повышения доли нетрудоспособных возрастных групп населения, развития информационно-коммуникационных технологий. Путем отмены старых регламентаций и установления новых правил стимулируется творчество, повышаются профессиональные навыки и умение работников, а потребители могут получить дешевые, высокого качества и разнообразные товары и услуги»¹².

Большое внимание уделяется пропаганде конкретных результатов реформы регулирования для повседневной жизни японских граждан. Выгоды от данной реформы подсчитываются по 13 позициям. На 2000 г. выгоды пользователей услуг в этих сферах по сравнению с тем периодом, когда реформа не проводилась, оцениваются в 15,7 трлн иен, то есть 124 тыс. иен на душу населения. Наиболее значительны они в сфере мобильной телефонной связи, где отмена многих регламентаций привела к резкому расширению участников этого бизнеса, усилению конкуренции и снижению платы за услуги¹³.

Разделение прав центра и местного самоуправления, задача укрупнения муниципий

Важной задачей административной реформы является передача части полномочий государства на места, создание условий для административной и финансовой самостоятельности органов местного самоуправления.

Японская система местного самоуправления, возникшая в процессе послевоенных демократических реформ, приобрела такие особенности, как детальная регламентация государственными законами организационной структуры, ограничение самостоятельности в деятельности ее органов (требовалось получать разрешение центра и консультироваться с ним по разнообразным вопросам местного значения), исполнение большого объема работ по указаниям и под повседневным контролем правительственных ведомств, а также сильная зависимость от государственного финансирования.

В период становления местного самоуправления эти особенности воспринимались на местах как естественные, но позже, по мере экономического развития и упрочения демократических порядков в стране местные власти и граждане начали ощущать, что чрезмерная государственная опека, финансовая зависимость от центра мешают полному проявлению потенциальных возможностей регионов и местных кадров, созревших для самостоятельной творческой деятельности.

Поворот в сторону децентрализации явился следствием мощного и длительного давления на правительство со стороны ассоциации губернаторов префектур, организаций глав администраций и депутатов собраний первичных органов местного самоуправления (городов, поселков, деревень), поддержанных мощными гражданскими движениями.

Следствием этого давления явилось принятие в 1993 г. обеими палатами парламента резолюции, требующей приступить к передаче части полномочий центра на места, а в мае 1995 г. — принятие рамочного закона о децентрали-

зации, наметившего общие ее контуры и определившего пятилетний срок этой реформы. Следовательно, согласно этому закону намеченная децентрализация должна быть завершена в 2001 г. Что же на практике сделано конкретно к этому сроку?

Четыре года потребовалось неоднократно сменявшимся за этот период правительствам Японии на подготовку и проведение через парламент большого пакета поправок и дополнений к Закону о местном самоуправлении и другим законам, касающимся разнообразных аспектов взаимоотношений местного самоуправления с государственными учреждениями.

В правительственных кругах ожидали, что вступление в действие этого пакета законодательных поправок приведет к повороту от управления по типу «унифицированного централизованного руководства» с его акцентом на «национальное единообразие и справедливость» к управлению по типу «многообразия и разделения прав», отражающему мнение местных жителей. Считалось, что вследствие такого поворота, во-первых, граждане сами смогут заботиться о собственных территориях проживания, а также управлять ими самостоятельно. Во-вторых, местные дела будут решаться в соответствии с реальной обстановкой на местах без участия центра и под ответственность местного самоуправления. В-третьих, вмешательство государства в отношении с местной властью будет сведено к необходимому минимуму; одновременно с сокращением трудовых и финансовых затрат для жителей будут упрощены различные процедуры в решении их дел¹⁴.

В июле 1999 г. парламент одобрил все 475 предложенных правительством поправок, большинство из них вступило в силу с 2000 г. Реализация некоторых из них, требующих большой подготовительной работы, отнесена на следующие один — три года.

Теперь за органами местного самоуправления (ОМС) признана широкая роль в осуществлении самостоятельного и комплексного управления на своей территории в интересах улучшения благосостояния жителей. Соответственно, государство сосредотачивается на деятельности, затрагивающей международные отношения и решение вопросов, играющих важную роль в обеспечении единства страны, а также на проведении политики и организации управления, имеющих государственное значение, передавая на места свои полномочия в части, касающейся решения местных вопросов.

Органам местного самоуправления было трудно концентрировать свое внимание на делах местного значения, поскольку в префектурах до 80%, а муниципалитетах (городах, поселках, деревнях) до 40% всей работы приходилось на исполнение поручений правительственных ведомств, которые играли главную роль в определении уровня их финансирования из государственного бюджета и осуществляли жесткий контроль за исполнением дел и расходованием финансовых ресурсов. Беспрецедентно широким было государственное вмешательство и в их повседневную деятельность. М. Хосокава сетовал по этому поводу: «Без разрешения центра нельзя даже перенести автобусную остановку»¹⁵.

Вполне естественно, что конкретное разграничение функций и полномочий между государством и ОМС, а также определение допустимых пределов вмешательства центрального правительства и его учреждений в дела местного самоуправления были встречены в стране как существенный прогресс в сторону децентрализации.

Прежний порядок исполнения органами местного самоуправления многочисленных поручений министерств и управлений был отменен. Часть такого рода дел, ранее требовавших непременно разрешения центра или согласования с ним, классифицирована как дела местного самоуправления, осуществляемые ими полностью самостоятельно. К ним, например, отнесены городское

планирование, разрешение на открытие больниц и аптек, отвод участков для землеустроительных работ и многое другое. Еще одна часть дел, исполнявшихся на местах по поручению центральных учреждений, получила наименование «дела, доверенные органам местного самоуправления по закону». Тем самым ограничивался произвол правительственных чиновников, поскольку ответственность за ведение данной категории дел ОМС несут перед законом. К такому была также отнесена деятельность, касающаяся проведения и контроля на местах парламентских выборов, выдача и обмен паспортов, контроль за государственными дорогами, статистика и т.д. Одновременно с расширением полномочий местного самоуправления государство взяло на себя исполнение части дел, которые до сих пор поручались префектурам. Сюда входит, в частности, контроль за государственными парковыми зонами, лицензирование и инспекция трастовых кооперативов, вопросы землепользования и трудовых отношений на американских военных базах и т.д. К этой же категории отнесены дела, исполнявшиеся местными инспекторами в системе социального обеспечения, которые, имея статус государственных служащих, работали в составе префектуральных административных структур. Теперь эта большая группа государственных служащих (около 19 тыс.) работает в местных отделениях министерства благосостояния и труда.

Заново установлены основы отношений между государством и ОМС: различаются «принцип законности», требующий в случае вмешательства в дела ОМС законодательно подтвержденных оснований, и «принцип обычной законности», когда общие правила вмешательства государства определены Законом о местном самоуправлении. Подчеркивается, что в случаях любого вмешательства со стороны государства следует ограничиваться минимально необходимыми мерами для достижения поставленной цели и заботиться о независимости и самостоятельности органа местного самоуправления.

В соответствии с новой классификацией дел местного самоуправления проблемы взаимоотношений центра с ОМС должны решаться дифференцированно. По местным делам государство может прибегать к советам и рекомендациям, требовать предоставления материалов, проведения консультаций, пересмотра определенных решений. Более широкий набор воздействия государства установлен по делам, доверенным по закону. Здесь государство может дополнительно применить такие виды вмешательства, как «согласие», «разрешение», «подтверждение», «одобрение», «директива», а также взятие на себя исполнения доверенного дела.

Отменена важная статья Закона о местном самоуправлении, гласившая, что губернатор префектуры работает под общим руководством и контролем ответственных министров, а глава администрации города, поселка, деревни — под общим руководством и контролем губернатора и ответственных министерств. В ряд законов, определяющих взаимоотношения конкретных министерств и управлений с ОМС, а также отношения между префектурами и муниципиями, внесены поправки, отменяющие или смягчающие виды вмешательства «сверху вниз». В целях разрешения конфликтных ситуаций, когда губернатор или глава муниципии не соглашается с действиями центра, при правительстве учреждается орган для разрешения таких конфликтов. Таким ныне является Комитет по урегулированию споров между государством и местным самоуправлением при министерстве общих дел. Если решение этого органа главу местной администрации не удовлетворит, то он имеет право обратиться для рассмотрения спора в суд высшей инстанции.

Приближение системы управления к жителям, расширение свободы действий на местном уровне должны обеспечиваться перераспределением прав между префектурами и муниципиями в пользу последних. Городам права от

префектур передаются с учетом готовности к их реальному использованию, ранжируя города по численности населения и другим объективным критериям.

Несколько расширена самостоятельность местного самоуправления в том числе за счет ослабления законодательных ограничений, направленных на единообразие организационной структуры местных органов.

Признавая важность принятого в 1999 г. комплекса поправок к законам о местном самоуправлении, нельзя не отметить, что они почти не касаются источников и порядка финансирования, а без решения этого принципиального вопроса трудно говорить о достижении подлинной независимости органов местного самоуправления.

Решение одной из финансовых проблем, касающейся рационализации порядка предоставления государственной дотации на общественные предприятия, правительство в 1999 г. включило в очередной план по децентрализации. Но решение еще более важной задачи пересмотра налоговых источников финансирования местного самоуправления в правительстве тогда отложили на более отдаленное будущее, когда в стране обозначится экономический подъем. Однако именно эта проблема остается самой актуальной и болезненной для местного самоуправления.

До последнего времени расходы городов, поселков и деревень только на 20 — 30% обеспечивались доходами от местных налогов. Большая часть недостатка финансовых средств в местном самоуправлении покрывалась денежными поступлениями из центра в форме «местного передаваемого налога» и целевых государственных дотаций. Местный передаваемый налог — это средство перераспределения на места доходов от государственных налогов по специальным расчетам с тем, чтобы повсеместно обеспечить определенный общенациональный минимум общественных услуг для населения. Он составляет до 20% в доходах государства.

Несоразмерность весьма ограниченных собственных источников финансирования и громадных трансфертов из центра в виде поступлений из передаваемого налога и различного рода дотаций ставит ОМС в зависимость от правительственных ведомств, и одновременно порождает иждивенческие настроения. Фактически возврат местных займов, в том числе и на необоснованное строительство малоиспользуемых общественных сооружений, покрывается средствами из передаваемого налога.

К необходимости ускорить поиск эффективных способов финансового обеспечения деятельности местного самоуправления подталкивает нарастающий финансовый кризис, который переживает большинство ОМС. В этих условиях Комитет по продвижению децентрализации при правительстве в июне 2001 г. представил премьер-министру Д. Коидзуми предложения о передаче части налогов от государства на местный уровень, что было оценено в некоторых газетах как «беспрецедентный случай». Предлагалось, с одной стороны, передать в налог по месту жительства часть государственного подоходного налога и разделить потребительский налог на государственный и местный, а с другой стороны, сократить местный передаваемый налог и дотации из государственной казны, а также повысить как степень финансовой свободы, так и ответственность ОМС¹⁴.

Вместе с тем бесконфликтно реализовать эти предложения чрезвычайно трудно. Так, простое уменьшение передаваемого налога может вызвать своеобразный «паралич деятельности» многих малонаселенных ОМС, а одновременное увеличение местных налоговых источников будет благоприятствовать зонам крупных городов, но создаст трудности для провинций, где возможности получения значительных доходов от местных налогов ограничены. Требуется, подчеркивают некоторые японские эксперты, комплексное решение

двух задач: передача на места налоговых источников и сокращение дел, возлагаемых государством на ОМС¹⁷.

Видимо, сложность пересмотра существующей системы финансирования местного самоуправления, усугубленная продолжающимся экономическим застоем и общим дефицитом государственных финансов, побудила правительство Японии в настоящее время на первый план выдвинуть иную задачу, а именно: укрупнение нынешних первичных органов местного самоуправления — городов, поселков и деревень путем их слияния.

По последней Программе административной реформы намечено масштабное сокращение числа нынешних городов, поселков, деревень; предполагается уменьшить их в три раза с более чем 3200 до одной тысячи. Насущность задачи укрупнения, как указывается в японской прессе, «определяется кризисом местных финансов, долги которых достигли 180 трлн иен... Финансовое положение на местах и далее будет ухудшаться. Выбор один — слияние»¹⁸.

Около половины первичных единиц местного самоуправления в настоящее время имеет население до 10 тыс. человек, есть и такие, в которых не насчитывается и одной тысячи. Понятно, что муниципиям с малочисленным населением трудно самостоятельно удовлетворять возрастающие требования к качеству жизни населения, обеспечивать запросы всех категорий жителей. Более того, многие из этих образований не имеют возможности без поддержки центра даже содержать собственную администрацию.

Вопрос о слиянии городов, поселков, деревень ставится в Японии не впервые. Первое масштабное слияние относится к периоду Мэйдзи. В 1889 г. 70 тысяч населенных пунктов были по указанию «сверху» реорганизованы в 15 тысяч (почти пятикратное сокращение). Следующее «большое слияние» было осуществлено в 1953—1955 гг., уже после введения системы местного самоуправления. Тогда число муниципий было сокращено с 9500 до почти 3000, то есть в три раза, но делалось с соблюдением демократических норм.

Кризис местных финансов хотя и является важным фактором, побуждающим к новому крупному слиянию муниципий, но он отнюдь не единственный. Со времени 1950-х гг. произошло много изменений, требующих пересмотра территориальных границ органов местного самоуправления: резко расширились зоны приложения труда их жителей; идет отток населения из провинций; возникают новые проблемы из-за старения населения и т.д.

Японское правительство и парламент не обладают полномочиями принимать решения о слиянии муниципий, которые должны делать это самостоятельно. Но у центра есть возможность выдвигать и обосновывать концепции укрупнения ОМС и создавать благоприятные условия для ее реализации по решению местных жителей.

Государство может взять на себя ограниченную поддержку муниципий при их слиянии, а также на определенный период после его проведения. Уже приняты законы, подтверждающие возможности применения таких мер поощрения, как предоставление займов на реконструкцию городов и поселков после слияния, временное сохранение государственных дотаций по прежним нормам, другие гарантии преодоления возможных начальных трудностей ОМС в новых административных границах.

Присоединение малой деревни или небольшого поселка к городу с большими финансовыми и другими материальными и культурными возможностями в принципе должно быть привлекательным для деревенских и поселковых жителей. Но, с другой стороны, возникает опасение, что их запросы будут забыты на фоне более масштабных дел. С тем, чтобы вследствие укрупнения муниципий жители не почувствовали отдаленности от своей администрации, предусмотрена возможность формирования территориальных совещательных

органов в рамках прежних поселков и деревень, учреждения там же небольших отделений («окон») администрации и ряд других мер.

До настоящего времени многие главы муниципий, а также депутаты местных собраний к идее слияния относятся довольно пассивно. Основные надежды в ее реализации возлагаются на активность местных жителей.

Форсируя процесс создания крупных муниципий, правительство настойчиво пропагандирует его выгоды для различных слоев населения. От слияния муниципий, как отмечается в одном из правительственных материалов, ожидают следующих позитивных результатов:

1) расширение возможностей для удовлетворения запросов старшего поколения;

2) повышение качества услуг в результате возможности муниципий получать более квалифицированных специалистов в сфере страхования, инженерных работ и т.д.;

3) более рациональное использование имеющихся культурных, спортивных и прочих общественных учреждений;

4) более эффективное и практичное инженерное оборудование местности, создание инфраструктуры жилищного фонда, строительство культурных и спортивных сооружений, более успешное осуществление градостроительного строительства с учетом региональных требований;

5) рост возможностей для концентрации капиталовложений, в интересах осуществления крупных проектов;

6) экономия расходов на администрацию и повышение качества ее работы;

7) закрепление молодежи, работающей на местных промышленных и других предприятиях, повышение имиджа своей территории и осознание принадлежности к своей муниципии¹⁹.

В Японии быстро растет число городов, поселков и деревень, где сформированы советы по обсуждению возможности слияний или общества по изучению этой проблемы. На конец марта 2000 г. возникло 367 такого рода учреждений, а на конец июня 2001 г. — 1247, то есть более чем в одной трети муниципий. Уже приняты первые, хотя еще единичные, официальные решения о слиянии ряда деревень, поселков и о присоединении некоторых поселков к городам. По мнению профессора К. Саката, опубликовавшего эти сведения, «гора слияний сдвигается»²⁰.

Отмечая большое значение начатых преобразований в сфере разграничения полномочий между государством и ОМС, тем не менее следует констатировать, что административная реформа в области децентрализации в Японии застопорилась, а заявленная цель завершить ее в 2001 г. не достигнута. По-прежнему не обеспечена финансовая самостоятельность местного самоуправления. Намеченное укрупнение муниципий путем трехкратного сокращения их численности вряд ли послужит коренному решению этой трудной проблемы. К тому же нет оснований надеяться на быстрый темп самого процесса их слияния.

(окончание следует)

1. Сенаторов А.И. Япония: курс на структурные реформы // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 2. С. 37-49.
2. Сенаторов А.И. Япония: крупная реорганизация правительственной структуры // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 2. С. 53-63.
3. Гёсэй кайкаку-но данко-ни мукэтэ [К решительной административной реформе] // Токи-но угоки, 1999. № 6. С. 16.
4. Нихон кэйдзай симбун. 1999. 2 апреля.

55. Токи-но угоки. 1999. № 6. С. 16.
56. Там же. С. 18.
57. Содержание плана излагается по: Токи-но угоки. 2001. № 6. С. 92—98.
58. Аратана гэсэй кайкаку-но митисудзи [Новый маршрут административной реформы] // Гэккан Кэйданрэн. 2001. № 5. С. 21.
59. Там же.
110. Ёмиури симбун. 2000. 3 апреля.
111. Нихон кэйдзай симбун. 2000. 13 июня.
112. Токи-но угоки. 2001. № 10. С. 39.
113. Там же. С. 42.
114. Токи-но угоки. 1997. № 5. С. 67.
115. Япония о себе и мире. 1994. № 1. С. 37.
116. Ёмиури симбун. 2001. 15 июня.
117. Ёмиури симбун. 2001. 23 октября.
118. Нихон кэйдзай симбун. 2000. 2 декабря.
119. Токи-но угоки. 1997. № 5. С. 70.
120. Коккай гэппо. 2001. № 11. С. 30.

Экономика и социальные проблемы

Социальные изменения в КНР в ходе реформ (Круглый стол в ПДВ)

15 июня с.г. по инициативе дирекции ИДВ РАН и редакции ПДВ был проведен "Круглый стол" на тему: "Социальные изменения в КНР в ходе реформ". Объем представленных письменных текстов, стенографических записей выступлений, а также обмена мнениями в ходе дискуссии оказался настолько велик, что редакция вынуждена пойти на некоторое сокращение текстов ряда выступлений, а некоторые выступления дать в изложении либо только упомянуть.

А.М.Григорьев, проф., д.и.н., главный редактор ПДВ, главный научный сотрудник ИДВ РАН. Нет необходимости доказывать важность и актуальность обсуждения темы нашего сегодняшнего "Круглого стола". Необходимость изучения и обобщения итогов сдвигов в социальной структуре китайского общества, учета и прогнозирования их тенденций назрела, и пробелы в освещении этой проблематики в исследованиях, ведущихся в различных подразделениях нашего института, и на страницах ПДВ все более ощущают и сами исследователи, и читатели нашего журнала. Частично это отставание объясняется тем обстоятельством, что до последнего времени в нашем распоряжении не было систематизированных данных по этим вопросам. В публикациях в китайской научной печати, в статистических данных соответствующих органов КНР до сих пор преобладали либо сведения локального характера, либо анализ тенденций изменения структуры и т.п. отдельных социальных групп и слоев. Буквально в последние месяцы в КНР появился ряд научных исследований обобщающего характера, основанных на использовании привидимых китайскими специалистами широких социальных исследований. Этими публикациями организаторы сегодняшней дискуссии постарались обеспечить всех желающих принять в ней участие.

Новые процессы в социальной жизни Китая в целом, изменения в структуре и положении "традиционных" социальных слоев и формирование новых социальных образований требует выработки новых теоретико-методологических подходов, обновления используемого понятийного аппарата. Поиски в этом направлении заметны в новейших публикациях в КНР, заметны, по понятным причинам, и попытки сохранить прежние подходы и дефиниции. Думается, что нам следует выработать в этих вопросах собственную позицию. Понятно, что дело это весьма непростое, требующее времени, большего числа данных, прояснения итогов ряда процессов, сегодня лишь намечающихся как тенденция.

Если сегодня общими усилиями нам удастся сделать хотя бы несколько шагов в этом направлении, расчеты организаторов "Круглого стола" можно будет считать не напрасными.

Бергер Я.М., д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН проанализировал методологические подходы к стратификации современного китайского общества.

За последние два десятилетия китайские обществоведы в разных отраслях социальных и гуманитарных наук проделали немалый путь, стремясь отойти от узко догматической методологии и использовать новые для себя современные западные подходы. Одной из последних твердынь на этом пути оставался классовый анализ социальной структуры китайского общества. В последнее время, однако, появились признаки того, что и она вряд ли удержит за собой роль незыблемой первоосновы всех изысканий в этой области.

Классовый подход в его традиционном виде затрудняет понимание сложных процессов, дифференциации и интеграции китайского социума, связанных с его модернизацией и коренным преобразованием экономического строя. Распадаются старые социальные группы, появляются новые, меняются ценностные ориентации общества в целом, социальных общностей и индивидов, но все это не находит адекватного объяснения в рамках старых парадигм.

Однако дело, разумеется, не только в этом. Применение единственно верной классовой теории к радикально изменившейся экономической и социальной ситуации не может не приводить к выводам, которые идеологически и политически неприемлемы для правящей Коммунистической партии Китая, ее руководства, ее пропагандистского аппарата. В рамках классовой теории трудно соотнести утверждения о строительстве социализма в Китае с возрождением класса частных собственников, эксплуатирующих наемный труд, с понижением социального статуса рабочего класса, официально все еще объявляемого опорой политической власти, с растущей дифференциацией имущества и доходов, с появлением новой социальной группы городской бедноты и т.д.

Более того, проблема еще более обостряется тем обстоятельством, что нужно не просто дать более или приемлемую для общества трактовку изменений в его социальной структуре, но и теоретически обосновать дальнейшие далеко идущие перемены как в данной области, так и иных, весьма чувствительных, областях, тесно с ней связанных. Энергичное продвижение Китая по пути радикальных рыночных реформ, все более усиливающийся процесс включения страны в орбиту глобализации неизбежно способствуют прогрессирующему уходу государства из экономики и повышению экономической, социальной и политической роли частного сектора, а, стало быть, и обострению противоречий, отсюда вытекающих.

Можно привести немало свидетельств того, насколько указанные вопросы серьезно тревожат китайских обществоведов и служат побудительным стимулом для настойчивых поисков выхода из складывающегося тупика. Ограничимся лишь одним примером. В журнале «Цюши» недавно была опубликована статья под многозначительным названием «От классового анализа к анализу страт» (Ян Гунфа. Цун цзецзи фэньси дао цзецэн фэньси. «Цюши», 2002, N 3. С. 47-49). Ее автор утверждает, что использование классового анализа применительно к современной ситуации в Китае не только лишено экономической основы, но и создает немалую путаницу при определении социального строя пореформенного Китая. В статье содержится отповедь тем китайским исследователям, которые приходят к «пугающему» («цзин жэнь ды») выводу о том, что страта частных предпринимателей, составляющая основу частного сектора экономики, есть не что иное, как «новая буржуазия, уже сформировавшаяся в Китае» (ссылка на статью Линь Яньчжи «Компартия должна вести за собой и держать в руках новую буржуазию», опубликованную в журнале «Чжэньли ды чжуйцю», 2000, N 5).

Разумеется, «страта частных предпринимателей» звучит не столь «пугающе», как «новая буржуазия». Более того, такая замена как бы снимает (во всяком случае — теоретически) вопросы об обострении классовых противоречий в обществе, о классовой борьбе, о диктатуре пролетариата и т.д. Страта, пусть даже и не очень привычная, — лишь одна из многих ей подобных, с которыми она вполне уживается, в отличие от эксплуататорского класса, стремящегося к политическому и идеологическому господству в обществе.

В данном случае мы имеем дело не с коренным изменением исследовательской парадигмы, а, скорее, с новым воплощением традиционного для Китая «выправления имен». Такое «выправление» не способно снять реальные проблемы углубления социальных противоречий и конфликтов в обществе. Как бы ни именовать имущую страту или имущий класс, ее (его) реальная роль в экономике, в об-

ществе и во власти все более возрастает, а удельный вес т.н. общественного сектора, существование которого призвано доказывать отсутствие в обществе эксплуатации и соответственно противостояния интересов эксплуататоров и эксплуатируемых, все более сокращается. Стратификационный подход в данном его виде, равно как и иные теоретические, идеологические и пропагандистские ухищрения (например переименование частного сектора в «народный»), не способны завуалировать тенденцию, ставящую под вопрос концепцию многоукладной экономики при ведущей роли общественного (в т.ч. «общенародного») сектора, которая, как утверждается, свойственна начальному этапу социализма.

Слабость идеологически нацеленной аргументации хорошо видна в упомянутой статье. Стремясь обосновать тезис о принципиальной непротиворечивости или, точнее, о лишь частичной противоречивости интересов эксплуататоров и эксплуатируемых в частном секторе ссылкой на то, что и те, и другие в качестве граждан вместе с другими рабочими, крестьянами и интеллигенцией являются совладельцами «общенародной» собственности, автор стремится еще более подкрепить его дополнительным соображением о том, что предприниматели еще и платят в казну налоги, которые становятся общим социалистическим достоянием. Трудно более убедительно продемонстрировать непрочность такого рода позиций.

Таким образом, мы видим, что в наиболее «заземленном» варианте стратификационный подход используется прямо и зримо для того, чтобы доказать, что в современном китайском обществе преобладает не противостояние составляющих его компонентов, допустим, страт, а, напротив, — их гармония и единение в общем порыве модернизировать и строить великий Китай. В этом отношении данный подход вполне сопоставим с идеей существования исключительно дружественных классов и гармонии классовых интересов при социализме.

В китайской социологической литературе последних лет наличествует неоднозначное соотношение классового анализа и стратификационного подхода, но в целом движение соответствует общемировым тенденциям. Хотя чисто классовый подход, базирующийся как бы на материалистическом, экономическом основании, но основные свои выводы нацеливающий на идеологию и политику, отнюдь не перестал существовать в мире, где его по-прежнему активно используют левые идеологи, тем не менее стратификационные методики занимают все большее место в теоретической и особенно практической социологии. Эта тенденция в Китае хорошо прослеживается на примере двух книг, опубликованных в текущем году.

Первая из них — коллективная монография «Исследование изменений структуры страт в процессе модернизации Китая» (Дуань Жопэн и др. Чжунго сяньдайхуа цзиньчэн чжун ды цзецэн цзегоу бяньдун ды яньцзю. — Пекин. Жэньминь чубаньшэ. 2002. 361 С.). Авторы монографии, не отказываясь от классового анализа, рассматривают стратификационный подход как его углубление и развитие, как удобное техническое средство для исследования социальной структуры китайского общества в переходный период, используемое наряду с другими методиками, например с изучением групп по интересам или статусных групп (с. 5-6).

В работе значительное место отведено изложению как марксистской теории социальной стратификации, так и современных западных стратификационных концепций, включая идеи М. Вебера, В. Парето, концепции функционалистов, сторонников теории социальных конфликтов и неомарксистов. В книге прослеживается пореформенная дифференциация рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Любопытной особенностью такого подхода служит то обстоятельство, что в рамках рабочего класса рассматривается слой предпринимателей («циецзя»). Далее выделяются другие страты рабочего класса: «белых воротничков» (управленцев, технического персонала, работников снабжения и сбыта, сервиса), обычных рабочих («путун гунжэнь») — основы рабочего класса и работников с низкими доходами (вблизи черты бедности), каковые в Китае, по некоторым оценкам, сегодня насчитывают более 30 млн. чел., или 8% городского населения. В составе крестьянства выделяются работники сельского хозяйства, крестьяне-рабочие («нунминь гун») работники волостно-поселковых предприятий, сельские управленцы и бедные крестьяне. Интеллигенция подразделяется на следующие страты: управленцев, распространителей знаний («чуаньбо чжиши син»), кадровых работников, или ганьбу (эта страта причисляется к интеллигенции с оговоркой, поскольку, по дан-

ным орготдела ЦК КПК, почти половина ганьбу не имеет высшего, а 6% — даже среднего образования) и студентов. Кроме того, отдельно рассматривается слой частных предпринимателей.

Таким образом, при данном подходе страты выступают преимущественно как внутрикласовые формирования. Что же касается оснований для их вычленения, то в книге они особенно не фиксируются. Тем не менее очевидна попытка совместить классовые критерии с функциональными, статусными и имущественными. Такая сложная комбинаторика в целом ряде случаев ведет к нечеткости. Если даже оставить в стороне включение предпринимателей в рабочий класс или отношение ганьбу к интеллигенции, что, как очевидно, служит выполнением определенного идеологического и политического заказа, то остается еще плохо объяснимым разделение функционального слоя управленцев на страты, принадлежащие разным классам.

Авторы книги считают, что углубление дифференциации и стратификации современного китайского общества несет в себе как позитивный, так и негативный заряды. Среди положительных аспектов этого процесса — прежде всего ускорение перехода от статуса, определяемого социальным происхождением, к статусу, определяемому социальным контрактом. Этот переход, знаменующий движение от традиционного общества к современному, освобождает индивида от сословных оков, мобилизует его деятельный и творческий потенциал, делает главным мерилом статуса личные достижения и тем самым служит необходимым залогом всесторонней модернизации. Развитие социальной дифференциации отражает углубление общественного разделения труда и в свою очередь стимулирует и рационализирует его. С дифференциацией социальных страт связываются также процессы развития демократии и укрепления законности, внедрения рыночных норм в общественное сознание, сближения с глобальными тенденциями общественного развития.

К негативным следствиям социальной дифференциации относятся обострение проблемы социальной справедливости в обществе и нарастание противоречий и столкновений между стратами, создающее угрозу социальной стабильности. В обществе усиливается недовольство принимающей все большие масштабы дифференциацией бедности и богатства, утверждается убежденность в том, что богатство наживается несправедливыми путями. Множатся конфликты между трудом и капиталом. Обостряются противоречия между зажиточными слоями, с одной стороны, и партийной и государственной властью — с другой: правительство не может без конца уступать требованиям предоставлять все больше льгот богатым, а последние, в свою очередь, настаивают на расширении своего участия во власти. Усиливаются и противоречия между властями и социальными слоями, получающими низкие доходы, а также между отдельными группами внутри самих этих слоев. Все это способствует распространению в обществе беспокойства, фрустрации, утраты перспектив.

Авторы другой книги, которая называется «Доклад об исследовании социальной стратификации современного Китая» («Дандай Чжунго шэхай цзецэн яньцзю баогао», Пекин, Шэхай кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2002, 411 С.), вышедшей под общей редакцией Лу Сюэи, идут еще дальше в разведении марксистского классового анализа и стратификационного подхода. «Сегодня, — пишут они, — для анализа проблем социальных страт современного Китая, без сомнения, недостаточно просто по трафарету использовать теорию классового анализа, выдвинутую Марксом применительно к раннему европейскому капитализму XIX века, или теорию классового анализа, выдвинутую Мао Цзэдуном применительно к Китаю 20-х-30-х годов XX века» (С.4). Составители доклада утверждают, что отношение к средствам производства не может быть единственным критерием выделения социальных страт. Необходимо, с их точки зрения, учитывать и два других критерия: организационный (властный) ресурс и культурный (образовательный) ресурс. Авторы вообще отказываются от использования самого понятия «класс» с тем, чтобы уйти от тесно связанных с ним концепций классовых конфликтов.

Для вычленения социальных страт в современном китайском обществе авторы применяют методiku профессиональной стратификации. Эта методика не является уникальной ни для мировой, ни даже для китайской социологии,

но используется она здесь не только весьма последовательно, но и в какой-то мере своеобразно.

Что касается собственно китайского опыта, то он за годы интенсивных реформ обнаружил свою практическую продуктивность, демонстрируя меняющееся отношение общества к различным профессиям, что, в свою очередь, отражает структуру общественных потребностей, динамично изменяющуюся в ходе экономического развития (условно говоря, есть время для «лириков» и время для «физиков»). Еще в начале 90-х годов в Академии общественных наук Китая была создана проблемная группа по исследованию классово-стратификационной («цзеци цзецэн») структуры современного китайского общества. Эта группа, используя данные ГСУ КНР о профессиональном разделении общественного труда в рамках различных отраслей, выделила 28 основных профессий, группируемых по пяти официально признаваемым типам собственности. Далее респондентам предлагалось ранжировать указанные профессии по величине дохода, размеру властных прерогатив и престижу. Исследование показало значительные расхождения в позициях, занимаемых одной и той же профессией на разных шкалах. Так, на шкале доходов высший балл получили частные предприниматели, а на шкалах власти и престижа — партийные и государственные ганьбу. Престиж профессии в большинстве случаев сильно расходился с размерами дохода.

С течением времени эта ситуация стала меняться. Так, исследование, проведенное Цю Липином в Шанхае в начале 1999 г. установило существенную консолидацию показателей на разных шкалах как на верхних, так и на нижних ступенях. Профессии, характеризовавшиеся наиболее высокими доходами, как правило, располагались достаточно высоко в иерархиях власти и престижа (Цю Липин. Индикаторы социальной стратификации — исследование социальной структуры и социальной стратификации Шанхая. «Шэхуйсюэ яньцзю», 2001, N 3).

Западные истоки методологии, используемой в «Докладе об исследовании социальной стратификации современного Китая», не раскрываются. В связи с этим возникает потребность хотя бы вкратце их обозначить. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что само обращение к идее стратификации означает признание иерархического строения общества. Известно, что понятие страты, или слоя пришло в социологию из геологии, изучающей, в частности, вертикальное расположение пластов. Этот взгляд принципиально отличается от представлений о располагающихся горизонтально и тем самым как бы обретающих равенство социальных образований (рабочий класс и его союзники). Идеальное состояние социальной гармонии заменяется вертикальной иерархией социальных страт, положение которых определяется некоторыми существенными материальными и нематериальными преимуществами или, напротив, недостатками по сравнению с другими. Такая иерархия фиксирует принципиальное неравенство страт. Разумеется, масштабы такого неравенства могут регулироваться, но в принципе оно является неотъемлемой характеристикой общества и исчезнуть может только с исчезновением самого общества.

Метод профессиональной стратификации в том виде, как он используется на Западе, реализует функциональный подход, связывающий социальные страты с общественным разделением труда. По сути дела такой подход не противоречит марксистским представлениям о том, что различный по своей сложности труд требует неодинакового по размерам вознаграждения. Однако в рассматриваемом нами варианте профессиональная стратификация увязывается также и с распределением власти и авторитета, что уже восходит к воззрениям М. Вебера, одного из главных оппонентов (хотя и совсем не антагониста) Маркса и предтечи всей современной социологии. О том, что авторы в своих представлениях о власти исходят именно из идей М. Вебера, имеется прямое указание в книге. Однако для М. Вебера властная иерархия существует отдельно от иерархии экономической и социо-культурной, а авторы китайского «доклада» стремятся их совместить. В этом смысле предлагаемый китайскими социологами подход ближе теории, развивавшейся П. Сорокиным, который считал, что экономическая (имущественная), политическая (объемно-правовая) и профессиональная стратификация на деле переплетаются между собой, формируя таким образом классы. По П. Сорокину, индивиды, принадлежащие

к высшему слою, обычно обладают и властью, и тем, что китайские социологи называют «экономическим ресурсом».

Дальнейшее развитие метод профессиональной стратификации получил в работах американских и английских социологов, предлагавших различные варианты классового членения общества на основе разрабатывавшихся ими схем профессиональной классификации. Общей чертой всех схем, начиная с Элба Эдвардса (1933) и кончая, например, Международной стандартной классификацией профессий» (International Standard Classification of Occupations — ISCO, 1968), варьируемой по странам, является расположение на верхних ступенях, во-первых, работников интеллектуальных профессий, которых в западной социологии принято называть «professional, technical and related workers», и, во-вторых, управленцев и менеджеров. В разных схемах они только меняются местами. На нижних же ступенях находятся работники физического труда, ранжируемые в зависимости от уровня их квалификации. Здесь мы находим прототип той схемы, которую используют авторы «доклада», правда, с некоторыми весьма существенными модификациями, о которых речь ниже.

Главное методологическое отличие китайской схемы профессиональной стратификации от всех прочих состоит в том, что для западных социологов страта — это классификационная, таксономическая категория, которая означает, что группирующиеся в ней индивиды обладают сходными ценностными ориентациями, сходными интересами, чаще общаются в рамках этой страты, дружат, вступают в браки и т.п. Однако страта или класс как таксономическая единица, в отличие от класса в марксистском понимании, не может быть субъектом социального действия. Китайские же социологи, принимая внешне западный подход, наделяют страты способностью к активному социальному и политическому поведению, далеко выходящему за пределы профессиональных интересов и профессиональной активности, прежде всего в отношении важнейших для Китая процессов модернизации и реформ. В этой связи они по существу раздвигают рамки профессиональной стратификации, наделяя некоторые профессиональные страты свойствами политических, экономических и культурных элит как агентов модернизации и реформ.

Важнейший теоретический и практический вопрос, возникающий в связи с любой предлагаемой схемой профессиональной стратификации, состоит в том, насколько эта схема действительно общественно признана, т.е. насколько общество считает справедливой именно данную иерархию и соответственно оправданным более высокое материальное и моральное вознаграждение более высоких страт по сравнению с более низкими. Без совпадения иерархии профессий (видов занятости) с их статусом в общественном сознании теряется главный социальный смысл стратификации — поощрение направленной вверх вертикальной мобильности, т.е. стимулирование усилий индивида по совершенствованию своих знаний, умений, мастерства, усердия с тем, чтобы занять более высокую ступень в иерархии. Если индивиды ниже лежащих страт не признают справедливость почестей и благ, получаемых людьми в более высоких стратах, то вместо гармонизации отношений между стратами возникает социальная напряженность. И именно это отчетливо показано в докладе. Авторы отмечают выявленное опросами и широко распространенное в разных стратах недовольство большим разрывом в размерах дохода, растущей концентрацией богатства в руках «новой буржуазии».

Принципиальное отличие рассматриваемой нами китайской схемы профессиональной стратификации от любых других (в том числе и от упоминаемой в докладе японской) — наличие на верхней ступени страты «государственных и общественных руководителей». Категория эта имеет, как очевидно, весьма отдаленное отношение к понятию профессии, ее нельзя обрести, например путем обретения профессиональных знаний, но она вполне соответствует понятию номенклатуры, присущей всем странам с однопартийной политической системой. Разумеется, профессиональные политики есть и на Западе, но функция несменяемого государственного руководителя, получающего свой пост прежде всего благодаря своим связям или по наследству, обретается исключительно в странах, где власть монополизирована. Именно поэтому авторы «доклада» правомерно ставят вопрос о постепенном превращении «профессиональных руководителей» в профессиональных чиновников высшего ранга и переводе скрытых привилегий в открытые доходы,

ссылаясь при этом на опыт Кореи и Сингапура. Такой переход особенно необходим в связи с сокращением участия государства (и соответственно — его высшего руководства) в экономической деятельности.

Становлению общественно признанной социальной стратификации в Китае мешают переходное состояние китайского общества и китайской экономики, фрагментарность рынка, в т. ч. рынка рабочей силы, пережитки порядков, унаследованных от плановой экономики, наличие монопольных отраслей, различных систем прописки для городских и сельских жителей и т.п. Все это ведет к неравенству стартовых возможностей для личного профессионального успеха и личного социального продвижения, что является необходимым залогом мотиваций и справедливого распределения ресурсов.

В отличие от Запада, где социальная иерархия формируется рынком, а социологами лишь фиксируется (ссылки авторов «доклада» на то, что она трансформировалась государством целенаправленно во исполнение, например, плана британского правительства по построению общества благосостояния и «Нового курса» Рузвельта, не совсем точны), китайские исследователи предлагают использовать «видимую руку» государства в интересах модернизации стратификационной структуры китайского общества. Рекомендуются, в частности, оказать поддержку, в т. ч. политическую нижним стратам и стратам, продвигающим модернизацию. Принимая во внимания переходный характер современного китайского общества, такие рекомендации следует признать достаточно обоснованными.

Разрабатывая принципиально новые подходы к анализу социальной структуры, китайские социологи вместе с тем не могут не считаться с некоторыми устоявшимися дефинициями особенно с теми, что вошли в Конституцию КНР, в важнейшие партийные документы, и как-то интерпретировать их с новых позиций. Так обстоит дело с положением о том, что рабочий класс (современный, промышленный) составляет классовую и массовую основу правящей коммунистической партии. В этой связи говорится, в частности, что положение хозяина не дается само по себе и его надо завоевывать. Сельское хозяйство по-прежнему объявляется основой народного хозяйства, но при этом понятие крестьянства исчезает, вместо него появляется страта тружеников сельского хозяйства, которая прогрессивно дифференцируется. Положение о союзе рабочего класса и крестьянства расширяется до сотрудничества и «союза» (именно так, в кавычках) всех страт общества, которые и в этом случае выступают как субъекты социального действия.

Совершенствование методологии анализа социальной структуры современного китайского общества способствует более точному осознанию динамики социальных процессов и принятию адекватных мер по их необходимой корректировке. Работа эта пока еще далека от завершения. Тем не менее уже достигнутые результаты показывают, что она движется в правильном направлении и в обозримом будущем даст в руки теоретиков и практиков надежный инструмент для познания и выработки политических решений.

Борох О.Н., к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН рассказала о том, как *проблема социальной структуры китайского общества изучается в КНР*, особенно в последнее десятилетие.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов в КНР было опубликовано значительное число исследований, посвященных анализу социальной структуры китайского общества. Наиболее существенные работы увидели свет в течение последнего года (конец 2001- начало 2002 годов). Именно в этот период был издан концептуальный «Доклад об исследовании социальной стратификации современного Китая» под редакцией бывшего директора Института социологии АОН Китая Лу Сюэи. В 2002 г. Институт социологии АОН Китая подготовил десятую по счету «Синюю книгу по обществу», посвященную анализу и прогнозу социальной обстановки в стране. (2002 январь: Чжунго шэхуэй синши фэнси юй юйцэ [2002 год: анализ и прогноз социальной обстановки в Китае] Шэхуэй ланьпишу [Синяя книга по обществу. 2002 год: анализ и прогноз социальной обстановки]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2002). В это издание была впервые включена специальная рубрика, посвященная изменениям структуры социальных слоев, куда вошли со-

кращенный вариант вышеупомянутого «Доклада» и аналитическая работа социолога Ли Цяна (Университет Цинхуа) (Ли Цян. Чжунго шэхуэй фэнцэн цзегуо дэ синь бьяньхуа [Новые изменения в структуре социальных слоев китайского общества] // 2002 нянь: Чжунго шэхуэй синши фэньси юй юйцэ. С.133-143).

Перемены в структуре китайского общества являются важной темой исследований, начиная с первого десятилетия реформ, то есть с 1980-х годов. В 1987 г. проблема современных классов и слоев официально была названа одной из приоритетных исследовательских тем для изучения философией и общественными науками в период седьмой пятилетки. Однако поворотным моментом в этой работе китайские ученые называют 1998 г., когда член Политбюро ЦК КПК, президент АОН Китая Ли Теин дал указание Институту социологии АОН Китая провести исследование социальной структуры. В начале 1999 г. в Институте была создана специализированная исследовательская группа, развернувшая масштабные социологические обследования в различных частях страны (в 73 городах и населенных пунктах было опрошено около 6 тыс. человек). Хотя завершение работы первоначально планировалось на 2003 г., после того, как 1 июля 2001 г. Цзян Цзэминь произнес важную программную речь, в которой проявил особое внимание к проблемам изменений социальной структуры, исследовательскую группу попросили предоставить результаты исследований как можно быстрее. Не дожидаясь результатов обработки всех опросных листов, было решено написать и издать первый доклад на основании социологических обследований репрезентативных районов. Предполагается, что в ближайшие год-полтора на основании обобщения собранных по всему Китаю материалов будут подготовлены другие доклады и издана серия книг об изменениях социальной структуры (Лю Сюэи. Указ. соч. С.3). Предложенное учеными разделение китайского общества на десять основных социальных слоев, пожалуй, впервые для академического сообщества КНР, отразило в систематизированном виде результаты социальных перемен, произошедших более чем за два десятилетия реформ. Хотя доклад группы под руководством Лю Сюэи увидел свет раньше, чем предполагали его создатели, за небольшой промежуток времени (книга была отпечатана в январе 2002 г.) он получил широкую известность как в самом Китае, так и за рубежом. В настоящее время эта примечательная работа изучается и обсуждается по большей части за пределами Китая — в мае 2002 г. упоминания о докладе исчезли из китайской печати. По неофициальной информации, китайские власти приняли решение более не пропагандировать этот доклад (косвенным образом об этом свидетельствует исчезновение анонса книги с веб-сайта Института социологии АОН Китая).

Повышенное внимание к проблеме со стороны китайского руководства вряд ли сводится исключительно к научно-познавательной ценности работы социологов из АОН Китая. С большой долей определенности можно предположить, что ускорение работы связано с приближением запланированного на осень 2002 г. XVI съезда КПК, призванного утвердить выдвинутую Цзян Цзэмином концепцию «тройного представительства» партии, изложенную в выступлении по поводу 80-летия КПК 1 июля 2001 г. Необходимость дать развернутое теоретическое обоснование роли компартии как выразителя интересов всех слоев общества, в том числе и тех, что возникли в годы реформ, настоятельно требует проведения своего рода «инвентаризации» китайского общества с целью выявления современного соотношения между «старыми» классами и «новыми» слоями. Напомним, что в докладе 1 июля 2001 г. Цзян Цзэминь обратил внимание на изменения в социальной структуре китайского общества, в котором появились «новые социальные слои» (синь дэ шэхуэй цзегуо). Среди этих слоев были названы «предприниматели и технический персонал научно-технических предприятий негосударственной собственности, управленческий и технический персонал компаний с иностранным капиталом, индивидуальные предприниматели, хозяева частных предприятий, сотрудники посреднических структур, лица свободных профессий и другие общественные слои» (Цзян Цзэминь. Цзай цинчжу Чжунго гунчаньдан чэнли баши чжоуньян дахуэй шаньдэ цзянхуа [Выступление на торжественном собрании по случаю 80-й годовщины со дня создания КПК]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2001. С.31). Подчеркивая стремление партии сохранить имеющуюся «классовую опору» с одновременным расширением «опоры в массах», Цзян Цзэминь признал позитивный вклад новых

социальных слоев в дело развития производительных сил страны и призвал их к сплочению со «старыми» классами и слоями — рабочими, крестьянами, интеллигенцией, кадровыми работниками, командирами и бойцами НОАК. Примечательно, что в ходе программного выступления в Центральной партшколе 31 мая 2002 г. Цзян Цзэминь призвал «гарантировать, чтобы КПК неизменно оставалась авангардом китайского рабочего класса, одновременно являясь авангардом китайского народа и китайской нации».

Китайские ученые считают символичным, что первая программная политическая работа Мао Цзэдуна, написанная весной 1926 г., была посвящена именно анализу классов китайского общества. Мао Цзэдун пытался разделить общество на врагов и друзей пролетариата, чтобы дать рекомендации, на кого надо опираться, с кем спланиваться и кого свергать. Однако на современном этапе, и это особо подчеркивается в докладе под редакцией Лу Сюэи, цели исследования социальной структуры отличаются от целей, ставившихся в период революции, — задача состоит не в том, чтобы определить, кто является врагом, а кто союзником в деле революции, а в осуществлении общей цели социалистической модернизации.

Активизация исследований социальной структуры не сводится к одному лишь срочному «политическому заказу», поступившему к ученым от партийного руководства. Значительный интерес китайских авторов к вопросам социальной стратификации в КНР вызван прежде всего глубокими изменениями, произошедшими в социальной структуре за годы реформ. Хотя новая социальная структура еще не сложилась до конца, ее контуры уже определились, и произошедшие перемены представляются необратимыми. Они привлекают повышенное внимание в обществе, при этом несправедливое распределение доходов и концентрация богатства в руках возникших за годы реформ верхних социальных слоев вызывает у людей острую негативную реакцию. Оценка новой социальной структуры все чаще дается с помощью ценностных понятий («справедливость» — «несправедливость»), заслоняющих собой поставленные в начале реформы на первое место лозунги эффективности. Показательно, что критические оценки сдвигов в структуре китайского общества были даны в конце 1990-х годов публицистами и литераторами. В качестве примера таких выступлений можно указать на книгу Лян Сяошэна «Анализ различных слоев китайского общества» (Лян Сяошэн. Чжунго шэжухэй гэ цзецэн фэньси [Анализ различных слоев китайского общества]. Пекин: Цзинцзи жибао чубаньшэ, 1997) и статью Хэ Цинлянь «Комплексный анализ изменений социальной структуры современного Китая» (Хэ Цинлянь. Данцянь Чжунго шэжухэй цзегоу яньбянь дэ цзунтисин фэньси [Комплексный анализ изменений социальной структуры современного Китая] // Чжэньминь. 2000. № 8. С.34-42). Эти авторы отразили в своих работах именно те проблемы, которые острее всего волновали людей.

Весьма показательным является стремление китайских социологов уйти от использования применительно к проблемам современного Китая традиционного термина «цзецзи» — «класс». Составители «Доклада об исследовании социальной стратификации современного Китая» подчеркивают, что было бы неправильным отождествлять использование термина «цзецзи» со следованием марксистской теории, а использование термина «цзецэн» — «слой» с немарксистскими теориями. Они указывают, что в англоязычных работах очевидного различия между «цзецзи» и «цзецэн» не существует, поскольку в обоих случаях может быть использовано слово class. Однако в реальности в Китае использование терминов «цзецзи» и «цзецэн» как на научном, так и на бытовом уровнях, отличается от использования в английском языке терминов class и stratum. Если в английском class включает в себя «цзецзи» и «цзецэн», и этот термин может применяться для обозначения «среднего класса» (middleclass), то в современном китайском языке «цзецзи», как правило, указывает на понятия традиционного марксизма, что вызывает ассоциации с учением о борьбе классов. Из-за негативного отношения некоторых ученых к этому термину наиболее употребительным стал нейтральный термин «цзецэн», не подразумевающий социального конфликта и, к тому же, имеющий более узкое значение социальной страты (Лу Сюэи. Указ. соч. С. 6).

Именно принцип выделения социальных слоев, а не классов общества был положен в основу «Доклада». Разделение общества на 10 слоев было произведено с помощью критерия профессиональной принадлежности (чжие фэньлэй), опреде-

ляющей доступ людей к трем основным видам ресурсов: организационным, экономическим и культурным. «Организационные ресурсы охватывают административные и политические ресурсы, они означают прежде всего основанные на государственной политической системе и партийной системе способности распоряжения социальными (включая людские и материальные) ресурсами; экономические ресурсы означают владение, использование и управление средствами производства; культурные (технические) ресурсы указывают на признанное обществом (в форме диплома или квалификационного свидетельства) обладание знаниями или мастерством» (Там же. С.8). Китайское общество было разделено в докладе на пять социально-экономических уровней (*дэнцзи*) — верхний, верхний средний, средний, низший средний и низший. Эти пять уровней заполнены представителями десяти социальных слоев. Наверху находятся управляющие государством и обществом (обладают организационными ресурсами), хозяйственные руководители (обладают культурными или организационными ресурсами), частные предприниматели (обладают экономическими ресурсами) и профессиональные научно-технические работники (обладают культурными ресурсами). Посередине расположены чиновники-исполнители (обладают небольшими культурными или организационными ресурсами) и индивидуальные предприниматели (обладают небольшими экономическими ресурсами). Ниже стоят работники торговли и сферы услуг, производственные рабочие и работники сельского хозяйства, которые обладают тремя ресурсами в крайне малой степени. В самом низу находятся лица с непостоянной работой и безработные, которые в целом лишены всех трех ресурсов (Там же. С. 9). На основании проведенных социологических обследований ученые заключили, что в большинстве районов Китая пропорция между пятью уровнями общества смещена в сторону нижних уровней (численно преобладает низший средний уровень). Лишь в Шэньчжэне графическое изображение социальной структуры приближается к оптимальной форме «оливки», то есть фигуры, в которой присутствует большой средний слой (Там же. С.24). Проживающий ныне в США бывший директор Института марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна АОН Китая Су Шаочжи откликнулся на это исследование замечанием о том, что насущно необходимому переходу структуры китайского общества от «пирамиды» к «оливке» препятствуют существующая политическая система и социальная политика, поэтому в Китае необходимо провести политическую реформу (Су Шаочжи. Шэжуэй цзегоу бу хэли цзян иньфа шэжуэй дундан — «Дандай Чжунго шэжуэй цзецэн яньцзю баогао» шупин [Нерациональность социальной структуры вызовет в будущем социальные потрясения — Рецензия на «Доклад о социальной стратификации современного Китая»] // Чжэнмин. 2002. № 5. С.53). Предложенная классификация основных слоев китайского общества не является окончательной и требует более четкого деления на внутренние подгруппы некоторых из обозначенных слоев (это относится к управляющим государством и обществом, владельцам частных предприятий, крестьянам). На необходимость дальнейших уточнений обратили внимание и сами авторы доклада, объяснившие упрощенность предложенной ими схемы незавершенностью объективных процессов стратификации внутри этих слоев.

Составители «Доклада» поставили ряд важных вопросов, на которые необходимо найти ответы. Прежде всего, нужно не только выяснить, какой слой является ведущим в социальной структуре, но и определить рамки для его действий. К примеру, среди небольшого числа управляющих государством и обществом распространено опасное явление маркетизации власти, среди частных предпринимателей существует грубое отношение к наемным работникам. Во-вторых, был поставлен вопрос о позитивной роли среднего класса в стабилизации и развитии общества. В-третьих, полученные результаты заставили задуматься о сути традиционного тезиса о руководящей роли рабочего класса. Составители доклада отметили, что по мере трансформации социально-экономической системы власть, доходы и положение рабочих снизились. Вслед за этим изменилась и общественная позиция рабочих — среди них возникло чувство утраты статуса и социальной несправедливости, увеличилось чувство отчуждения, возросло недовольство обществом, правительством, чиновниками, усилились надежды на изменение существующей системы. Конфликт обостряется из-за того, что рабочие (в особенности занятые на

госпредприятиях) живут прежними представлениями о социальной иерархии, полагая, что их ресурсы играют наиболее высокую роль в создании общественного богатства. Авторы доклада отмечают, что слой рабочих приспосабливается к реальности, однако его видимое «безмолвие» еще не означает подлинного спокойствия в обществе (Лу Сюэи. Указ соч. С. 158). Властям рекомендуется активно заботиться о положении рабочих, воспринимать информацию от них, помогать им изменить сложившееся неблагоприятное положение.

Необходимо признать, что предложенное группой Лу Сюэи разделение китайского общества на различные слои в соответствии с профессиональной принадлежностью и обладанием ресурсами (в том числе и нематериальными) значительно отличается от прежнего идеологизированного деления на классы в соответствии с отношением к средствам производства. На место «пролетарского авангарда» встали государственные чиновники верхнего эшелона и крупные предприниматели, являющиеся социальной элитой де-факто и претендующие на закрепление за собой этого статуса в будущем. Некоторые китайские авторы восприняли эту работу как предупреждение о том, что «если не будут в корне подавлены современные коррупция и чрезмерный разрыв в доходах, порожденные диктуемой могущественными группировками траекторией реформ, то может возникнуть кризис политической легитимности» (Вань Хэ. Ли Цзитуань, гайгэ луцзин юй хэфасин зэньти [Группы интересов, траектория реформ и проблема легитимности] // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2002. №2. С.6).

В исследованиях социолога из Университета Цинхуа Ли Цяна был выдвинут тезис о связи перемен в социальной структуре китайского общества с изменениями структуры социальных слоев, обладающих различными ресурсами. По мнению ученого, главной переменной эпохи реформ стал переход от определения общественного положения человека в соответствии с критериями социальной принадлежности (*шэцзуэй шэньфэнь чжубяо*) к иным стандартам, связанным с имущественным положением. В то же время, и это было четко обрисовано в докладе под редакцией Лу Сюэи, в китайских условиях достаточно высокого влияния партийно-государственной власти на распределение ресурсов, обладание высоким политическим статусом-*шэньфэнь* дает его владельцу возможность подняться на более высокую ступень или получить в свои руки большие материальные ресурсы.

Ли Цян подчеркивает, что превращение Китая за двадцать с небольшим лет из государства с экономической уравниловкой в страну, где уже превзойден средний уровень неравенства, вызывает в обществе все большую озабоченность неравномерностью распределения богатства. Это недовольство может стать скрытым корнем социальной нестабильности, что требует с особым вниманием отнестись к вопросу о пределах способности общества терпеть это неравенство в доходах. Хотя разрыв в доходах в Китае и не такой уж большой (коэффициент Джини составляет 0,46-0,47, тогда как в Африке и Латинской Америке он превышает 0,5), однако надо учитывать, что в разных странах способность людей перенести неравенство в доходах может быть различной. В КНР народ привык к системе уравнительного распределения, к тому же в более отдаленном историческом прошлом преобладало мнение, что неравенство хуже бедности. В целях поддержания социальной стабильности считается необходимым обеспечить максимальному числу людей движение вверх за счет доступа к дележу более крупного «пирога» и повышения профессионального статуса.

По мнению Ли Цяна, в соответствии с тем, кто оказался в выигрыше от реформы, а кто проиграл, можно выделить четыре социальные группы интересов (*шэцзуэй лии цюньти*). К «группе обладателей особых интересов» относятся те, кто в наибольшей степени выиграл от реформ: предприниматели, хозяева предприятий, главы компаний, менеджеры высшего звена, звезды кино и эстрады, управленческий слой предприятий с участием иностранного капитала. К «группе получивших обычные выгоды» принадлежат интеллигенция, кадровые работники, менеджеры и чиновники среднего уровня, рабочие, крестьяне, образующие важную основу китайских реформ. В число «относительно проигравших» входят безработные городов и поселков, «оставившие трудовой пост» (*ся ган*). По сравнению с крестьянами отсталых районов, их положение не так уж плохо, однако они пережи-

вают из-за «чувства относительных лишений» (*сяндуй бодо гань*) и «чувства относительных потерь» (*сяндуй санши гань*). «Относительно проигравшие» больше других недовольны тем, что менеджеры некоторых государственных предприятий растрачивают богатство предприятий, занимаются казнокрадством и коррупцией. Так называемый «низший слой» включает бедное население отсталых районов Китая, есть бедные и в развитых китайских городах. Эта четвертая группа отличается тем, что ее положение ухудшилось в абсолютном отношении.

Рассматривая проблему китайских социальных элит, Ли Цян выделяет три главных проблемы — распределение элит, циркуляцию элит и их смену. Ученый подчеркивает, что ни одна из трех элит — политическая, экономическая и техническая — не должна быть чрезмерно мощной в соотношении с другими элитами. Если до реформы в Китае самой сильной была политическая элита, то с началом преобразований акцент был сделан на подготовке предпринимателей, то есть экономической элиты. Из-за неразделенности экономических и хозяйственных функций китайская экономическая элита долгое время скрывалась в рядах политической, иными словами, политическая элита заменяла экономическую. Однако с 1990-х годов экономическая элита стала отделяться от политической, при этом реформа правительственных органов привела к тому, что часть политической элиты была вынуждена пополнить ряды экономической. Что касается проблемы преемственности, связанной с циркуляцией элит, в современном обществе положение элиты трудно монополизировать и правящая группа использует для возвышения равные методы — экзамены, дипломы, открытый набор, выборы. Конечно, дети прежних элит имеют определенные преимущества, но такое положение свойственно не только для Китая, но и для всех стран мира. Рассматривая вопрос о смене элит путем перелива между политической, экономической и технической элитой, Ли Цян отмечает, что за годы реформы это явление стало более повсеместным, чем прежде. Известное выражение о «погружении в стихию» (*ся тай*) как раз служит указанием на переход технической и политической элиты в ряды экономической, несмотря на существующие до сих пор в умах людей психологические препятствия (Ли Цян. Указ. Соч. С. 140-141).

Обращаясь к проблеме среднего класса, служащего гарантией стабильности общества, Ли Цян с надеждой указывает на то, что в крупных китайских городах уже складывается новый средний слой. Он призывает рассматривать вопрос с точки зрения социальной структуры и анализировать, какая группа имеет наибольшую способность потреблять. В прежние годы несколько десятилетий такой группой были рабочие и служащие. Однако после 1994-1995 гг. государственные предприятия столкнулись с серьезными трудностями, после чего у прежнего главного слоя потребителей начались проблемы. По мнению ученого, в Китае постепенно складывается новая группа потребителей, которую Ли Цян называет «новым средним слоем», его отличает довольно высокий уровень образования, туда входят достаточно молодые люди, умеющие работать на компьютере и знающие иностранные языки. Однако этот слой появляется только в крупных городах, кроме того, как показывают цифры, и в крупных городах внутри этого нового среднего класса идет расслоение.

Хотя в современном Китае анализ социальных слоев стал более популярным, чем анализ классов, внутри страны по-прежнему продолжает действовать инерция классового подхода к анализу социальных проблем, что отразилось в появлении в середине 1990-х годов программных заявлений наподобие «Вань янь шу» («Манифест десяти тысяч слов»). Их авторы предупреждали об угрозе роста нового класса капиталистов, который по мере своего усиления начнет выдвигать политические требования, направленные на окончательное искоренение социалистической направленности китайских реформ. Они предостерегали, что формирование класса буржуазии таит скрытую опасность для диктатуры пролетариата в Китае (См.: Ма Личэн, Лин Чжицзюнь. Цзяофэн [Схватка]. Пекин: Цзиньжи Чжунго чубаньшэ, 1997. С.247). Сторонники данного подхода исходят из того, что в Китае уже возродился класс капиталистов. К примеру, в книге Лян Сяошэна «Анализ различных слоев китайского общества» общество делится на слой современных капиталистов, современных «компрадоров» (это прямое заимствование из классификации, данной Мао Цзэдуном в 1926 г.), современной средней буржуазии, современной интеллигенции, обычного городского населения и бедных, крестьян, а

также «современную китайскую мафию» (*хэй шэцзуй*). Хотя книга Лян Сяошэна не является академическим исследованием, эта позиция имеет внутри страны определенное влияние.

Среди публикаций, посвященных социальным сдвигам в современном Китае, особое место занимает статья Хэ Цинлянь, вызвавшая резонанс как внутри Китая, так и за рубежом. Ее главная особенность состоит в эмоциональной критической оценке изменений, произошедших в социальной структуре Китая за годы реформ. В центре внимания Хэ Цинлянь находятся новые элиты Китая — политическая, экономическая и интеллектуальная. В статье утверждается, что в начальный период рыночной трансформации распределение государственных ресурсов и владение ими не было справедливым, и это неравенство при старте стало основной предпосылкой формирования новых социальных слоев в ходе реформ. В процессе перехода к рыночному механизму большая часть кадровых работников оказалась в выигрыше благодаря имевшейся у них возможности распоряжаться общественными ресурсами. Иными словами, политическая должность стала важным средством накопления частного богатства, тогда как основой для формирования новой экономической элиты в большинстве случаев были связи с чиновниками. Многие использовали для «погоны за рентой» свои родственные отношения, следуя формуле «одна семья — две системы» (родители являются чиновниками, дети занимаются частным бизнесом). Бизнесмены, «выросшие из народа», также устанавливали связи с властным слоем через личные неформальные отношения. Лишь немногочисленные представители новой экономической элиты добились успеха, используя возможности рынка. По подсчетам Хэ Цинлянь, в экономическую элиту страны входит примерно 7 млн. человек, или 1% всего занятого населения. В целом же структура китайского общества напоминает пирамиду: наверху стоит 1% населения; численность среднего слоя и той группы, что стоит несколько ниже его, составляет около 15,4%; более низкие слои составляют 69%; прослойка маргиналов составляет более 14% (Хэ Цинлянь. Указ. соч. С.40). Хэ Цинлянь подчеркивает, что хотя китайская реформа еще не завершилась, однако дифференциация в обществе уже произошла. Сложившаяся за годы преобразований социальная структура является источником нестабильности, так как большая часть членов китайского общества не может признать богатства немногочисленной общественной элиты, полученного путем «маркетинга власти». Главный вывод Хэ Цинлянь состоит в том, что у современной структуры китайского общества нет внутреннего стабилизатора, такое положение создает угрозу для устойчивого Китая в 21 веке.

Островский А.В., д.э.н., руководитель Центра научной информации и документации ИДВ РАН в своем выступлении дал анализ изменений в социальной структуре китайского общества за период реформ.

До конца 70-х годов социальная структура китайского общества в течение длительного времени оставалась обществом «крестьянского» типа, в котором преобладало крестьянство, составлявшее примерно 2/3 населения страны. В подавляющем большинстве работ социальная структура общества рассматривалась на основе марксистско-ленинской классовой теории — «два класса» (рабочие и крестьяне) и «одна социальная прослойка» (интеллигенция). Вместе с тем еще в советском Китае делались попытки выделить особый социальный слой управленцев, или кадровых работников (*ганьбу*), а также отдельно рассматривалась социальная прослойка служащих, состоявшая из кадровых работников, специалистов с высшим и средним специальным образованием и лиц, занятых нефизическим трудом (канцелярские работницы и работники торговли и сферы обслуживания).

С начала экономической реформы в 80-е годы в КНР стала складываться весьма пестрая и своеобразная картина сосуществования различных хозяйственных укладов. В социальной структуре китайского общества происходили изменения, связанные не только с развитием государственного и коллективного сектора, но и с формированием новых форм собственности — частной, индивидуальной, с участием иностранного капитала, чисто иностранного капитала и других, в основе которых лежит частная форма собственности. В 50-70-е годы происходил рост удельного веса рабочих и служащих за счет сокращения крестьянства. Однако и в

конце 70-х годов в Китае сохранялось преимущественно крестьянское общество при заметном сокращении доли индивидуальных предпринимателей.

В 80-90-е годы по мере развития экономической реформы доля крестьянства продолжала стремительно сокращаться. Однако при этом произошло некоторое уменьшение доли рабочих и служащих на предприятиях государственного и коллективного сектора. Вытесненные из сферы сельского хозяйства крестьяне в большинстве своем переместились на волостно-поселковые предприятия вне сельскохозяйственной сферы, занялись индивидуальным предпринимательством либо стали наемными работниками на предприятиях частного сектора в промышленности, торговле и сфере услуг в городе и в деревне (см. табл. 1).

Как мы видим, тенденции к развитию многообразных форм хозяйствования во многом способствовали росту "промежуточных" и "переходных" социальных групп, наличие которых определяет специфику социальной структуры китайского общества. Прежде всего по мере развития семейного подряда и вытеснения большей части крестьян в несельскохозяйственную сферу деятельности на волостно-поселковые предприятия, на частные и индивидуальные предприятия и в города и поселки, происходит рост "промежуточных" социальных групп и слоев в сельской местности. В 80-90-е годы именно в китайской деревне, в среде крестьянства, происходили серьезные структурные социальные изменения, которые и определяют в настоящее время основные социальные сдвиги в классовой структуре китайского общества в условиях переходной экономики в целом.

Таблица

Изменения в социальной структуре китайского общества в 1952-1999 гг. (%)

Социальные группы	1952	1978	1988	1999
I. Ганьбу	0,64	1,21	2,24	3,6
1. Руководство государственных и общественных организаций	0,5	0,98	1,7	1,5
2. Управленческий персонал	0,14	0,23	0,54	2,1
II. Предприниматели	4,26	0,03	3,14	4,8
1. Частные предприниматели	0,18	0,00	0,02	0,6
2. Индивидуальные предприниматели и кустари-единоличники	4,08	0,03	3,12	4,2
III. Служащие	4,49	6,92	12,76	21,9
1. Специалисты и техники с высшим и средним специальным образованием	0,86	3,48	4,76	5,1
2. Канцелярские работники	0,50	1,29	1,65	4,8
3. Работники сферы торговли и услуг	3,13	2,15	6,35	12,0
из них: из крестьян (<i>нунминьгун</i>)	-	0,80	1,80	3,7
IV. Производственные рабочие	6,4	19,83	22,43	22,6
из них: из крестьян (<i>нунминьгун</i>)	-	1,10	5,40	7,8
V. Крестьяне	84,21	67,41	55,84	44,0
VI. Безработные и неполностью занятые	-	4,6	3,6	3,1

Источник: Дандай Чжунго шэцхуэй цзецэн яньцзю баогао (Доклад об исследовании социальной стратификации современного Китая) // Ред. Лу Сюэи. Шэцхуэй кэсюэ вэньсюань чубаньшэ, Пекин. 2002. С. 44.

В настоящее время китайские социологи рассматривают социальную структуру китайского общества в виде 10 социальных слоев по месту в системе общественного производства (руководители государственных и общественных организаций, управленческий персонал, частные предприниматели, индивидуальные предприниматели в промышленности и торговле, специалисты и техники, канцелярские работники, работники сферы торговли и услуг, производственные рабочие, крестьяне, безработные и не полностью занятые) и 5 социально-экономических групп в соответствии с западной теорией социальных слоев (страт) по уровню получаемых доходов (высший слой, высший средний слой, средний средний слой, низший средний слой, низший слой). В соответствии с таким теоретическим по-

строением большая часть китайских частных предпринимателей и кадровых работников попадает в высший слой и высший средний слой; специалисты и техники — в высший, высший средний и средний средний; канцелярские работники — в средний средний; индивидуальные предприниматели — в средний средний и низший средний; работники сферы торговли и услуг, производственные рабочие и крестьяне — в средний средний, низший средний и низший; безработные и неполностью занятые — в низший.

Таким образом, большая часть населения относится к среднему среднему классу, а также к среднему низшему классу. Однако данные по социальной структуре китайского общества по отдельным городам и уездам и по доходам населения в этих городах и уездах не подтверждают эту концепцию. В работе китайских ученых были использованы данные по социально-классовой структуре китайского общества и доходам населения в административных единицах различного уровня подчинения в западном, центральном и приморском районах Китая, таких, как СЭЗ Шэньчжэнь (пров. Гуандун), провинциальный центр Хэфэй (пров. Аньхуэй), уездный центр Ханьчуань (пров. Хубэй) и уезд Чжэньнин (пров. Гуйчжоу), то есть от самого богатого города до самого бедного уезда Китая.

Прежде всего во всех четырех случаях обращает на себя внимание заметная доля безработных и неполностью занятых: Шэньчжэнь — 10,5% населения, Хэфэй — 10,9, Ханьчуань — 8,5 и Чжэньнин — 7,9%, что во всех случаях намного выше, чем в среднем по стране — 3,1%. Во всех случаях высока также доля частных и индивидуальных предпринимателей: Шэньчжэнь — 11,7, Хэфэй — 12,6, Ханьчуань — 14,0 и Чжэньнин — 18,6% при показателе 4,8% в среднем по стране. Во всех случаях низка также доля производственных рабочих, что вполне естественно для уезда Чжэньнин и уездного центра Ханьчуань как сельских районов, но остаются неясными причины такого положения для городов Шэньчжэнь и Хэфэй. В то же время высока доля кадровых работников и служащих всех видов (В Шэньчжэне — 60,3% и Хэфэе — 49,1%), что как раз вполне соответствует статусу СЭЗ и провинциального центра.

При анализе социальной структуры населения этих населенных пунктов по 5 слоям (стратам) лишь у Шэньчжэне можно сказать, что в социальной структуре общества преобладает средний класс (средний средний — 46,1 и низший средний — 32,4%). В Хэфэе уже преобладает низший средний слой — 40,9%, в то время как в Ханьчуане и Чжэньнине он составляет подавляющее большинство населения — 82,1 и 91,4%, соответственно. Таким образом, исходя из данных по отдельным населенным пунктам и административным единицам КНР, можно сказать, что пока еще в стране не сложился средний класс, и большую часть населения можно отнести в лучшем случае к низшему среднему классу.

Этот вывод подтверждают и данные об изменениях в доходах населения Китая за последние 20 лет. С одной стороны, произошел абсолютный рост доходов как в среднем по стране — 15,33 юаня в месяц в 1978 г. и 260,75 юаня в месяц в 1999 г., так и в городе — 33,75 юаня в 1978 г. и 562,5 юаня в 1999 г. и в деревне — 11 юаней в 1978 г. и 159,8 юаня в 1999 г. (Чжунго тунцзи чжайяо — 2001. Пекин. 2001. С. 34). С другой стороны, постоянно увеличивается разрыв в доходах между бедными и богатыми. Как заявил заместитель руководителя Центра развития при Госсовете КНР Лу Чжицян на симпозиуме "День Китая" в рамках 35-го ежегодного совещания Азиатского Банка развития, коэффициент Джини в доходах китайского населения стремительно вырос за годы реформ — 0,33 в 1980., 0,4 — в 1994 г. и 0,45 — в 2000 г. (Жэньминь жибао. 2002. 11 мая).

Материалы китайских исследований показывают, что уровень доходов населения зависит от района проживания, отрасли и формы собственности предприятия. В частности, в 1999 г. средний месячный доход в Шэньчжэне составил 2084 юаня, в Хэфэе — 429 юаней, в Ханьчуане — 141 юань, в Чжэньнине — 119 юаней. При этом большая часть населения имела доходы ниже среднего в своем месте проживания: Шэньчжэнь — 74,3% населения, Хэфэй — 58,9, Ханьчуань — 65,3, Чжэньнин — 75,1%. Кроме того, следует отметить, что если в Шэньчжэне даже среднемесячные доходы низшего среднего класса — 879 юаней были выше среднего дохода по КНР в городах — 562,5 юаня, то в Хэфэе среднемесячные доходы высшего среднего класса (523 юаня) не превы-

шали показатель среднего дохода по КНР в городах. Еще хуже обстояло дело в уездных центрах и сельских районах уездов, судя по уездному центру Ханьчуань среднемесячный доход для высшего среднего класса (156 юаней) и Чжэньнин (104 юаня) ниже показателя среднего дохода для китайских крестьян — 159,8 юаней в месяц (См.: Дандай Чжунго шэжуэй цзэцэн... С. 11-14, 26).

Еще более сильно выражена дифференциация ежемесячных доходов по 10 социальным группам — от 7666 юаней для управленческих работников и 7572 юаня для частных предпринимателей в Шэньчжэне до 85 юаней в месяц для крестьян, 130 юаней в месяц для работников сферы торговли и услуг и 134 юаней в месяц для безработных и не полностью занятых в Ханьчуане. Таким образом, разрыв между самыми богатыми и самыми бедными слоями в китайском обществе по регионам достиг соотношения 1:59. Правда, соотношение доходов рабочих и управленческого персонала в одном районе не было столь значительным — 1:4 в Шэньчэне, 1:2 — в Хэфэе и 1:1,2 в Ханьчуане.

В результате проведенного анализа можно прийти к следующим выводам: 1) за 20 с лишним лет реформ произошли изменения в социальной структуре китайского общества, связанные с ростом частных и индивидуальных предпринимателей, всех видов служащих, включая ганьбу, управленческого персонала и особенно работников торговли и сферы обслуживания; 2) не происходил рост рабочего класса; 3) заметно сократилась как численность, так и доля крестьян, многие из которых переместились в города или стали рабочими или служащими без смены места жительства и прописки; 4) выросла доля беднейшего населения, куда входят безработные, неполностью занятые, а также семьи рабочих, крестьян и служащих, испытывающих жизненные трудности; 5) в Китае пока еще не сложился средний класс, в лучшем случае можно говорить лишь о низшем среднем классе, причем только в приморских районах страны; 6) в ходе реформ увеличивается разрыв в доходах различных слоев населения, причем он увеличивается не столько по социально-профессиональному признаку, сколько по районам проживания, отраслям народного хозяйства и формам собственности; 7) дальнейшее увеличение разрыва в доходах как между различными социальными слоями и группами, так и между различными отраслями и регионами не способствует формированию среднего класса и может значительно обострить социальную обстановку в китайском обществе.

Бони Л.Д., к.э.н., старший научный сотрудник ИДВ РАН *выразила свое критическое отношение к некоторым положениям концепции, заложенной в "Докладе об исследовании социальной стратификации современного Китая".*

Группа специалистов Института социологии подготовила по заданию руководства АОН Китая "Доклад об исследовании социальной стратификации современного Китая" (2002 г.). Анализ изменения структуры общества в стране в результате 20 с лишним лет экономической реформы осуществлен через призму новой, неклассовой, концепции социальной стратификации. Основу этой концепции составляет профессиональный подход (т.е. по характеру занятости), широко используемый учеными развитых стран Запада при изучении социальной стратификации. В качестве критерия взято владение тремя видами ресурсов (организационными, экономическими и культурными). Степень владения этими ресурсами определяет положение каждой социальной группы в социальной структуре и общее положение индивидуума, входящего в него. Концепция исходит из неклассового подхода к анализу социальных процессов. Такая позиция, по замыслу авторов, должна способствовать сплочению и мобилизации всех социальных слоев во имя создания "системы социалистической рыночной системы" и "строительства современного социалистического государства" (С. 7). Поставленная авторами перед собой цель призвана содействовать развитию теории "тройного представительства", выдвинутой Цзян Цзэмином. Исследователи отказались от использования термина "класс," как признака классового подхода, присущего антагонистической концепции стратификации, заменив его более нейтральным термином "слой." Однако некоторые социальные группы, например работники сельского хозяйства (или занятые в сельском хозяйстве), в силу своей многочисленности и такой объединяющей их специфики как привязанность к земле, трудно представить в виде социального "слоя", синонима "прослойки."

Доклад несет двойную нагрузку.

С одной стороны, он содержит серьезную фактическую информацию, полученную на основе обследований, о сдвигах в социально-экономическом и политическом положении разных слоев китайского общества за годы реформы и тенденции изменений в его социальной структуре.

С другой, — включает выводы и рекомендации правительству по поиску им возможностей расширения социальной опоры власти с целью дальнейшего углубления реформы и осуществления общей стратегии развития Китая.

Познакомившись с результатами исследования, особенно касающимися самой большой группы в социальной структуре страны (70% всего населения) — сельского населения, проживающего в деревне, т. е. крестьян, можно сделать следующие выводы:

1. Доклад представляет позицию определенной группы ученых, лишь одну из точек зрения китайской общественно-политической мысли, крайне либерального толка. Их не устраивает постепенный характер преобразований в стране, (в деревне в частности), поскольку изменения в социальной структуре отстают от требований "рациональной" (т.е. современной) социальной структуры, включающей широкий средний слой, занимающий большую часть всей структуры, и маленькие "слои" богатых и бедных по краям, за счет чего достигается стабильность общества.

Их вывод категоричен и однозначен: огромная численность сельского населения, занятого в сельском хозяйстве — главная причина бедности деревни, низких доходов. Пока из деревни не уйдет большая часть населения в несельскохозяйственную сферу, не переместится в город, сельское хозяйство не сможет развиваться, ... деревня не сможет стать богатой и осуществить модернизацию, и в конечном счете нельзя осуществить модернизацию страны (с.185). Основная роль деревни, крестьянства, с позиций новой концепции стратификации, — быть источником, материалом формирования новых социальных слоев, за которыми будущее: наемных рабочих, занятых во 2-й и 3-й сферах, единоличников и владельцев частных предприятий, крупных сельскохозяйственных дворов, иначе говоря — фермеров, сельских предпринимателей. (Почему-то в прогнозах авторов отсутствует такая форма хозяйствования, как кооперация). В конечном счете в деревне должны будут остаться только занятые в сельском хозяйстве. Но это длительный процесс, связанный с развитием индустриализации и урбанизации. Недаром для перехода к рынку руководством страны был определен срок не менее чем сто лет (с середины XX до середины XXI вв.). Но куда деть 800 млн. человек в короткие сроки? Перепрыгнуть через исторический этап невозможно. Крестьяне же хотят жить лучше сегодня. Они это заслужили, долгие годы выделяя из своего скромного прибавочного продукта значительные средства на индустриализацию, решая в процессе реформы проблемы общенационального значения, и прежде всего продовольственную. Еще недавно, какие-то 10-15 лет тому назад, как признают авторы, деревня была авангардом реформы, крестьяне встали по главе "прорыва" старой экономической системы, первыми начав переход к рынку, обеспечив широкую социальную базу экономической политике преобразований. Авторы умолчали в своем докладе, что с 1993 по 1999 гг. в деревне шла широкомасштабная работа по продлению срока земельного подряда на 30 лет, что приветствовалось всей деревней и стало одним из основных факторов получения высоких урожаев зерна на протяжении всей второй половины 90-х гг.

2. Деревня, занятые в сельском хозяйстве, основной социальный слой страны оказались на последнем месте по уровню дохода и на предпоследнем по своему социальному статусу (из десяти выделенных социальных слоев). В данной ситуации авторы видят один из главных факторов нестабильности, предвещают возможность социального взрыва, кризиса. Причин сложной социально-экономической ситуации в деревне действительно много. Главные из них — снижение темпов роста доходов крестьян, особенно занятых в сельском хозяйстве, (изменившийся общественный спрос на продукцию отрасли привел к затовариванию больших партий сельхозпродукции, соответственно упали рыночные цены, снизились доходы производителей), расширение практики многочисленных поборов с крестьян (т.е. косвенных налогов), собираемых администрациями разных уровней (волости, уезда,

провинции и пр.), сокращение возможностей трудоустройства на предприятиях волостей и поселков, ограничения на получение работы в городе (сохранение системы сельской прописки и пр.). К этому следует добавить также практически полное отсутствие системы социального страхования в деревне, связанное с сохранением двухосновной социальной и экономической структуры, а также серьезное недофинансирование сельского хозяйства. В докладе содержится критика правительства на этот счет. И она верна. Крестьяне могли бы сегодня жить намного лучше. Но государство отстает с системными (налоги, прописка, распределительные отношения, закупки зерна и пр.) и социальными реформами (образование, здравоохранение, пенсии и пр.) в деревне.

Но в докладе не сказано, что именно крестьяне, при всех этих проблемах и трудностях, тем не менее смогли обеспечить решение продовольственной проблемы страны, поднять производственный потенциал отрасли до уровня, обеспечившего впервые за годы КНР сбалансированность общественного спроса и предложения продовольствия и избыток продукции в урожайные годы (прирост производства зерна за годы реформы — 200 с лишним млн. т). А по большому счету это и есть обеспечение социальной стабильности в стране.

Принижены или не упомянуты другие важные завоевания реформы в деревне: в несколько раз выросли доходы крестьян (в 3,4 раза), хотя темпы роста доходов были неравномерны; повысилось качество жизни сельского населения (улучшилась структура питания, вырос метраж жилой площади на душу населения и пр.). Но так как рост доходов крестьян начался с крайне низкого исходного уровня, то и сегодня размер дохода остается еще низким. Но при этом была в основном решена проблема обеспечения основных продовольственных и других необходимых жизненных потребностей населения. Удалось резко снизить численность населения, жившего за чертой бедности, с 37% (260 млн. человек) до менее 3% (30 млн. человек), хотя критерии их жизненного уровня крайне скромны. Доходы около половины сельского населения достигли или превысили уровень "малого достатка" (сяокан), а уровень жизни населения 11 прибрежных провинций Восточного Китая значительно превысил критерии "сяокан" и оказался намного выше среднего по стране уровня. Не сказано о том, что государство с целью подъема доходов крестьян, преодоления явлений затоваривания сельхозпродукции (низкого качества), повышения эффективности сельского хозяйства и его конкурентоспособности, с 1999 г. развернуло глубокую, комплексную, широкомасштабную структурную реформу в деревне, охватывающую сферу производства, обращения, структуру сельской занятости, внедрение достижений науки, строительство малых городов и ускорение урбанизации, восстановление сельской экологии, выравнивание регионального разрыва в уровне развития экономики и роста доходов (Программа освоения Запада) и пр. Не сказано, что широким фронтом идет подготовка к большой налоговой реформе в деревне (уже в трети всех уездов страны, особенно в главных зернопроизводящих районах, идет эксперимент по отработке модели реформы налогов и денежных отчислений ("бремени" крестьян) в комплексе с реформой сельского образования (в т.ч. переход к обязательному 9-тилетнему образованию на основе государственного финансирования), сельских финансов, структуры административного управления на уровне волости и поселка. Первые успехи данного эксперимента в пров. Аньхой (с 1999 г.) вселяют надежду на то, что осуществление этого комплекса реформ в деревне должно, наконец, решить проблему "бремени" крестьян, над которой правительство бьется уже более десяти лет, а заодно постепенно ликвидировать двухосновную социальную структуру. Поэтому нельзя сказать, что отсутствует социальная политика государства. Скорее, она отстает от экономических преобразований.

3. Доклад критикует экономическую политику в деревне в части модернизации, с чем трудно согласиться. Речь идет о сельской индустриализации (развитие предприятий волостей и поселков) и урбанизации (строительство малых городов и переселение в них избыточной сельскохозяйственной рабочей силы). Эти направления модернизации, говорится в докладе, развиваются наперекор общеизвестной мировой тенденции индустриализации и урбанизации, в результате не происходит достаточного оттока сельского населения из деревни. Не оправдались и надежды на быстрое развитие отраслей 3-й сферы: распыленный, рассредоточен-

ный характер производства предприятий волостей и поселков не смог обеспечить достаточную концентрацию необходимых ресурсов (с.90). Но авторы забывают про китайскую специфику ("людей много, земли мало"): излишней рабочей силе нужны жилье и рабочие места, крестьянам — источник дополнительных доходов, сельскому хозяйству — средства на капитальное строительство, наконец, нужны дешевая промышленная продукция и сфера услуг. Все это обеспечивает "неправильная" модель модернизации в деревне. Более того, предприятия волостей и поселков дают от одной трети по половины (в отдельные годы) всего экспорта Китая, зарабатывая стране солидную выручку инвалютой. Уже в середине 90-х гг. (1994 г.) 75% прироста ВВП страны обеспечивалось за счет несельскохозяйственной сферы в деревне. Да и сткрывать двери городов для широкого потока сельских мигрантов, как того требует общемировая тенденция, государство не может сразу, ибо для этого не могли быть подготовлены необходимые условия. Сельская миграция фактически началась лишь по мере решения продовольственной проблемы и постепенного перехода к рынку. На этом пути модернизации есть свои неизбежные издержки, но, вероятно, еще долго эти направления преобразования деревни останутся ведущими и нужными деревне и стране в целом. Несомненно, по мере развития рынка темпы их ускорятся, они сольются с комплексом структурных, системных и социальных реформ, которые набирают темп в деревне с первых дней нового века. В 2002 г., например, была отменена сельская прописка в пров. Фуцзянь. За ней неизбежно последуют другие.

Нельзя согласиться и с новой трактовкой авторами доклада "основной обстановки"* Китая, когда вместо общепринятого варианта: "людей много, земли мало" предлагается новый: "основная обстановка" — это "людей много, рабочей силы много, потребность в рабочих местах большая" (с.122). Но это же следствие того, что земли (в деревне) мало. Предлагают отказаться и от другой, часто используемой, трактовки важной роли деревни в экономической жизни страны. Авторы пишут, что мы часто говорим: "Без модернизации в деревне — нет модернизации в стране", но мы должны говорить: "Без модернизации страны — нет модернизации в деревне" (с.186). Здесь все взаимосвязано и взаимозависимо. Но новая трактовка явно умалает значение и место деревни в жизни общества.

4. Авторы как-то вскользь и неодобрительно говорят о системе семейного подряда в деревне, считая его (наряду с другими факторами) неспособным стимулировать формирование новой социальной структуры в деревне (с.177). Однако они забывают, что именно переход к системе семейного подряда впервые высветил огромные излишки сельскохозяйственной рабочей силы и положил начало перелива этих излишков в другие сферы в деревне и городе. В то же время, как показала практика реформы, в преобладающей части сельских районов эта форма хозяйствования пока остается наиболее приемлемой. Уже хорошо известно, что перескакивать через этап, не пройдя его, бесполезно.

5. В представленной авторами социальной стратификации населения деревни и выделении восьми социальных слоев в его социальной структуре в целом отражена наметившаяся тенденция. Еще в первой половине 90-х гг. китайские ученые указывали на начало имущественного расслоения и дифференциацию и по характеру занятости в деревне, выделяя чисто сельскохозяйственные дворы, дворы-совместители (частично занятые в отраслях 2-й и 3-й сфер в деревне) и крестьян-рабочих, ушедших на заработок в город (временно или постоянно), и по отношению к средствам производства (единоличники, частники — спецдворы, крупные дворы, коллективные и частные предприятия). Ганьбу и сельская интеллигенция были в деревне и раньше. Другое дело, что в силу целого ряда причин большая часть социальных слоев, выделенных авторами доклада, — занятые в сельском хозяйстве, и крестьянин- и рабочий, наемные рабочие, основная часть слоя низовых ганьбу (управленцев в деревне) — имеют подрядный надел земли и занимаются земледелием или сами или члены их семей, а крупные дворы берут землю в аренду. Все дело в удельном весе дохода от земледелия. Таким образом, процесс формирования и выделения из крестьянства отдельных социальных слоев начался, но идет медленно, еще не произошло решающего перелома. Другими словами, не только большим остается главный социальный слой в деревне — занятых в сельском хозяйстве (1989 г. — 55-57%, 1999 г. — 46-50%), но другие соци-

альные слои, связанные с землей, еще не выделились в самостоятельные и составляют часть единого класса крестьян (или около 70% всего населения). Нужны соответствующие условия и время для их окончательной дифференциации. Поэтому, с нашей точки зрения, предлагаемая в докладе модель социальной стратификации пока не соответствует реалиям деревни, указывая правильно тенденции, она значительно опережает сам процесс формирования различных социальных слоев среди крестьянства. Более того, даже учитывая наметившуюся тенденцию усиления значимости умственного труда и снижения роли физического труда в мире, и в самом Китае (в том числе в деревне), все же следует с большим уважением относиться к профессии земледельца, крестьянину, великому труженику. От его труда зависит решение проблемы продовольственной безопасности страны, стабильности в обществе. Его экономическое и правовое положение может значительно улучшиться, а социальный статус подняться, если государство сможет скорректировать традиционный акцент экономической стратегии развития на индустриализации и интересах города в ущерб интересам крестьянства, довести до конца начатые системные и структурные реформы в деревне, встанет на защиту интересов сельского производителя в условиях ВТО. Для этого уже созрели условия и подошло время. Нельзя не согласиться с рядом верных рекомендаций авторов правительству в этом плане, таких как: формирование эффективной социальной политики для своевременного преодоления углубляющегося разрыва между бедными и богатыми, между регионами, обеспечения равных шансов для получения общественных ресурсов (образование и пр.), законное и рациональное перераспределение доходов, недопущение ухудшения экономического положения одного социального слоя за счет нанесения ущерба интересам других слоев, ликвидация незаконных способов приобретения ресурсов и пр. Это снимет определенную остроту социальной напряженности в деревне, возникшую в последнее время.

6. Предлагаемое длительное сосуществование различных социальных слоев при сохраняющейся пока тенденции усиления разрыва между бедными (большинством населения) и богатыми (меньшинством), между регионами ведет к усилению социальных противоречий в обществе. В этих условиях выдвижение первых четырех социальных слоев (ганьбу, профессионалы-управленцы, высококвалифицированные технические работники и владельцы частных предприятий) в качестве "передовых" слоев ведет к отрыву их от масс сельских тружеников, которыми они реально управляют. Перед руководством страны стоят серьезные вызовы. Реализация идеи сотрудничества и единения интересов всех социальных слоев во имя единой цели — создания процветающего, сильного современного государства — требуют огромных усилий и напряженной работы по созданию условий для соответствующего выравнивания возникших в ходе реформы противоречий между городом и деревней, между регионами, между социальными группами, оказавшимися на разных концах социальной лестницы.

7. Если принять этот доклад с его выводами и рекомендациями, с его методикой социальной стратификации в качестве официальной, то это легко перечеркнет китайскую модель социализма с его спецификой, речь пойдет о переходе на капиталистический путь развития, со свойственными ему антагонистическими противоречиями между социальными группами и слоями верхнего и низшего статуса. Не останется никакой стабильности. Китаю, в частности его деревне, нужна своя модель социальной стратификации переходного периода, учитывающая его социально-экономическую специфику ("основную обстановку"), а также специфику общественного сознания деревни, где все еще сильны тенденции уравнительности, поддерживаемые острым дефицитом земельных ресурсов, где сплошь и рядом проводится принцип сочетания экономической эффективности с социальной (например, подрядная "система двух полей", и пр.), необходимость постепенного поэтапного формирования новой социальной структуры общества. Плюс активная социальная политика государства.

Волкова Л.А., к.э.н., старший научный сотрудник ИДВ РАН посвятила свое выступление *механизму диверсификации социальной структуры китайского крестьянства.*

Китайское крестьянство к началу реформы представляло собой класс, слабо дифференцированный по экономическому и социальному признакам. Преобладание уравнительного распределения в коллективных хозяйствах, организованных в деревне в первой половине 50-х годов и в различных их модификациях в дальнейшем (народные коммуны, большие производственные и производственные бригады), служило серьезным препятствием для расслоения крестьянства по имущественному признаку. Экономические и политические установки руководства в отношении ситуации в деревне закрепляли такое положение. Проводившиеся политические кампании: по социалистическому воспитанию, борьба против “четырех старых” и т.п. имели следствием размывание даже слабо определенных границ между группами крестьян не только по экономическому, но и по другим признакам: родственных связей, вероисповедания.

В первые годы проведения реформы китайскому руководству пришлось приложить определенные усилия для мобилизации хозяйственной инициативы крестьян. В печати широко рекламировался опыт отдельных крестьян различных районов, сумевших добиться высоких доходов. Переход к ведению хозяйства в деревне на основе подряда на земельный участок, полученный в пользование от коллективного хозяйства, корректировка политической и экономической стратегии (особенно тезис “пусть сначала богатеют некоторые”), расширение сферы товарно-денежных отношений создали предпосылки для имущественного расслоения крестьян, способствовали увеличению численного состава уже имевшихся и появлению новых социальных групп в среде сельского населения. Тенденция диверсификации социальной структуры населения деревень приобретала большую масштабность по мере развития экономической реформы и структурных изменений в самой экономике деревни. Так, если в начале реформы — в 1978 г. — на долю сельского хозяйства (I сфера производства) приходилось 69,5% валового общественного производства деревни, на долю промышленности и строительства (II сфера) — 19,1%, транспорта, торговли и услуг (III сфера) — 11,4%, то через 20 лет — в 1999 г. доля первой сферы сократилась до 37,4%, второй — возросла до 48,3%, третьей — до 14,3%. (1999—2000: анализ положения в экономике деревни и прогноз. Зеленая книга по экономике деревни. Пекин, 2000. С. 185). Менее впечатляющими, но не менее значимыми для судеб миллионов крестьян стали изменения в структуре занятых в трех сферах производства в деревне: только за период 1990—1999 гг. доля крестьян, занятых в сельском хозяйстве сократилась на 9,3 процентных пункта с 79,4% в 1990 г. до 70,1% в 1999 г., доля занятых во II сфере производства увеличилась с 14,1% до 18,0%, в третьей — с 6,5% до 11,9% (Там же, с. 187).

В “Докладе об исследовании социальной стратификации современного Китая” под ред. Лу Сюэи названо 8 слоев сельского населения главным образом, на основе различий по роду деятельности. К первому и самому многочисленному отнесены занятые трудом непосредственно в сельском хозяйстве, т.е. крестьяне. Этот слой разделен на четыре группы, но уже по признаку имущественного положения: 1) — крестьяне специализированных дворов и крестьяне крупных подрядных дворов; 2) — относительно зажиточные крестьяне в сельском хозяйстве, 3) — крестьяне, обеспечивающие минимальные жизненные потребности семьи за счет своего труда, 4) — крестьяне бедных семей.

Ко второму слою отнесены сельские жители, занятые во II и III сферах производства в деревне, по-прежнему живущие в ней и имеющие подрядный участок земли, а также крестьяне, ушедшие с земли, но не ушедшие из деревни.

Третий слой сельского населения выделяется по признаку привлечения к труду на предприятиях различных экономических укладов в качестве наемных рабочих на частных или индивидуальных предприятиях в промышленности и торговле.

К четвертому слою отнесена сельская интеллигенция: работники сферы образования, культуры, науки, здравоохранения и искусства. Этот слой составляют две группы: работники первой не являются крестьянами, хотя и живут в деревне, это — кадровые работники и служащие, относящиеся к сфере государственной и коллективной собственности; работники второй являются сельскими жителями, трудящимися в народных школах, деревенских больницах, сюда же относятся крестьяне, получившие агротехническую подготовку. Пятый слой представлен занятыми индивидуальным трудом в промышленности и торговле, а также в сфере об-

служивания. Шестой слой — это частные предприниматели, на предприятиях которых занято более восьми наемных работников. Седьмой слой составляют работники сферы управления предприятий волостей и поселков. Восьмой слой — это работники сферы управления в деревне: сельская администрация, партийный аппарат и аппарат различных общественных организаций.

Представленная структура, несмотря на то, что строго не выдержан принцип выделения групп по роду деятельности, дает представление о новых явлениях и процессах в социальной жизни китайской деревни. Авторы исследуют динамику соотношения этих восьми слоев на протяжении десятилетнего периода 1989—1999 гг. Показывают, что наиболее существенные количественные изменения претерпел слой занятых непосредственно сельскохозяйственным трудом, его доля в структуре сельского населения с 55–57% в 1989 г. сократилась до 46–50% в 1999 г., сократилась также доля сельских жителей, занятых на предприятиях волостей и поселков с 24% до 16–18%, а также доля работников сферы управления этих предприятий с 3% до 1,5%. Доля занятых индивидуальным трудом в деревне в промышленности, торговле и сфере обслуживания увеличилась с 5% до 7–8%, доля частных предпринимателей выросла с 0,1–0,2% до 0,4–0,6%, а вместе с ней увеличилась и доля наемных работников на частных и индивидуальных предприятиях с 4% до 16–17% (Доклад об исследовании социальных слоев современного Китая. Пекин, 2002, с. 178). Доля остальной стратификации не претерпела существенных изменений.

Из приведенных данных можно сделать вывод о том, что в структуре сельского населения наиболее заметно вырос удельный вес слоев, связанных с капиталистическими формами хозяйства, т.е. наемных работников и предпринимателей.

К сожалению, в названной работе не проанализированы процессы социального плана, происходящие в самом крестьянстве, или по приведенной в книге под ред. Лу Сюэи классификации, — в среде занятых трудом непосредственно в сельском хозяйстве. Четыре группы крестьян, выделенные по имущественному положению, количественно не обозначены, и в этом авторы можно понять, поскольку, несмотря на весомое увеличение доходов крестьян в годы реформы и уменьшение населения бедных дворов с 200 млн. в начале реформы до 20 млн. в 2001 г., уровень жизни крестьян по-прежнему остается низким. В 2000 г. доходы трети крестьян были ниже прожиточного уровня. По данным опросов крестьян в 1999 г. (г. Чжэннин, пров. Гуйчжоу): менее половины их считают, что их уровень жизни повысился (46,2%), третья часть опрошенных считает, что положение осталось прежним (31,7%), почти у пятой части ухудшилось (Доклад об исследовании социальной стратификации современного Китая. С. 40).

Уровень жизни крестьян различных регионов страны существенно различается, наиболее высокие доходы имеют сельские жители приморских южных районов. Степень отставания доходов крестьян от доходов городских жителей увеличивается: за двадцать лет (1978—1998 гг.) разница в доходах крестьян и жителей городов увеличилась на 18,2%. Растут различия в доходах в среде самого крестьянства, причем темпами, опережающими рост разницы в доходах городских и сельских жителей. Если в 1978 г. эта разница, характеризуемая коэффициентом Джини, составляла 0,212, то в 1995 г. — уже 0,340, т.е. дифференциация доходов в деревне за 18 лет увеличилась на 60% (Китайская деревня, вступающая в 21-й век. Пекин, 2000. С. 346). По экспертным оценкам, обстановка становится взрывоопасной при коэффициенте Джини в 0,40.

Результатом экономической и структурной реформ в сельском хозяйстве стало появление и расширение масштабов привлечения наемного труда непосредственно в сельскохозяйственном производстве. Довольно широкое распространение в пригородных районах и приморских районах Восточного Китая получила практика найма крестьян из внутренних районов страны для обработки подрядных участков тех крестьян, которые сами уже не работали на земле, но сохраняли ее за собой. Наем работников для ведения сельскохозяйственного производства практикуется и в других районах страны. Так, по данным обследования ряда деревень одной из ведущих сельскохозяйственных провинций страны — Хубэй — почти в 85% деревень от 1 до 5% дворов прибегали к найму рабочей силы, в 11,5% деревень работники нанимали 11–15% дворов (Чжунго нунцунь цзинци, 2001, № 8. С. 27).

Регулирование земельных отношений на основе подряда с целью создания условий для более масштабного хозяйствования, вовлечение земли в рыночный оборот или для использования ее в хозяйственных структурах на основе интеграционных связей крестьянского двора с промышленными предприятиями, компаниями или фирмами вызывает неоднозначную реакцию крестьян. Эта политика получает поддержку крестьян в тех районах, где имеются возможности трудоустройства их вне сферы земледелия. Например, в пров. Чжэцзян, одной из наиболее благоприятных в экономическом плане, доля крестьян, отказавшихся от обработки подрядных участков с 8,5% в 1986 г. возросла до 21,8% в 1999 г., что позволило увеличить площадь участков, обрабатываемых другими крестьянами (Чжунго нунцунь цзинцзи, 2000, № 1. С. 70). В трудоизбыточных районах передача подрядных участков воспринимается, как правило, болезненно, что усугубляется укоренившимся отношением крестьянина к земле, как гаранту его социального обеспечения и даже простого выживания.

Жигулева В.В., старший научный сотрудник ИДВ РАН рассмотрела изменения социальной структуры в связи с проблемой доходов и активизацией внутреннего спроса.

Социальная структура китайского общества по мере проведения реформы экономической системы претерпела существенные изменения. В настоящее время наблюдается довольно значительное количественное изменение соотношения «старых» (дореформенных) социальных групп, а также появление новых, представляющих собой различные сочетания прежних групп, так и совершенно новые образования. Важной особенностью современной социальной структуры китайского общества является его расслоение по уровню доходов. При этом следует заметить, что довольно широкая дифференциация уровней доходов наблюдается не только между классами и социальными слоями в Китае, но и внутри отдельных социальных групп. Можно выделить следующие типы расслоения населения по уровню доходов:

- дифференциация доходов занятых в различных сферах производства — усиливается разрыв в доходах между городом и деревней, среди городского населения растет удельный вес промежуточной социальной прослойки, т.н. «и крестьян и рабочих», которые представляют собой наиболее бесправную часть трудящихся в городах. Также растет разрыв в доходах между рабочими и занятыми в третьей сфере производства (банковский, страховой, туристический секторы);

- дифференциация доходов населения по отдельным регионам (между отдельными провинциями и отдельными районами провинций). В китайской печати отмечается наличие 4-х уровней в территориальном расслоении. 1-ый уровень — развитые районы (Шанхай, Пекин) с уровнем душевого ВВП, рассчитанного по ППС (паритет покупательной способности) — 10-15 тыс. ам. долл.; 2-ой уровень — крупные, средние и малые города с душевым ВВП — 3-4 тыс. ам. долл.; 3-ий уровень — деревня, то есть районы, где доходы крестьянства являются средними, уровень ВВП 2-2,5 тыс. ам. долл. и 4-й уровень — районы проживания национальных меньшинств, приграничные и бедные районы. Уровень дифференциации — 10-15 раз. Во многих довольно развитых провинциях разрыв в уровнях доходов между отдельными районами составляет от 5-6 раз. (так, в развитой провинции Чжэцзян 40% населения проживает в районах с душевым ВВП, составляющим 40% от среднего уровня по провинции).

- дифференциация доходов по отдельным отраслям — в китайской печати отмечается, что в ряде отраслей (табаководство, транспорт, связь, энергетика), являющихся естественными или государственными монополиями, поддерживается завышенный уровень оплаты труда, превышающий в 3-5 раз доходы в прочих отраслях промышленности и не соответствующий уровню производительности труда в этих отраслях. В свою очередь, следует поощрять высокий уровень оплаты в современных наукоемких отраслях, являющихся наиболее рыночно ориентированными промышленными производствами и основным фактором ускорения экономического развития страны;

- дифференциация по отдельным видам деятельности — в Китае наблюдается не только усиление разрыва между бедными и богатыми (сяньфу-цилай ды) и

образование класса собственников и капиталистов, но и формирование как в городе, так и в деревне т.н. «среднего класса», отличающегося довольно высоким уровнем образования и потребления. Также растет разрыв в уровне заработной платы между занятыми на аналогичных предприятиях различных форм собственности

На старте реформ профессиональные и территориальные различия в уровне доходов были невысоки, хотя в 70-х годах отмечалась довольно «вялая» тенденция по увеличению разрыва в доходах между городским и сельским населением. В 80-е годы в результате внедрения в жизнь лозунга Дэн Сяопина о возможности обогащения отдельных групп населения и отдельных районов страны произошло, с одной стороны, выравнивание различий между городом и деревней за счет более высоких темпов роста доходов крестьян, а, с другой — усиление территориальных различий между восточными и прочими районами страны. С 1991г. начинается новый виток усиления дифференциации населения по уровню доходов.

В настоящее время можно выделить следующие изменения в соотношении социальных слоев населения.

1) Несмотря на рост доходов крестьян и рабочих, разрыв между ними продолжает усиливаться. Разница в уровне жизни не только выражается в денежном эквиваленте, но и в условиях труда, социального обеспечения. Можно говорить о некотором обострении противоречия между городами и деревней.

2) Наблюдается внутреннее расслоение внутри самих прослоек рабочих и крестьян. Основной причиной роста расслоения среди рабочих является изменение социально-экономической структуры, а также структуры и форм распределения экономических интересов. А расслоение среди крестьянства в основном выражается в профессиональном расслоении (обычно называемом «уходом от земли») и в территориальном расслоении (диюйхуа) (обычно называемом «уходом из села»).

3) Социальное расслоение не ограничивается расслоением внутри старых классов и социальных прослоек, но также проявляется в расслоении по сравнению с новыми социальными группами и внутри самих этих групп. А именно: (1) появление смежных социальных групп. В так называемых «смежных группах» довольно большую в абсолютной и относительной величинах составляют «рабочие, по общественному статусу являющимися крестьянами», в число которых входят крестьяне, как частично покинувшие землю, но не покинувшие села и ставшие работниками на предприятиях волостей и поселков, так и полностью покинувшие землю и село, выехавшие на заработки в город на длительное время. Число рабочих, по своему социальному статусу являющихся крестьянами, уже превышает число рабочих и служащих государственных и коллективных предприятий, она превратилась во вторую по численности социальную прослойку населения. (2) Появление новых социальных групп. По мере изменения структуры собственности появились такие новые социальные группы, как индивидуальные трудящиеся, работодатели на частных предприятиях и наемные рабочие.

4) В зависимости от величины доходов появились прослойки с высоким уровнем доходов и низким уровнем доходов. В группу лиц с высоким уровнем доходов входит большая часть управляющих и директоров предприятий, а также лица, занятые посредническими операциями. В эту группу также входит незначительная часть коррумпированного чиновничества, получающая «черный доход». С другой стороны, растет число лиц, доходы которых ограничиваются прожиточным минимумом или пособием по безработице. Что касается наемных рабочих, занятых на частных и индивидуальных предприятиях, которые в настоящее время имеются как в городе, так и в деревне, во всех районах и во всех отраслях, то уровень доходов этих рабочих выше чем у рабочих на государственных предприятиях и у крестьян, но социальный статус — ниже

5) На усиление расслоения в первую очередь городского и, отчасти сельского, населения, а именно на увеличение доли бедного населения в городах, влияет проведение реформы государственных промышленных предприятий и реформы политических институтов, что в китайской печати кратко обозначается «сокращение штатов» (сяган).

Усиление разрыва между городом и деревней часто приводит к появлению конфликтов между рабочими и крестьянами. При этом, следует заметить, что

«потерпевшей стороной» не являются исключительно крестьяне. Большинство конфликтов можно свести к следующим:

1. Проблема использования природных ресурсов.

Расширение масштабов строительства привело к исключению из сельскохозяйственного оборота большого количества пахотных земель и уменьшению величины пашни в расчете на 1 крестьянина. Старые площади выводятся из сельскохозяйственного оборота, а ввод новых пахотных площадей замедлился, что вызвано системой регистрации, когда общий сбор за регистрацию новых площадей и налогов за использование земли составляет 10-40 тыс. юаней за 1 му. Положения «Закона КНР о землепользовании», упрощающие систему регистрации земли, на практике редко применяются.

В последние годы участились случаи расхищения природных ресурсов: крестьяне или частные лица увеличивают добычу природных ископаемых без соответствующих разрешений и лицензий, что приводит к росту травматизма и нарушению природного баланса.

2. Проблемы загрязнения окружающей среды.

Многие горнодобывающие и промышленные предприятия, опасаясь роста себестоимости и снижения своих доходов, не применяют природоохранной техники, что приводит к значительному загрязнению окружающей среды, снижению урожайности сельхозугодий и росту недовольства крестьян, что осложняет отношения между городом и деревней, рабочими и крестьянами. Во многих городах нет водоочистных сооружений, и все сточные воды сбрасываются в реки, озера, моря или на поля.

3. Проблемы при смене работы и регистрации прописки

Продолжает сохраняться проблема избыточной сельской и городской рабочей силы. В данных условиях усиливается конкуренция между городскими и сельскими жителями при поисках работы. Городские власти в крупных городах (Пекин, Шанхай) для разрешения данного противоречия и предоставления городским жителям больших возможностей для поиска работы стали проводить политику ограничения приема на работу иногородних («вначале город, потом село, вначале рабочие потом крестьяне, вначале свои жители, потом приезжие»), которую впоследствии поддержали и прочие крупные, средние и малые города. При проведении политики «закрытых городов» крестьяне были поставлены в неравные условия.

В результате снизился приток крестьян в города. В 1995г. число крестьян, работающих в строительстве и промышленности, составило более 80 млн. чел., в 1999г. снизилось до 60 млн. чел. Если предположить, что ежегодно один крестьянин, работающий в городе, пересылает в деревню около 2 тыс. юаней, то фактически за год сельское хозяйство лишилось свыше 40 млрд. юаней трансфертов, что также замедлило рост доходов сельских жителей и усилило противостояние рабочих и крестьян при поиске работы. Согласно выборочному анализу журнала «Государственная мощь Китая» (Чжунго гоцин голи) № 2, 2002, посылка одного из членов крестьянской семьи из центральных районов и части восточных районов страны на заработки в город вызывает не столько необходимостью их трудоустройства, сколько необходимостью уплаты крестьянским двором налогов и дополнительных сборов.

Если крестьянин получает работу в городе, то делая одинаковую работу с горожанином, он часто получает неравную оплату. Заработная плата городского рабочего, как правило, выше заработной платы крестьянина, выполняющего ту же работу в 1,5-2 раза. Крестьянам обычно предоставляют более тяжелую, грязную и мало оплачиваемую работу, они же первыми увольняются. Крестьяне-рабочие не получают, в отличие от штатных, социального обеспечения на жилье, медицинское обслуживание, не страхуются по старости. А их дети не могут поступить в городские средние и начальные школы. Согласно статистике, 70% студентов в высших учебных заведениях составляют горожане.

4. Проблема получения незаконного дохода со стороны крестьянства.

В последние годы усилилась тенденция, когда некоторые крестьяне стараются «поживиться за счет предприятий». Как отмечается в китайской прессе, они обычно говорят «приблизившись к горе, съешь кусочек горы, приблизившись к во-

де, выпей немного воды», то есть, пользуйся тем, что доступно на территории за- вода или шахты, бесплатно пользуйся водой, электричеством, техникой. Часты случаи краж на предприятиях. Никакие рейды служб безопасности не могут прекратить лавину краж. Такая ситуация повсеместна в местах добычи полезных ископаемых, нефтедобычи и на железной дороге.

Появление и сохранение противостояния между городом и деревней, конфликтов между городским и сельским населением, рабочим классом и крестьянством вызваны действием ряда разноплановых причин.

1. Экономическая причина — низкий уровень развития производительных сил. Нехватка капиталов, слабость материальной базы деревни, недостаточно высокий уровень сельской рабочей силы, неупорядоченность ценовой структуры являются основными препятствиями для ускорения развития села. Во многом китайское руководство продолжает использовать деревню в качестве источника средств для развития современных секторов экономики.

2. Социальная причина — довольно низкая степень охвата села системой социального обеспечения также ведет к снижению реальных доходов крестьянства. До начала реформ система социального обеспечения вообще не распространялась на деревню, в настоящее время данная ситуация мало изменилась. Так как крестьяне не получают пенсий, то это является одной из причин противостояния на селе политики ограничения рождаемости. Крестьяне не имеют страхования по безработице, переехав в город, они также не получают помощи при потере работы, это приводит к тому, что довольно много крестьян не решаются отказываться от предлагаемых тяжелых и опасных работ. Отсутствие медицинского страхования часто приводит к обеднению некоторых сельских семей в случае серьезных болезней.

3. Политическая причина — сохранение противопоставления города и деревни ограничивает развитие активности крестьян. Ограничение трудоустройства крестьян в городах, различия в государственной ценовой политике при потреблении для бытовых нужд электроэнергии в городе и деревне, низкий объем государственных инвестиций при строительстве начальных и средних учебных заведений на селе — все это ставит китайское крестьянство в неравное положение по сравнению с рабочим классом и усиливает конфликтность социальной обстановки в стране.

Одним из направлений разрешения данной довольно сложной ситуации в стране китайское руководство видит в активизации потребительского спроса в результате роста доходов населения.

Положение о создании условий для эффективного внутреннего спроса присутствует в во всех заявлениях китайских официальных лиц и программных документах. Также произошло изменение в понимании данного термина. Термин «эффективный внутренний спрос» появился только в середине 90-х годов. До реформ исключительное внимание уделялось лишь увеличению масштабов инвестиций. Но в первые годы реформ было признано, что ускорение экономического развития во многом зависит от темпов повышения условий жизненного уровня населения. В последующие годы, хотя и декларировалась необходимость одновременного увеличения объема инвестиций и доходов населения и была разработана трехэтапная (шаговая) программа повышения уровня жизни населения, но относительная слабость материально-технической базы экономики Китая вынуждала на отдельных временных промежутках уделять преимущественное внимание только одному из вышеуказанных направлений. Фактически, увеличение масштабов инвестиций продолжало рассматриваться в качестве основного метода ускорения развития экономики, а повышение жизненного уровня населения — второстепенного. Только во второй половине 90-х годов была сформулирована концепция зависимости экономического развития страны от трех видов спроса — инвестиционного, потребительского и экспортного (первые два и составляют в сумме внутренний спрос). Попытка китайского руководства приостановить снижение темпов роста экономики в 1997-1998гг., приведшее к нарастанию дефляционных тенденций и усиленное сокращением экспорта, традиционным способом, за счет увеличения объемов внутренних инвестиций не привели к ожидаемым результатам. И только

повышение в 1999г. окладов работников бюджетной сферы смогло приостановить снижение темпов роста ВВП.

На политику как активизации инвестиционного спроса, так повышения уровня доходов населения оказывает проблема занятости. Китайское руководство в основе проведения своей активной финансовой политики использует положения кейнсианства и некейнсианства, касающиеся сокращения безработицы (понятие «общественные работы» у китайцев приравнено к строительству объектов в области инфраструктуры).

Увеличение доходов населения в последние годы осуществлялось следующими методами.

В городе на государственных предприятиях — механическое увеличение окладов, подтягивание заниженных окладов к прожиточному уровню, постепенное освобождение предприятий от социальной нагрузки и перевод части средств, используемых на эти цели предприятием, на повышение заработной платы.

На селе — ценовый механизм — повышение уровня закупочных цен на сельхозпродукцию.

Также широко пропагандируется т.н. «диверсификация источников доходов населения», то есть увеличение «народных инвестиций», больше вложение средств населения в покупку акций предприятий.

В ближайшем будущем появится новый фактор влияния на изменение социальной структуры китайского общества — вступление страны в ВТО, однако в настоящее время довольно трудно оценить воздействия данного фактора, так как китайское руководство еще не выработало в полной мере своей политики в данной области.

Кондрашова Л.И., д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН полагает, что, признавая односторонность марксистского варианта классовой теории, мы не должны отказываться от самого понятия «класс», «эксплуатация» в переходном обществе. Проанализировав понятия «форма собственности», «уклад», «многоукладность», она приходит к выводу, что главными фигурами в социальной структуре общества являются собственник, управляющий и наемный работник. Продолжая сохранять тезис о «господстве общественной собственности на средства производства», китайское руководство последовательно придерживается курса на создание рыночной экономики, предполагающей плюрализм и равноправность форм собственности и форм хозяйствования. В этом проявляется либо «несистемность» преобразований и обреченность «рыночного социализма», либо фактическое развертывание «нормальной» приватизации.

При комбинации «распределительного» и «имущественного» подходов можно выделить пять основных классов китайского общества:

Элита в виде бюрократов высшего уровня, высшего слоя менеджеров государственных предприятий и корпораций, владельцев крупных частных предприятий. В настоящее время в Китае энергично идет процесс создания крупнейших корпораций, наличие которых составляет общую отличительную черту современного «нового индустриального общества». По линии реальной власти и по политическому влиянию верхушка руководителей крупнейших корпораций фактически сливается с высшей бюрократией, а по своему имущественному положению они не отличаются от собственников крупных частных предприятий.

«Средний класс» представлен квалифицированными научно-техническими кадрами, мелкими и средними предпринимателями и лицами свободных профессий.

К лицам наемного труда принадлежат промышленные рабочие, рядовой персонал торговых учреждений, рядовой управленческий персонал. Здесь важно деление на лиц умственного и физического труда, на работников различных типов предприятий.

Работники сельского хозяйства с присущей им имущественной дифференциацией.

Люмпенизированные слои.

Карлусов В.В., д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН, опираясь на материалы научных дискуссий в Китае относительно процесса развития отношений собственности и соответствующих ему социальных сдвигов в КНР, выделяет четыре направления взглядов участников дискуссии в Китае, в различии которых отражаются и различия в ожиданиях представителей этих направлений относительно определенно наметившихся изменений в социальной структуре и в общественном положении основных стран:

— ортодоксально-коммунистическое, более консервативное, нежели официальное (абсолютная оппозиция частной собственности и приватизации);

— проофициальное (оппозиция приватизации государственной собственности, но поддержка развития частного сектора, в начале реформ — как “дополняющего” общественный, а с конца 90-х годов и как “важную составную часть” смешанной экономики);

— умеренно-демократическое (за равенство всех форм собственности, но против приватизации);

— радикально-демократическое (обоснование необходимости полного уравнивания в правах частной собственности и создания смешанной рыночной экономики с ее преобладанием путем приватизации).

Автор считает, что концепция “Доклада об исследовании...” в принципе отражает третий вариант из указанных четырех. Опираясь на данные роста удельного века частного сектора в валовой продукции промышленности (в 1978 г. — 0, в 1999 г. — 38,8%) и в розничном товарообороте (соответственно, от 0,1 до 62,2%) при снижении удельного века государственного сектора (в первом случае — с 77,6 до менее 50%, а во втором — с 54,6 до 21%), сопровождающихся появлением и развитием новых активных слоев общества, автор полагает, что КПК, если ей удастся сохранить себя в качестве стержня политической системы КНР, будет вынуждена расширять свою социальную базу, становясь “общенародной” политической организацией.

Муромцева З.А., к.э.н., старший научный сотрудник ИДВ РАН проанализировала один из важных путей решения проблем трудоустройства и подъема жизненного уровня крестьянства — перемещение излишков рабочей силы из деревни во вновь создаваемые малые города, в несельскохозяйственные отрасли, показала, что этот процесс начался еще в 80-е годы в связи с созданием поселково-волостных предприятий в качестве приоритета в развитии сельской экономики. Миграция в волостные центры и поселки была производной от процесса создания в них местной промышленности. Теперь речь идет об организованном государством создании поселков городского типа с перспективой развития их в малые города. С 1998 г. это направление считается стратегическим в деле экономического и социального развития деревни. В 1995 г. насчитывалось 56 тыс. таких городов, к 2005 г. должно быть создано еще 10 тыс., в которых будет проживать 40 млн сельских жителей.

Между тем перемещение рабочей силы деревни в малые города не может служить гарантией повышения жизненного уровня крестьян. В городах действительно необходимо избавиться от неэффективного производства в государственном секторе, а это влечет высвобождение рабочих и служащих, которые вынуждены искать работу в тех же малых городах. В Китае выражают уверенность, что с продвижением реформы и урегулированием экономической структуры давление на общественную занятость не может сильно увеличиваться. Китай далек от признания бесперспективности реформ, но фактом остается появление кризисных явлений, требующих совершенствования социальных реформ и оптимизации экономической структуры. Надежды на рост потребления при развитии малых городов и поселков городского типа опираются на опыт 80-х годов, когда рабочие и служащие городов и поселков были по удельному весу самой крупной группой потребителей. Однако ко второй половине 90-х годов в результате реформирования государственного сектора промышленности, закрытия части поселково-волостных предприятий увеличилось число безработных и уволенных с постов (“сяган”), особенно в обрабатывающей и добывающей промышленности на Северо-Востоке, Северо-Западе и Юго-Западе Китая. Потребительская способность рабочих и слу-

жащих городов и поселков стала ограничиваться не только страхом перед возможностью потери работы, но и грядущими индустриальными реформами в жилищно-коммунальной сфере, образовании, медицинском и пенсионном обслуживании. Возрастают сложности и демографической ситуации. В 2001-2010 гг. в Китае возрастет число лиц, достигших трудоспособного возраста: в 2001-2006 гг. — 16-18 млн человек, в 2007-2010 гг. — 13-15 млн. Даже без учета официально зарегистрированных безработных в городах и поселках ежегодно потребуется создавать более 19 млн рабочих мест. Преобладание среди безработных молодых людей и окончивших учебных заведения может послужить основанием для социально-политических волнений.

В начале XXI века более 45% населения, в том числе почти 38% крестьян, находятся в весьма противоречивом состоянии, способном в случае сильного неурожая или стихийных бедствий возбудить все китайское общество. Именно это заставляет правительство КНР и КПК думать о социальной ориентации экономической политики, борьбе с коррупцией и повышении жизненного уровня населения в условиях выбора рыночного пути развития. Социальная ориентация в политике доходов предусматривает оптимизацию роли государства в распределении доходов на макроуровне и расширение минимума социальных обязательств по основным страховым случаям, изменение соотношения между системой государственной социальной защиты и личной самозащитой с опорой на собственные силы, перераспределение источников по социальной защите с участием предприятия, общества и самого работника, адресный учет нуждаемости (в противовес праву по закону, культивирующему социальное иждивенчество), разграничение в социальной сфере между центром, провинциями и местными органами власти.

Та же неустойчивость материального положения в лице рабочих и служащих госпредприятий, абсолютного большинства крестьян и части других слоев китайского общества может служить социальной базой оппозиции углублению реформ. Роль партии в деле проведения реформы в процессе нарушения социальной справедливости и в условиях продвижения реформирования и реструктуризации может снизиться. Хотя выдвинутая теория тройного представительства включает защиту коренных интересов широких народных масс, но на практике обеспечить рост материальных и культурных потребностей 70% населения страны в условиях маркетизации всех уровней отношений чрезвычайно сложно.

Коркунов И.Н., к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН в своем выступлении обратил внимание на *социальную политику в китайской деревне*, на пути повышения эффективности производства и доходов крестьян. Отметив известные проблемы китайской деревни (низкая производительность труда — в 13 раз ниже, чем в промышленности; региональные различия в производстве и доходах; громадный излишек рабочей силы и одновременно ограниченность площади пахотных земель, мешающие введению крупномасштабного хозяйства; низкая доходность производства зерновых и т.д.) он сосредоточился на роли государства в осуществлении сильной социальной политики в китайской деревне, использующего экономические, правовые и административные рычаги.

Актуальной задачей для руководства КНР являются дальнейшие поиски оптимального баланса государственного вмешательства и частной инициативы, способного принести устойчивый рост производства продовольствия. Переход от мелкого сельского хозяйства к современному производству требует крупных финансовых затрат. Однако провозглашение сельского хозяйства приоритетной отраслью, отражающее его значение для жизнеобеспечения населения, не подкрепляется должным ростом расходов государства на развитие агросферы. В последние годы доля государственных вложений в сельское хозяйство фактически не увеличивалась. Так, в 2000 г. в агросферу было вложено в 10 раз меньше, чем в промышленность и строительство и в 20 раз меньше, чем в транспорт, связь, торговлю и услуги. На капитальное строительство на селе было направлено всего 36,1 млрд юаней, или 2,7% всех инвестиций на капитальное строительство по стране.

Основное место в финансировании аграрного сектора сохраняется за крестьянскими вложениями. В общем объеме финансирования сельского хозяйства государственные ассигнования, средства трудовых коллективов и собственные вло-

жения крестьян соотносятся как 2:1:6. Крестьяне берут на себя строительство и ремонт мелких ирригационных сооружений и другие работы, а их труд оплачивается из общественных фондов, образуемых за счет паевых взносов.

В последнее время стали нарастать негативные явления в социальной сфере, вызывающие серьезное беспокойство руководства КНР, особенно после присоединения Китая к ВТО в условиях низкой конкурентоспособности китайской сельхозпродукции на мировом рынке. В Китае признают, что «сельское хозяйство представляет собой слабое звено», «темпы его развития нестабильны», «трудности в деле повышения доходов крестьян усиливаются», что ставит под угрозу общие темпы роста ВВП. Предлагаемые меры по укрупнению земельных площадей отвергаются из-за опасения возрастания миграции крестьян в крупные города. Негативное воздействие на агросферу оказывает неравномерность модернизации экономики, когда ради ускоренного развития промышленности сельское хозяйство используется как важный источник накопления, что ведет к истощению его ресурсной базы.

Присоединение Китая к международной организации ВТО вносит определенные изменения в социальную стратегию КНР. Вследствие различий в эффективности агросферы, цены мирового продовольственного рынка ниже внутренних китайских цен. Поэтому в КНР принимаются меры по структурным изменениям в деревне в пользу более доходных видов продукции, усилению государственной поддержки, оказываемой аграрному сектору, предоставлению больших свобод крестьянам в определении структуры посевов, контролю над качеством и стимулированию конкуренции.

Бородич В.Ф., к.ю.н., старший научный сотрудник ИДВ РАН уделит главное внимание *политическому аспекту происходящей социальной трансформации китайского общества.*

С середины 90-х годов китайское руководство, придавая огромное значение все ускоряющимся процессам социальной трансформации в стране, предпринимает энергичные усилия прежде всего для их исследования.

В 1998 г. член Политбюро ЦК КПК, президент Академии общественных наук Китая Ли Теин призвал Институт социологии АОН Китая изучать изменения, происходящие в социальной структуре КНР после 1978 г. В итоге в 2002 г. коллективом авторов под общей редакцией Лу Сюэи был подготовлен и издан «Доклад об исследовании социальной стратификации современного Китая» (далее — Доклад).

Ко времени издания этого доклада в Китае несколько коллективов социологов опубликовали результаты своих научных изысканий в данной области. Концептуально все они заметно отличались от данного доклада. Если последний посвятил исследование *состоявшимся изменениям социальной структуры и социальной стратификации КНР*, то в других работах анализировались изменения социальной структуры КНР под углом зрения классового подхода, когда прежде всего рассматривается *трансформация рабочего класса и крестьянства.*

Политический контекст, главной составляющей которого в 2002 г. являлось намеченное на осень проведение XVI съезда КПК, позволяет предположить, что Доклад готовился коллективом авторов для научного обоснования позиции руководящего ядра КПК во главе с Цзян Цзэмином в связи с высказанной им идеей «трех представительств». Эта идея фактически оказывалась главным средством корректировки социальной базы правящей компартии, и именно ее содержание руководство КПК, видимо, планирует оформить на предстоящем партийном съезде в виде соответствующей поправки в Устав КПК.

Результаты, которые были получены авторским коллективом Доклада, свидетельствуют о том, что между масштабными, носящими принципиальный характер, изменениями в социальной структуре китайского общества, вызванными соответствующими им по масштабам и глубине изменениями всей экономической сферы, и неизменностью характера главной политической составляющей реформ — правящей коммунистической партии — в свете внешних и, особенно, внутренних вызовов, существует определенное противоречие. КПК как главный субъект «политики реформ и открытости» вывела китайское государство и общество в

принципиально иное *межстадиальное пространство*, часть которого отвечает требованиям постиндустриального общества (географически — это отдельные территории приморской части Китая), другая часть соответствует требованиям общества индустриального типа (индустриальные территории приморской и некоторых зон центральной части КНР), а третья часть — значительные по площади и населению территории центра и запада КНР, которые продолжают оставаться на доиндустриальной и аграрной стадиях развития. При этом характер самой правящей партии, как следует из ее Устава, соответствует лишь условиям предпоследнего и последнего из названных стадиальных пространств Китая.

Процессы социальной трансформации не могут не быть причиной серьезного беспокойства руководства КНР. КПК как главный субъект руководства политической реформ, надо полагать, чувствует, что объект реформирования, китайское общество, своими новыми качественными характеристиками, уровнем сложности предъявляет иные требования к субъекту реформ, к технологиям осуществления власти, обеспечения ее легитимности.

Китайскому руководству хорошо известны альтернативы нынешнему характеру КПК. Такие альтернативы продемонстрировали Россия и большинство бывших социалистических государств Восточной Европы. Суть альтернативы — в принципиальном реформировании не только центрального политического института, каким в социалистических странах были коммунистические, социалистические или социал-демократические партии, а всей политической системы.

Китайская модель пока представляется в виде корректировки характера центрального политического института, КПК. Российская и восточноевропейская — в реформировании политической системы путем отказа от центрального в прошлом политического института — правящей, и ее идеологии социализма.

Что касается других исследований по вопросу социальной трансформации КНР, распространенных одновременно с Докладом, то они, вполне возможно, отражают наличие в руководстве КПК альтернативы иного рода. В отличие от российской, “антисоциалистической”, эту альтернативу можно назвать социалистической альтернативой догматического толка. В отличие от идеи “прагматического социализма”, которая обосновывается сторонниками корректировки характера КПК, идея “догматического социализма” базируется на том, что если изменения социальной структуры общества будут углублением уже наметившихся тенденций, то обострения классовых борьбы не миновать, и что необходимо управлять социальными процессами, в частности необходимо сохранить за рабочим классом и крестьянством преимущественное положение в сфере политики.

Богданов Г.А., заведующий отделом социально-экономических проблем журнала “Проблемы Дальнего Востока” обратил внимание на *общее и особенное в понятиях “класс” и “слой” (страта)*. *Общее в них то, что речь идет о крупных группах людей*, особенное — в различии их по месту в общественном производстве, шире — в общественных занятиях, по их роли в общественном разделении труда, а отсюда — и по способам и размерам той доли богатства, которой они располагают. Выделение такого рода крупной группы людей в качестве страты данного общества есть фиксация того, что есть в социальной структуре общества. Оно может быть полезным в самых различных отношениях — политическом (отношение к представителям других страт, к режиму власти и отношению власти к представителям данной страты и т.п.), экономическом (удельный вес и влияние его на оптимизацию организации всех видов занятия в обществе, возможности и способности потребления, коммуникации и т.п.), социально-психологическом и т.д. и эффективным при решении очень важных задач общества и государства как управляющей системы.

Строго говоря, стратификация социальной структуры возможна и необходима в любом обществе, *если в нем не наблюдается антагонизма между большими группами населения*. В противном случае никакой средней класс не сможет выполнить роль стабилизатора политической обстановки в стране. Понятие “класс” и теория классовых борьбы были сформулированы и обоснованы классиками марксизма в эпоху чрезвычайно тяжелого положения рабочих в середине XIX в. Именно такое положение явилось социально-экономическим условием для форму-

лирования Марксом Закона об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса. Из него вытекали понятие "класс" как угнетенная или угнетающая общность людей, необходимость консолидации угнетенных масс, их организации в профсоюзы, партии для организованной борьбы за свои интересы.

Когда во второй половине 50-х годов XX в. в развитых капиталистических государствах была осознана необходимость сильной социальной политики в отношении рабочих прежде всего и по мере того, как эта необходимость стала претворяться в действительность, социально-экономические условия для действия выше-названного Марксова Закона утрачивались, в понятии "класс" выхолащивалось содержание боевитости, борьбы за интересы угнетенных рабочих и других крупных групп населения. Оказалось, что в известной мере в обществе можно консолидировать объективно противопоставленные страты, если будет выработана и осуществляться социальная политика, учитывающая интересы этих страт. Особенное в понятии "класс" в таких случаях микшируется, остается нечто общее с понятием "страта" — не до antagonизма доведенная противоположность страт.

В современном Китае, когда, как показано и в "Докладе об исследовании", маркетизация всех отношений в обществе неуклонно формирует условия для чрезмерного разрыва в доходах населения, а для громадных масс — просто сокращаются возможности жить и выживать, эти массы, независимо от отношения ученых и политиков к понятиям "класс" и "страта", вынуждены будут консолидироваться сначала, может быть, по профессиональному признаку, а затем и по признакам "класса". "Страта" — им не помощник. Очень многое говорит за то, что КПК отдает отчет в подобных трудностях: как сохранить политическую стабильность и продвигать дело модернизации. И в своих оценках ситуации КПК, очевидно, должна и будет исходить из понятия "класс". "Страта" в таких условиях бессодержательна, фиктивна своей индифферентностью к интересам таких чрезвычайно больших и важных групп населения, как крестьяне и рабочие Китая. В таких условиях "страта" только маскирует, прикрывает нерешенные острые социальные проблемы общества, убаюкивает тех, кто хотел бы отмахнуться от подкрадывающегося antagonизма классов. "Страта" весьма легко и без чьей-либо команды обретает боевитость "класса", если того требуют объективные условия == antagonизм классов.

Белелюбский Ф.Б., к.и.н., старший научный сотрудник ИДВ РАН высказал критические замечания относительно отказа разработчиков "Доклада об исследовании" от использования понятия "класс" и классового подхода в целом.

Авторы Доклада видят в термине "класс" конфликтность, antagonистичные начала. Такие тенденции действительно существуют не только в теории, но и в жизни. Но это — не вся правда. Нельзя доводить дело до antagonизма между крупными составными частями общества, необходимо, разумеется, не раздувание классовых противоречий, а сотрудничество нескольких классов для достижения общенациональной цели — построения независимого и сильного Китая. Нет оснований для категорического отказа от классового подхода. Просто надо умело его применять.

Баженова Е.С., к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН проанализировала демографическую политику как фактор усиления социальной дифференциации в ходе реформы. Обратив внимание на некоторые моменты демографической политики, она пришла к выводу, что проводимая в КНР демографическая политика, направленная на ограничение рождаемости, является важным фактором влияния на социально-экономическое развитие страны. Произошел переход к новому типу воспроизводства населения с умеренными показателями рождаемости и смертности, достаточно низкими темпами прироста населения, переход от большой патриархальной к малой семье. В условиях перехода к рыночным отношениям и усиления социальной дифференциации населения в КНР в XXI веке возникает новая серьезная проблема, а именно: обеспечение основными жизненными средствами населения в пожилых возрастах, которая ждет своего решения.

М.Л.Титаренко, член-корреспондент РАН, директор ИДВ РАН, отметил, что обсуждение на нынешнем "Круглом столе" было весьма интересным и полезным. Обсуждение этой темы явно назрело. Об этом свидетельствует активное участие в дискуссии такого большого числа специалистов самых различных подразделений Института. Приведенные в выступлениях количественные данные о социальных сдвигах в Китае, анализ качественных оценок этих сдвигов в китайской литературе и высказанные рядом выступавших соображения по этим вопросам представляют большой интерес для всех изучающих современный Китай и интересующихся Китаем, для читателей ПДВ. Нет необходимости доказывать, что существует непосредственная связь между социальными изменениями в китайском обществе и выдвигаемым руководством КПК концепции "трех представительств", направленной на то, чтобы еще более сплотить китайское общество, мобилизовать его наиболее активные силы на дальнейшее углубление реформ и модернизацию страны. Установка на прием в партию лиц с высокими доходами, в том числе частных предпринимателей и представителей новых профессий, направлена на то, чтобы расширить социальную основу партии, не оставить "за воротами" партии большие группы молодежи, овладевшей современной техникой, новыми "свободными" профессиями, наиболее активные элементы нарождающегося среднего класса, стабилизировать настроения новых предпринимателей -- выходцев из "ганьбу" и членов КПК.

В целом, речь идет об учете изменений в социальной базе правящей партии, о стремлении не допустить ее отрыва от быстро формирующихся новых социальных сил. Как пойдет этот процесс. — покажет будущее. Во всяком случае для специалистов Центра исторических и политических исследований Китая Института вопрос о динамике социальной базы КПК и ее социального состава — одна из центральных тем исследований.

Специалистам по вопросам социально-экономических проблем Китая следует продолжить и углубить анализ динамики эволюции основных социальных групп китайского города и деревни, обратив особое внимание на региональные различия развития этих процессов.

Надо обратить особое внимание на постановку вопроса в докладе Цзян Цзэминя от 1 июля 2001 г. и в последующих публикациях в китайской печати о необходимости пересмысления теории трудовой стоимости К.Маркса.

Ведь это означает, во-первых, признание необходимости рынка (как определителя стоимости) не только на "первоначальной стадии социализма", но и за ее пределами, а во-вторых, это означает пересмотр содержания понятия "эксплуатация", т.е. иной подход к определенным группам частных предпринимателей.

И последнее. При всем интересе материала и выводов часто упоминавшегося сегодня "Доклада" Института социологии АОН Китая, я бы не абсолютизировал всех оценок и определений его авторов. Было бы правильным рассматривать его положения как изложение одной из точек зрения на проблему социальных сдвигов в Китае, требующую дополнительных исследований и, возможно, известных уточнений и корректировок отдельных положений. И наше сегодняшнее обсуждение следует рассматривать как существенный, но первый шаг в изучении сдвигов в социальной структуре китайского общества.

Китай в ВТО: что делать России?

© 2002

М. Потапов, А. Салицкий

Российские аналитики весьма скупко отозвались на присоединение Китая к ВТО в конце 2001 г. На наш взгляд, это серьезнейшее упущение, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, ведя переговоры о вступлении в ВТО, российской стороне нужно быть хорошо осведомленной о наиболее свежем прецеденте такого рода. Актуальны и юридические детали, и общий подход к переговорам с указанной организацией крупной страны, проблемы и история экономического развития которой в некоторых отношениях сходны с российскими. Во-вторых, стремительно увеличивая свое присутствие на мировых рынках, Китай превращается в очень перспективного партнера и весьма опасного конкурента. Недооценка роли этой страны в мировой экономике может обернуться внушительными потерями.

Что, если Китай на деле станет ведущей экономической державой в мире, причем скорее, чем многие предполагают? Какое место в новой структуре мировой экономики тогда займет Россия? Такие вопросы показались бы просто нереальными шестнадцать лет назад, когда КНР подала официальную заявку на восстановление членства в ГАТТ, предшественника ВТО. Сейчас же на такие вопросы (как на один из вариантов возможного развития событий в обозримой перспективе) нужно искать ответ, имея в виду сложившееся экономическое взаимодействие Китая с его основными партнерами. Некоторыми наблюдениями на этот счет в связи с китайским и российским подходами к ВТО нам хотелось бы поделиться с читателями.

1. Общая оценка условий вступления КНР в ВТО

"Камнем преткновения" в обсуждавшихся условиях вступления Китая в ВТО являлся не столько доступ на его рынок (снижение тарифов, отмена количественных ограничений, либерализация сферы услуг и т.п.), сколько проблемы прозрачности экономического режима страны, формирования ее правовой, административной и институциональной системы, механизмов выполнения принимаемых обязательств. Во многом такие акценты были связаны с американской идеей вовлечения Китая в мировое сообщество, определявшей политику администрации Б.Клинтон в отношении КНР. Основные вопросы на заключительном этапе переговоров, по которым стороны вели ожесточенные споры, можно сгруппировать следующим образом: отмена системы обязательного планирования, директивного выполнения экспортно-импортных планов в

Потапов Максим Александрович, доктор экономических наук, начальник отдела координации внешнеэкономических связей и сотрудничества с международными организациями Управления зарубежных связей ОАО "Газпром".

Салицкий Александр Игоревич, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект №01-02-00122а.

КНР; перевод системы ценообразования в Китае на рыночные рельсы (обсуждение этого блока вопросов в ВТО связано с процедурой антидемпинговых расследований); унификация налоговой системы в Китае, введение единого налогового режима для импортных и национальных товаров, а также национального режима для иностранных инвесторов; прозрачность внешнеторгового режима, системы лицензирования и квотирования, рынка государственных закупок в КНР; либерализация доступа зарубежных предпринимателей на внутрикитайский рынок услуг; отмена субсидирования экспорта, финансирования поддержки госпредприятий и протекционистской защиты сельского хозяйства; введение единого режима контроля над качеством товаров, включая систему сертификации качества; создание в Китае механизма независимого юридического контроля и арбитражных судов и т.д.

Уже тот факт, что вопрос о присоединении Китая к ВТО стал одним из основных в его отношениях с развитыми странами Запада, говорит о признании последними значимости стремительного роста экономического потенциала КНР, об уходе на второй план противоречий политико-идеологического характера. Прагматизм в отношении к Пекину сочетался с расчетами развитых стран влиять на эволюцию экономической и политической системы КНР посредством выдвижения требований по осуществлению рыночных преобразований. При этом необходимо подчеркнуть, что Китай, делая уступки Западу и реформируя внешнеэкономическую систему, сохранял высокообобщественную экономику с централизованным регулированием, а западный бизнес, наращивая свое присутствие на китайском рынке, достаточно умело к этому приспособился.

Китай цепко торговался на переговорах с ВТО. Вплоть до конца 90-х годов средний уровень таможенного тарифа КНР превышал уровень таможенного обложения развивающихся стран (15,5%) и был значительно больше показателя развитых стран (4,9%) (см.табл.1). При этом следует напомнить, что итогом Уругвайского раунда переговоров в рамках ГАТТ (1986-1994 гг.) явилось соглашение о снижении среднего уровня таможенных пошлин до 3,5% для развитых стран и 10% для развивающихся стран (последний показатель согласно обязательствам китайской стороны будет достигнут лишь к 2005 г.). Противоречит нормам ВТО и китайская преференциальная налоговая политика в открытых экономических районах страны¹. Помимо этого, надо признать, что ставки таможенного тарифа КНР, превышающие 25%, до последнего времени охватывали до трети общего тарифного списка, а тарифные ставки менее 5% составляют менее 10% общего их списка².

Количественные ограничения, действующие в Китае, распространялись в 2000 г. примерно на 20% китайского импорта. В ближайшие годы по соглашениям с ВТО они сохранятся по пятнадцати товарным группам: нефтепродуктам, ряду химических товаров, автомобилям и мотоциклам, кондиционерам, телевизорам и др. В период до 2005 г. предусмотрена постепенная отмена квотирования и лицензирования.

Таблица 1

Снижение импортных таможенных тарифов КНР в 80-90-е годы

Дата	Количество наименований товаров, по которым снижен тариф	Средний уровень тарифа после снижения (%)
1982 г.	...	55,6
1985 г.	...	43,3
1988 г.	...	43,7

Дата	Количество наименований товаров, по которым снижен тариф	Средний уровень тарифа после снижения (%)
январь 1991 г.	...	44,1
апрель 1992 г.	225	43,2
декабрь 1992 г.	3771	39,9
декабрь 1993 г.	2898	36,4
январь 1994 г.	283	35,9
апрель 1996 г.	4971	23,0
октябрь 1997 г.	4874	17,0
январь 2000 г.	1021	16,4
январь 2001 г.	3462	15,3
январь 2002 г.	...	12,0
2005 г. (план)	...	10,0

Составлено по: Lardy N. *Integrating China into the Global Economy*. Wash., 2002. P.34-35; *Проблемы Дальнего Востока*. 1999. №3. С.64-65; Гоцзи шанбао. 1996. 1 декабря; *China Daily. Business Weekly*. 15 December 1996; *China Daily*. 27 November 2001; ИБАС. 2002. 12 марта.

Анализ договоренностей по вопросу о вступлении КНР в ВТО свидетельствует о том, что сделанные Китаем уступки повлекут за собой немалые проблемы, связанные с обострением конкуренции как на его внутреннем рынке — в автомобилестроении, черной металлургии, нефтехимии, сельском хозяйстве, так и в экспортном секторе. Открытость рынка может привести к закрытию сотен неэффективных государственных предприятий и массовому сокращению рабочих мест³.

Вместе с тем китайская сторона устами ее руководителя Цзян Цзэминя назвала заключенное соглашение о вступлении в ВТО "взаимовыигрышным" для всех сторон. В Китае не без оснований рассчитывают на выигрыш по многим параметрам, прежде всего в сфере расширения экспорта и увеличения притока в страну передовых технологий.

Последствия структурной перестройки и роста безработицы в уязвимых секторах экономики планируется компенсировать за счет расширения производства и занятости в экспортном секторе других отраслей: производстве текстиля и готовой одежды, обуви, бытовой электроники, спортивных товаров, электрооборудования, кожаных изделий и т.д. Поскольку опора на экспорт трудоемкой продукции имеет свои пределы, технологическая модернизация в обрабатывающей промышленности ориентируется на экспорт продукции с растущей долей добавленной стоимости и требующей высокой квалификации. Ожидается также, что потеря части бюджетных доходов из-за снижения ввозных пошлин будет компенсирована за счет существенного расширения легального импорта, прежде всего акцизных товаров (спиртные напитки, сигареты и т.п.)⁴.

Надо признать, что Китай принял ряд завышенных по сравнению со стандартными условиями требований в связи со вступлением в ВТО. Речь, в частности, идет о принятии близких к уровню развитых стран — членов ВТО обязательств о доступе на рынок услуг, а также о дополнительном снижении пошлин на определенные группы товаров, о присоединении к Соглашению по информационным технологиям, полному отказу от субсидирования экспорта сельхозпродукции.

По соглашениям с ВТО Китай существенно ослабил государственную монополию во внешней торговле: в течение трех лет после присоединения бу-

дет формально ликвидирована система ведения экспортно-импортных операций с рядом товаров (натуральный каучук, древесина, сталь и прокат) специально уполномоченными компаниями. Государственным внешнеторговым компаниям оставлено преимущественное право ведения внешней торговли зерновыми, нефтью и нефтепродуктами (для частных компаний зарезервирована увеличиваемая квота; см.табл.2), удобрениями, хлопком и хлопковым волокном, табаком и сигаретами, сахаром, некоторыми видами растительных масел, вольфрамовыми рудами и концентратами, чаем, углем и коксом, шелком, серебром, сурьмой. На большинство перечисленных позиций, а также медикаменты (около 40 товарных групп) сохранится и государственное ценообразование. Оно распространяется также на соль, природный газ, тарифы на коммунальные услуги, плату за жилье и воду для орошения, почтовые, телекоммуникационные, образовательные, транспортные и некоторые профессиональные услуги (архитектурные и инженерные, юридические, бухгалтерские, арбитражные, нотариальные, регистрационные и др.).

Таблица 2

**Квоты на торговлю нефтью и нефтепродуктами
для негосударственных компаний КНР**

	Квота на конец 2001 г. — дату вступления в ВТО (млн т)	Ежегодный прирост квоты (%)
Нефть	4,0	15,0
Нефтепродукты	7,2	15,0

Источник: World Trade Organization. Report of the Working Party on the Accession of China. Doha, 9-13.October 2001. P.96.

Очевидно, однако, что сохранение в руках государства разнообразных и мощных средств контроля над внешнеэкономической политикой существенно облегчает защиту внутреннего рынка там, где это необходимо, а также принятие ответных мер в случае серьезного нарушения прав китайских экспортеров.

Следуя идеям самообеспечения и максимизации добавленной стоимости, Китай сохраняет экспортные пошлины на многие сырьевые товары и полуфабрикаты, что зафиксировано в соглашениях с ВТО по 85 позициям. Для защиты внутреннего рынка Китай широко использует технические стандарты и условия. При наличии определенного прогресса в переходе на международные стандарты, его никак не назовешь стремительным: в течение последних 20 лет сфера использования международных стандартов расширилась с 12% до 40%. По соглашению с ВТО, КНР обязалась расширять сферу действия международных стандартов на 10% каждые 5 лет.

В сфере услуг, практически закрытой для зарубежного бизнеса в течение всего предшествовавшего периода реформ, КНР по соглашениям с ВТО пошла на ограниченную и поступательную либерализацию. Практически во всех отраслях предусмотрено постепенное расширение географии деятельности иностранного капитала и повышение его участия в капитале совместных предприятий. В ряде случаев будет допущено полное владение предприятиями. Определен также круг разрешенных операций. Ограничительные схемы предусмотрены соглашениями в области туризма, внутренней торговли, профессиональных услуг адвокатов, архитекторов, инженеров, подрядчиков, медиков, бизнес-консультантов, преподавателей и т.д. Мотивация таких ограничений, как правило, весьма прозрачна: преследуются цели расширения занятости китайского населения, сохранения для национальных агентов наиболее

выгодных операций, облегчения контроля над деятельностью иностранного капитала и развитием хозяйства в целом.

Ряд ограничений Китай зарезервировал в отношении либерализации сектора финансовых услуг, которая будет по-прежнему проходить поэтапно, в том числе в географическом плане. Достаточно сложна процедура создания в КНР банковских и финансовых учреждений с участием иностранного капитала, для чего требуется достаточно высокий объем активов, предварительное присутствие на китайском рынке в течение определенного времени и т.п. Для получения возможности проведения операций с юанями по китайским законам необходимо иметь определенный опыт работы на китайском рынке, минимальный объем кредитования, прибыльность в течение определенного периода и т.д.

Наконец, помимо чисто экономических рычагов, государство в Китае сохраняет в своих руках средства массовой информации и имеет широкие возможности воздействия на хозяйственную поведение населения и предпринимателей. Для него не представляет особых проблем запустить (и остановить) в случае нужды эффективные кампании типа «покупай только китайское» и т.п.

Переговорная политика КНР о вступлении в ВТО на рубеже веков отражала поиск Китаем новой стратегии экономического развития, основанной на долгосрочном интенсивном устойчивом росте, эффективном размещении ресурсов и в меньшей степени на задействованных в прошлые годы факторах — высокой норме инвестирования и краткосрочном фискальном стимулировании. Новая стратегия неразрывно связана с повышением уровня внутренней конкуренции в национальной экономике, стимулированием развития негосударственных форм собственности, включая частный сектор, с большей степенью открытости экономики внешнему миру. Речь по сути идет о переосмыслении Китаем восточноазиатской модели развития с учетом опыта преодоления азиатского финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг. и современных реалий глобализации.

Важным аспектом в области корректировки модели экономического развития КНР в целях поддержания его устойчивого роста и усиления международной конкурентоспособности является достижение большей взаимодополняемости таких традиционных отраслей обрабатывающей промышленности, как производство текстиля и одежды, бытовой электроники, автомобилей и телекоммуникационного оборудования на основе увеличения объема инвестиций и притока финансовых ресурсов частного сектора на их модернизацию. Серьезным вызовом в этой области является предстоящее в 2004 г. вступление в силу Многостороннего соглашения по текстилю и одежде в рамках ГАТТ/ВТО и связанная с ним отмена квот на ввоз текстильной продукции и готовой одежды.

В корректировке национальной стратегии развития Китая важное место будет иметь поиск баланса экспортно-ориентированного роста и расширения производства (спроса) на внутреннем рынке. Дальнейшее привлечение иностранных инвестиций в китайскую экономику, как представляется, будет более тесно увязываться с их рациональным, с точки зрения развития национальной промышленности, размещением в базовых и высокотехнологических отраслях производства.

Согласованные условия вступления КНР в ВТО отразились в новой редакции Положения КНР об отраслевом регулировании привлечения иностранных инвестиций (утверждено Госсоветом КНР в марте 2002 г., вступило в силу с 1 апреля 2002 г.). В Положении увеличено число отраслей, открытых для иностранных инвесторов — со 186 до 262, в то же время число "закрытых" отраслей сократилось со 112 до 75.

В списке отраслей, *запрещенных* к допуску иностранного капитала, остались сферы, обеспечивающие экономическую безопасность, связь, воздушное движение, оборонная промышленность, средства массовой информации, кино-видеоиндустрия. Новый каталог отраслей, по сравнению с предыдущими редакциями, ослабил ограничения на долю, которую иностранные инвесторы могут иметь в совместных проектах. Отныне не требуется, чтобы китайской стороне принадлежал контрольный пакет акций на совместные причалы в портах. Сферы, ранее запретные для иностранных инвестиций, такие как городские сети коммуникаций, газо-, тепло- и водоснабжения, впервые открыты для зарубежных бизнесменов. Китай также открыл доступ для иностранных инвесторов в банковское и страховое дело, в сферу аудиторских, юридических, консультационных услуг, туризма, во внешнеторговую, транспортную, телекоммуникационную деятельность и другие сферы услуг, которые ранее допускались в КНР в ограниченных масштабах (с разрешения центра).

Положение *поощряет* иностранных инвесторов вкладывать капитал в западные районы страны, снимает отраслевые ограничения на возможность их участия и долю. К приоритетным сферам для привлечения иностранного капитала отнесены: комплексное использование природных ресурсов и освоение возобновляемых ресурсов; техническая реконструкция традиционных производств машиностроительной, легкой и текстильной промышленности; модернизация традиционного сельского хозяйства и его индустриализация; авиация и космонавтика; инфраструктура в области транспорта, энергетики и добычи сырья; городское коммунальное хозяйство; информационные технологии; биоинженерия, новые материалы; охрана окружающей среды.

2. Влияние вступления Китая в ВТО на его основных партнеров

В США договоренности по вопросу о вступлении КНР в ВТО вызвали противоречивые оценки. Американская администрация дала им положительную оценку. Одобрительно воспринял соглашение крупный американский бизнес, прежде всего сельскохозяйственный, телекоммуникационный, автомобильный, банковский, страховой и финансовый, для которого открылись новые возможности сбыта своей продукции на китайском рынке, доступа на него, в том числе для организации совместных и полностью иностранных производств.

Однако часть американских законодателей, а также руководство профсоюзов настроены резко отрицательно. Профсоюзы справедливо опасаются, что после снятия тарифных барьеров дешевые китайские товары окончательно захлестнут американский рынок. По оценкам Американского института производителей текстиля, вступление Китая в ВТО после отмены квот на ввоз в США одежды и текстиля может стоить Соединенным Штатам потери 150 тыс. рабочих мест в отрасли, в результате чего американская легкая промышленность будет вынуждена чуть ли не прекратить свое существование.

Несмотря на то, что КНР согласилась на более либеральные условия присоединению, чем те, которые практикуют отдельные участники ВТО из числа развивающихся стран (например Индия), ряд аспектов, связанных с либерализацией китайской экономики, вызывает у американцев вопросы и обоснованную критику. Речь идет, главным образом, о сфере телекоммуникационных и финансовых услуг, защите прав интеллектуальной собственности, экономически рациональном механизме выдачи внутренних кредитов, широком распространении скрытого субсидирования неэффективных действующих госпредприятий и т.д. При этом, похоже, в развитых странах есть понимание того, что, учитывая значительный потенциал КНР как производителя конкурен-

тоспособной продукции и роль, которую играют в этой стране государственные торговые предприятия, присоединение к ВТО на условиях развивающейся страны в полном объеме было бы невозможно для Китая с точки зрения поддержания национальной экономической безопасности.

В ходе переговоров с США по вопросу о вступлении в ВТО Китай настойчиво требовал предоставления себе *режима нормальных торговых отношений (РНТО)* на постоянной основе⁵. В противном случае, как заявляли китайские представители, заключенные договоренности с США потеряют силу и само вступление КНР в ВТО окажется под вопросом. В американском же конгрессе до последнего момента преобладали настроения не торопиться с рассмотрением вопроса о предоставлении Китаю постоянного РНТО до его вступления в ВТО.

Одобрение в Конгрессе США предоставления Китаю РНТО на постоянной основе и обсуждение условий его присоединения к ВТО проходили непросто. Многие конгрессмены указывали на нарушение прав человека в Китае, его стремление стать мощной военной державой и составить угрозу для остального мира. В Соединенных Штатах также опасались невыполнения Пекином взятых им обязательств. Тем не менее палата представителей Конгресса США (в мае 2000 г.) и сенат (в сентябре 2000 г.) приняли решение о предоставлении КНР режима нормальных торговых отношений на постоянной основе, которое вступило в силу после официального приема Китая в ВТО в декабре 2001 г. Президент США Б.Клинтон 12 октября 2000 г. подписал соответствующий закон.

Очевидно, что основная причина непредоставления Китаю постоянного РНТО до его вступления в ВТО, и это признают даже американские экономисты, состояла не столько в защите прав человека (хотя, конечно, РНТО играл роль рычага давления на Пекин по этому вопросу), сколько в защите своих производителей в их конкуренции с китайской продукцией, созданной дешевой рабочей силой. С другой стороны, решение американских законодателей о предоставлении Китаю РНТО свидетельствует о том, что реальные экономические интересы, обуславливаемые глубокой завязанностью американского бизнеса на китайский рынок, в конечном счете перевесили политические или идеологические антипатии. Окончательное согласие США на вступление Китая в ВТО (уже в рамках многосторонних переговоров) было дано с учетом того, что в протоколе о присоединении КНР были отражены такие специфические, не в полной мере соответствующие стандартным нормам ВТО условия, как, например, возможность применения защитных мер против китайских товаров, специальные положения, касающиеся недобросовестной конкуренции, и ряд других.

Говоря о будущем китайско-американских торгово-экономических отношений, можно прогнозировать, что вступление КНР в ВТО кардинально не решит весь комплекс острых проблем взаимоотношений сторон. Так, не стоит ожидать изменения состояния дефицита торгового баланса у США в торговле с Китаем (около 60 млрд. долл. по китайским оценкам), а это значит, что торговые споры и возможные войны между США и КНР не прекратятся. Дело в том, что таможенные тарифы КНР, с учетом уже имевшихся льгот и преференций для иностранного капитала, после вступления в ВТО снизились ненамного, квотирование и лицензирование в Китае носит ограниченный характер, американский экспорт в КНР вряд ли увеличится, а вот ввоз в США текстиля, электроники и других товаров из Китая наверняка возрастет.

Первый показательный шаг Китая как члена ВТО в рамках этой организации — участие в протесте вместе с Евросоюзом, Японией и другими странами против повышения американских импортных тарифов на сталь, хотя для КНР это не стало слишком болезненным шагом, так как экспорт китайской стали в США относительно невелик и составляет около 700 тыс.т стоимостью 350 млн долл. С другой стороны, достаточно болезненны для США введенные Китаем в соответствии с правилами ВТО, по причине нарушения санитарных норм, ограничения на закупку американских соя-бобов, произведенных с использованием биоинженерных технологий и генетических добавок общей стоимостью 1 млрд долл.

В долгосрочной перспективе быстро развивающийся Китай рассматривается влиятельными группировками в США в качестве источника угрозы: их интересам, к примеру, не отвечает план китайского правительства о введении "золотого юаня", способного ослабить позиции доллара. Однако плотность экономических связей и растущая взаимозависимость не дают повода говорить о грядущем разрыве в китайско-американских отношениях. Изоляция Китая от мировой экономики могла бы нанести серьезный удар по американским интересам, а развитие экономических связей и углубление интеграции Китая в мировое хозяйство подталкивают проведение в стране экономических реформ и повышение степени открытости экономики КНР внешнему миру.

Многое из того, что сказано о внутренних стимулах китайско-американских экономических отношений и интересах сторон, также верно и для отношений КНР с *Евросоюзом*. Заключенное соглашение в рамках переговоров Китая с ВТО стало компромиссным. Его параметры соответствовали ранее достигнутому китайско-американским договоренностям, которые определили принятие КНР аналогичных обязательств перед другими странами, включая ЕС. Можно сделать вывод о том, что готовность китайцев к компромиссам в ходе заключения двусторонних соглашений по тарифным уступкам и некоторому "перевыполнению" норм ВТО по либерализации рынка в ряде секторов, в частности, по финансовым и страховым услугам, телекоммуникациям, в целом учитывала текущее состояние китайской экономики, ее способность адаптироваться к новым условиям. Достигнутые договоренности явно нацелены на втягивание европейцев в программу модернизации КНР и, несомненно, будут активно использоваться Пекином в качестве аргумента в пользу расширения экономического сотрудничества, прежде всего в сфере передовых технологий и для стимулирования заинтересованности ЕС в сохранении внутривосточной стабильности в Китае.

Как и китайско-американские отношения, торговые отношения КНР с Евросоюзом, по нашим прогнозам, также не окажутся идеальными со вступлением КНР в ВТО. Китай уже ответил протестом на запрет, введенный ЕС в январе 2002 г., в отношении поставок кормов и продовольственных товаров из КНР из-за выявления в них следов запрещенных антибиотиков на общую сумму 328 млн евро. Протест стал первым после приема страны в ВТО выступлением Китая с решительной критикой в адрес ЕС в торговой сфере. Подавая жалобу на ЕС в ВТО, Китай чувствовал себя в относительной безопасности: правила ВТО защищают Китай от повышения таможенных пошлин со стороны ЕС на многомиллиардную китайскую продукцию обрабатывающей промышленности. Смеем предположить, что торговый спор не зайдет далеко и не послужит препятствием для поступательного развития китайско-европейской торговли, объем которой превысил в 2001 г. 76 млрд долл, а торговый дефицит у ЕС с Китаем — 40 млрд долл.

Большое значение вступление Китая в ВТО имеет для его соседей по региону — *стран Восточной и Юго-Восточной Азии*. Для большинства из

них Китай, обладая емким внутренним рынком, является ведущим взаимовыгодным торговым и инвестиционным партнером: первым торговым партнером Гонконга, вторым — для Японии, третьим — для Тайваня и Республики Корея, четвертым — для АСЕАН.

Сянган (Гонконг) со вступлением КНР в ВТО, как представляется, будет продолжать (в убывающей мере) играть роль торгового посредника, усиливая свое значение как международный, региональный и внутрикитайский деловой центр. Подтверждением тому являются функционирующие на территории представительства зарубежных компаний, наряду с открывающимися представительствами китайских фирм с материка. Сянган сохраняет свое особое место на экономической карте региона благодаря открытию для иностранных предпринимателей китайской сферы услуг. Учитывая колоссальный внутренний рынок КНР, можно прогнозировать, что Сянган и Шанхай, по крайней мере в обозримом будущем, будут играть взаимодополняющую роль: первый — в Южном и Юго-Восточном Китае, а второй — в восточных и центральных внутренних районах страны.

Постепенное экономическое сближение КНР с *Тайванем* — залог снижения политического и идеологического накала напряженности по обеим сторонам пролива. Основа для этого — 2/5 общего объема тайваньских инвестиций и четверть экспорта острова, которые идут на материковый Китай. Укреплению торгово-инвестиционных связей, наряду с присоединением КНР и Тайваня к ВТО, послужат ожидаемое открытие прямых морских и воздушных перевозок, снятие нетарифных ограничений со стороны Тайваня на ввозимые китайские товары и на инвестирование тайваньскими предпринимателями на материке, создание там высокотехнологичных производств.

Открытие китайского рынка в связи со вступлением КНР в ВТО стало в целом благоприятным экономическим событием для *Японии*, поскольку это непосредственно затрагивает и экспорт японской промышленной продукции, прежде всего автомобилей, и японского предпринимательского капитала в Китай. С другой стороны, дешевые китайские товары, которые получают доступ на японский рынок, помогут оптимизировать высокостойкую структуру потребления в самой Японии. Существующая экономическая взаимодополняемость, выражающаяся как в товарной структуре торговли, так и в различных видах кооперационных связей (поручительская переработка и сборка, компенсационная торговля и т.д.), позволяет прогнозировать дальнейшее увеличение и без того громадного объема двусторонней торговли, как и прямых японских инвестиций в КНР.

Вступление Китая в ВТО *страны АСЕАН* встретили настороженно. По опросу, проводившемуся журналом "Фар Истерн Экономик Ревью" в сентябре 1999 г., 38% опрошенных респондентов из Филиппин посчитали, что вступление Китая в ВТО нанесет экономический ущерб их стране, 30% опрошенных из Таиланда и 27% — из Индонезии придерживались аналогичной точки зрения. Для таких настроений, безусловно, есть объективное основание. Из-за снижения импортных тарифов КНР обострилась потоварная конкуренция за американский и европейский рынки, да и поток инвестиций, прежде всего из США, переключился на Китай, на который теперь приходится почти 80% всех прямых иностранных капиталовложений в Восточную и Юго-Восточную Азию (без Японии).

С отменой квот на ввоз текстиля и одежды к 2005 г. производство текстильной продукции в странах Юго-Восточной Азии, которое в значительной степени контролируется сянганским капиталом, может переместиться в КНР. Причиной тому будет не только более низкая стоимость продукции, но и сравнительно высокий технологический уровень производства и производительности труда, улучшенная инфраструктура. Это же

касается и производств бытовой электронной продукции. Причем, учитывая эти факторы, в последнее время крупнейшие ТНК (Моторола, Сони, Тошиба, Филипс и др.) переходят от отдельных технологических линий по сборке продукции к созданию в Китае полного производственного цикла. Приморские районы КНР в этой схеме выступают как конкуренты по производству продукции с высокой долей прибавочной стоимости, а внутренние районы делают акцент на производство дешевых трудоемких товаров. В целом регион Северо-Восточной Азии после азиатского финансово-экономического кризиса, благодаря членству Китая в ВТО, стал, на наш взгляд, более привлекательным для иностранных инвестиций по сравнению с Юго-Восточной Азией (странами АСЕАН).

Китай пытается сгладить связанные с этим противоречия инициативой по созданию зоны свободной торговли КНР-АСЕАН, обещая предоставить в распоряжение Ассоциации потенциал своего рынка и доступ на него. Экономика КНР, как показал азиатский финансовый кризис, стала мощным фактором развития региона. Китай выступает инициатором ряда региональных проектов строительства инфраструктуры и развития стран региона, важнейший среди которых — проект развития бассейна реки Меконг на границах Таиланда, Лаоса, Камбоджи и Вьетнама.

Экономическая угроза, исходящая от Китая предпринимателям асеановских стран, может быть преодолена, и это зависит прежде всего от самих государств АСЕАН и их экономик: реализация откладываемых структурных реформ должна способствовать решению проблем, связанных с обострением конкуренции на внешнем рынке, в том числе с Китаем. От вступления КНР в ВТО выиграют те страны АСЕАН, которые будут иметь хорошо налаженные торгово-экономические связи с Китаем, чья продукция будет конкурентоспособна и будет пользоваться спросом на мировом рынке, в том числе в КНР. Пока к этому более готовы Япония, Республика Корея и отдельные таможенные территории (по терминологии ВТО) — Гонконг и Тайвань. Страдают же от конкуренции с КНР имеющие сходную торговую структуру экспорта и структурные экономические проблемы государства Южной и Юго-Восточной Азии.

3. Влияние вступления Китая в ВТО на мировую экономическую систему

Опыт экономического развития Японии, Китая, новых индустриальных стран и территорий показал, что не существует единой модели развития, имеются лишь общие особенности, присущие так называемому азиатскому экономическому чуду, среди которых обычно отмечают высокую норму сбережений и инвестиций, экспортную ориентацию и сильное государственное регулирование хозяйства.

Подчеркнем, что речь в Китае не идет о полном отказе от старой парадигмы экономического развития. Первоочередные задачи, которые требуется решить для достижения устойчивого развития и повышения конкурентоспособности национальной экономики на мировом рынке, политическая и экономическая элита Китая видит в переоценке сложившейся модели развития в сторону акцента на интенсивные факторы роста, обеспечивающие технологическую модернизацию промышленности и инфраструктуры, в том числе в сфере информационно-коммуникационных технологий; в повышении качества людских ресурсов; в содействии частному предпринимательству в наукоемких отраслях; в налаживании производства продукции и услуг, соответствующих международным стандартам качества; в достижении большей прозрачности в отношениях между государством и частным сектором. Ограничительно-поощрительный принцип взаимодействия с

иностранным капиталом сохраняет в Китае свое значение. В стране по-прежнему стимулируются отдельные высокотехнологичные направления, развитие инфраструктуры в отсталых районах и т.п., а борьба за рынки и ресурсы продолжается в более скрытых формах. Одна из областей жесткого соперничества между иностранными и национальными производителями — быстро растущие рынки компьютеров и комплектующих, мобильной связи, фармацевтики и т.п.

Вступление Китая в ВТО, по нашему мнению, прямо и косвенно повлияет на мировую экономику. Так, ожидаемый значительный прирост китайского экспорта приведет, по крайней мере в краткосрочном плане, к росту предложения соответствующих товаров на мировом рынке и снижению цен на них. Одновременно существенное расширение импорта в Китай, напротив, обусловит сокращение предложения некоторых групп товаров и, соответственно, повышение цен. Эти тенденции ухудшат внешнеторговые условия для Китая, но окажут положительное влияние на позиции европейской и американской экономик и, в свою очередь, сократят пассивное сальдо их торгового баланса с КНР.

Рост китайского экспорта и импорта не приведет к росту мировой торговли в том же объеме, а лишь частично заменит прежние модели взаимодействия. Такой эффект вытеснения затронет прежде всего сравнимые с Китаем по уровню развития экономики страны, конкурирующие с ним. В первую очередь, пострадают экономики стран Юго-Восточной Азии, Южной Америки и Восточной Европы. Так, рост китайского экспорта трудоемкой продукции, особенно текстиля и одежды, по нашим оценкам, будет в значительной степени происходить за счет вытеснения с рынков сбыта производителей Южной Азии и Латинской Америки (Индии, Пакистана, Мексики и др.), экономический рост которых в результате этих процессов может несколько замедлиться. С другой стороны, возможное увеличение прямых инвестиций в Китай из западных стран, включая Японию, произойдет за счет дальнейшего снижения доли стран АСЕАН как места приложения капитала.

Ведущие национальные компании Китая приобрели достаточный опыт и ресурсы для осуществления крупных проектов с зарубежными корпорациями (или даже конкуренции с ними) на относительно паритетных началах. Соответственно, не выглядит большой угрозой постепенная либерализация деятельности иностранного капитала в стране, которая воплотилась в договоренностях с ВТО. КНР взяла на себя обязательства в области постепенной ликвидации таможенных и налоговых преференций в районах с особым режимом, ведя дело к сближению юридических и налоговых условий хозяйственной деятельности на территории страны.

Реформы по линии ВТО в целом вписываются в новый этап преобразований в китайской экономике. Правительство КНР взяло курс на освобождение бизнеса от чрезмерной опеки государства, разгосударствление малых и средних предприятий, создание на базе крупных структур современных корпораций, способных выдержать конкуренцию со стороны иностранных товаропроизводителей. Важнейшим направлением государственной экономической политики будет развитие транспортной инфраструктуры, а также волоконно-оптической связи для повсеместного охвата всех частей страны общенациональными сетями.

В результате реализации этих планов в Китае, по-видимому, будет формироваться более интегрированная экономика. Необходимо заметить, что внешнеэкономический сектор с иностранным участием пока лишь фрагментарно связан с общим народнохозяйственным комплексом КНР. При этом характер участия государственных предприятий обрабатывающей промышленности в международной

торговле резко отличается от модели, используемой большинством совместных с иностранным капиталом компаний в КНР: у первых доля в продукции компонентов, произведенных в Китае, составляет 62,5%, у вторых — лишь 14,6%. Особенно сильно распространены сборочные ("отверточные") производства на юго-востоке страны — в провинциях Гуандун и Фуцзянь, в специальных экономических зонах и районах технико-экономического развития. Справедливо говорить о недостаточной внутренней экономической интегрированности страны, инерции самообеспечения, очаговости и т.п. Все эти проблемы, включая роль центра в формировании рынка, облагораживании бизнеса, координации региональной внешнеэкономической деятельности исключительно актуальны для России, слегка запутавшейся со всевозможными зонами, союзами и интеграционными проектами.

Таблица 3

Доля предприятий с иностранным участием во внешней торговле КНР (%)

	1990	1995	1998	1999	2000	2001
Экспорт	12,6	31,5	44,1	45,4	47,9	50,1
Импорт	23,1	47,7	54,7	51,8	52,1	51,7

Источник: информационная база МВТЭС КНР (www.moftec.gov.cn).

Важной особенностью является то, что собственность на землю в Китае остается государственной. Ставки арендной платы дают достаточные рычаги воздействия на зарубежного инвестора. Максимальные сроки аренды определены законом на 70 лет для жилых зданий, на 50 лет — для промышленных объектов, комплексного развития, учреждений культуры, науки и образования и 40 лет — для коммерческих и туристских объектов. Еще одна особенность Китая состоит в том, что там сравнительно редки случаи приобретения иностранным инвестором китайских предприятий: около 5% прямых капиталовложений в КНР.

Китай дал пример хорошего творческого подхода к целенаправленному повышению качества участия страны в международном разделении труда, в работе международных организаций и т.п. При этом он ставил своей целью не ломку существующих порядков, а дополнение и преобразование имеющихся институтов, что, кстати, теперь весьма одобрительно оценивается ведущими международными чиновниками⁷.

Большой и практически интересный для России вопрос — будет ли Китай скрупулезно выполнять все свои обязательства, зафиксированные при вступлении в ВТО. По нашему мнению, серьезных оснований сомневаться в этом нет. В пользу данного вывода говорит предыдущий опыт реализации двусторонних договоренностей с США. К тому же надо отметить, что реализацию некоторых обязательств в связи с вступлением в ВТО Китай начал осуществлять досрочно. Это касается условий доступа на рынок, снижения импортных тарифов, в том числе в области телекоммуникационных услуг, строительства, розничной торговли, туризма, торговли нефтепродуктами, строительства газопроводов и распределительной газовой сети. Хотя, надо признать, полного выполнения Китаем всех статей предыдущих двусторонних соглашений в срок зачастую не достигалось. Думается, и в случае с соглашениями ВТО достичь полного соответствия китайской экономики всем требованиям вступления не стоит ожидать так скоро, как это записано в протоколах и соглашениях.

Вступление КНР в ВТО приблизило эту организацию по своему содержанию ко всемирной: теперь, кроме России и Саудовской Аравии, все более или

менее крупные и влиятельные страны мира состоят в ее рядах. Важно отметить, что согласованные условия вступления Китая в ВТО создали прецедент и, без сомнения, будут служить примером для других стран-кандидатов в ВТО (прежде всего России), значительно повысив планку условий вступления. С другой стороны, не вполне законченная "всемирность" ВТО оставляет опаздывающим некоторые возможности торгова.

Со вступлением КНР в ВТО следует ожидать активного участия Китая в формировании повестки дня предстоящего раунда многосторонних торговых переговоров в рамках ВТО и формулировании будущих правил международной торговли и инвестиционных связей, отстаивании принципов нового международного экономического порядка, баланса интересов между развитыми и развивающимися странами. Это позволяет прогнозировать активизацию торговых споров в рамках ВТО и деятельности международных арбитражных органов по их разрешению.

Не похоже, что Китай развернет кампанию за коренную реформу ВТО, пока его вполне устраивает ход событий в мировой торговле. Скорее, его целью станет максимальное использование ВТО для решения своих хозяйственных проблем и создания для этого благоприятных внешних условий. Китай, к примеру, будет выступать вместе с развивающимися странами против рассмотрения ВТО неторговых вопросов, включения трудовых и экологических стандартов в повестку дня переговоров, за пересмотр процедуры антидемпинговых споров и подхода к определению внутренних сельскохозяйственных субсидий, придание большей открытости принятию решений в ВТО. Вряд ли эта страна станет горячим сторонником разного рода унификаций, особенно новых, отдавая в целом предпочтение региональному перед глобальным, национальному перед региональным.

Вступление КНР в ВТО отражает и способствует эволюции позиции Китая по проблемам экономической глобализации и взаимодействия национальной экономики с мировым хозяйством, в том числе в торговой области (инициатива о создании зоны свободной торговли "АСЕАН+3" с участием стран АСЕАН, КНР, Республики Корея и Японии) и валютно-финансовой сфере в рамках региона (участие в регулярных совещаниях министров финансов и глав центральных банков региона, на которых обсуждаются вопросы создания единой региональной валюты, центрального регионального банка и т.п.)

В целом опыт вступления КНР в ВТО позволяет, на наш взгляд, сделать *следующие выводы.*

Переговорный процесс по вступлению КНР в ВТО стал одной из форм движения страны от плана к рынку, от полуавтаркии — к модели открытой экономики с применением общепризнанных форм и методов защиты внутреннего рынка. Членство в ВТО знаменует окончание периода начатой в 1978 г. переориентации внешнеэкономической стратегии КНР, которая вывела Китай из полуизоляции и вернула его на мировую экономическую арену.

В то же время экономические успехи КНР основательно поколебали существующие в отечественной экономической среде представления о безальтернативности и плодотворности всесторонней и быстрой интеграции в мировое хозяйство, базировавшиеся (не всегда обоснованно) на опыте некрупных стран и территорий Восточной и Юго-Восточной Азии. Крупные достижения во внешнеэкономической области в 90-е годы пришли к Китаю в ходе селективной либерализации при общем преобладании протекционизма и импортозамещения. Об их масштабах можно судить хотя бы по огромному количеству поправок к национальному законодательству, которые Пекин согласился сделать в ходе переговоров с ВТО. Заметим, что и успехи пришли не сразу: еще полтора десятка лет назад страна испытывала

серьезную нехватку валюты, экспорт оставался преимущественно топливно-сырьевым (см.табл.4), не было ощутимых результатов и в привлечении зарубежных инвестиций. Начав в 1986 г. переговоры с ГАТТ, Китай, как представляется, только выиграл от того, что не пытался форсировать процесс вступления в эту организацию.

Таблица 4

Основные показатели товарной структуры экспорта КНР (%)

	1985	1987	1991	1995	1998	2001
Топливо, сырье и продукты первичной переработки	50,6	33,5	22,5	14,4	11,2	9,8
Промышленная продукция	49,4	66,5	77,5	85,6	88,8	90,2

Источник: информационная база МВТЭС КНР (www.moftec.gov.cn).

КНР обладает определенным преимуществом в том, что присоединилась к ВТО, набрав высокую динамику и добившись впечатляющих успехов в расширении экспорта, устойчивости валютно-финансового положения. Ныне Китай вполне может противостоять избыточному конкурентному давлению со стороны импорта, которое не раз подрывало при подавленном потребительском спросе усилия других стран по либерализации своих торговых систем. Установление национального торгово-инвестиционного режима в соответствии с международной практикой и собственными специфическими условиями помогает сгладить негативное воздействие экономической глобализации и в полной мере воспользоваться ее преимуществами. Открываясь миру, можно эффективно защитить национальную экономическую безопасность.

Многосторонняя торговая система, олицетворением и институциональной основой которой является ВТО, способна сохранить свою жизнеспособность, только постоянно адаптируясь к непрерывно изменяющейся ситуации в мировой экономике и адекватно отражая интересы всех групп стран, включая развивающиеся страны и государства с переходной экономикой. Демократизация этой системы — в интересах и Китая, и России.

4. Проблемы России

Значение Китая для России увеличивает, разумеется, не только и не столько его новый статус. События, разворачивающиеся в мировом хозяйстве в самое последнее время, существенно расходятся с прогнозами, в том числе теми, что легли в основу российской линии на переговорах с ВТО. Резкое замедление экономического роста развитых стран и обвал так называемой новой экономики в 2001 г. могут резко изменить общепринятые представления о современных двигателях успешного социально-экономического развития, об оптимальном соотношении его внутренних и внешних факторов, нахождении наиболее перспективных рынков. Показатели импорта КНР и новых индустриальных экономик (табл.5-6) свидетельствуют о растущей конкурентоспособности хозяйств, опирающихся на реальную экономику, а не на гипертрофированный сектор информационных технологий. Лидеры мировой сферы услуг и информационных технологий (Сингапур, Сянган, Тайвань) испытывают явное замедление роста⁸. Не исключено, что нас ожидает новая волна промышленного протекционизма⁹.

Такому рациональному протекционизму проще всего учиться у Китая, несмотря на то, что теперь сама эта страна от сугубо протекционистской доктрины, послужившей основой подъема хозяйства страны в годы реформ, пере-

ходит к более либеральной внешнеэкономической политике, озвучивая либеральной риторикой и активную товарную экспансию, и переговоры с Россией в рамках ВТО о ее вступлении.

Таблица 5

Доля Китая и новых индустриальных экономик в импорте США (%)

	1996	1998	2001
КНР	6,51	7,79	8,10
НИСТ*	10,46	9,60	8,15
в т.ч. Республика Корея	2,86	2,62	3,04

* НИСТ — новые индустриальные страны и территории: Сингапур, Сянган (Гонконг), Тайвань, Республика Корея.

Таблица 6

Доля Китая и новых индустриальных экономик в импорте Японии (%)

	1996	1998	2001
КНР	11,58	13,22	15,84
НИСТ*	11,69	10,25	11,59
в т.ч. Республика Корея	4,57	4,30	5,12

* НИСТ — новые индустриальные страны и территории: Сингапур, Сянган (Гонконг), Тайвань, Республика Корея.

Ближайшие два-три года отношений КНР с ВТО дадут ценнейший материал для анализа наших собственных перспектив в этой организации. Например, станет яснее ситуация с привлечением иностранного капитала. Бытует мнение, что вступление в ВТО резко увеличит приток в российскую экономику прямых инвестиций, технологий и т.п.¹⁰. На самом деле, вступление в ВТО, создавая для этого благоприятные условия, вовсе не гарантирует усиление их притока. Какой смысл создавать производство там, куда можно поставлять готовую продукцию, скажем из того же Китая? Да и собственный китайский опыт свидетельствует об обратном: значительное увеличение зарубежных капиталовложений пришлось в этой стране на 1990-1996 гг., т.е. на период, когда до вступления в ВТО было еще далеко, а в сфере регулирования внешней торговли в первые два года преобладали наведение порядка (включая ликвидацию большого числа местных внешнеторговых компаний) и централизация. На лицо, однако, был куда более важный фактор — ускорение экономического роста.

Общий баланс плюсов и минусов для Китая от вступления в ВТО, скорее всего, проявится лишь через несколько лет и в значительной степени будет определяться ходом маркетизации госсектора и структурной перестройкой экономики страны. Много будет зависеть от того, насколько болезненным окажется положение с занятостью при переливе капитала из убыточных в более рентабельные, производительные и конкурентоспособные на мировом рынке отрасли экономики. В конечном счете речь идет о том, в какой мере Китаю удастся повернуть в свою пользу новые условия торгового и инвестиционного режима в отношениях с торговыми партнерами и минимизировать социальные и экономические издержки от вступления в ВТО. Огромный интерес для России будут представлять конкретные формы взаимодействия регионов КНР с мировой экономикой.

Говоря о наших проблемах с СНГ, Таможенным союзом и т.д., можно, кстати, принять за основу китайский подход к взаимодействию с мировым хозяйством: не повторяя путь Киргизии, осознать, что крупной экономике есте-

ственно проводить в целом более протекционистский курс, а внутренним отсталым районам хозяйства — поэтапно и селективно входить в интенсивный контакт с внешним миром, привлекая инвесторов прежде всего устойчивым ростом и емкостью рынка. Как важный переговорный ресурс можно использовать обязательства России перед государствами СНГ и Таможенного союза.

Следует напомнить также, что исходные импортные тарифы на ряд потребительских товаров нередко выражались в ходе переговоров Китая с ВТО трехзначными числами, не говоря о количественных ограничениях. Ничего похожего в российском управлении внешнеэкономическим комплексом ныне не наблюдается. Даже оптимальный (импортозамещающий) вариант, предложенный в недавних разработках, исходит из явно заниженного 20-процентного тарифа на потребительскую продукцию¹¹. Вдобавок, он явно "плоский", без выраженной защиты отдельных позиций, что косвенно свидетельствует о слабой проработке действительных интересов и перспектив отечественных товаропроизводителей. Вряд ли стоит подавать как "серьезный компромисс" результаты переговоров России с ЕС по гражданской авиатехнике зимой 2001/2002 г. — соответствующее соглашение в ВТО не является обязательным. На наш взгляд, методологически неверно сравнивать постдевальвационные итоги развития российской экономики после 1998 г. с эффектами повышения тарифов, хотя бы из-за своего стимулирующего воздействия на экспорт¹².

Существует мнение, что цена вопроса не очень велика, поскольку Россия уже и так открыла все, что можно. Это заблуждение, хотя бы потому, что переговоры по ВТО даже в Китае, не столь сильно зависящем от внешнеэкономических связей, были важнейшим вопросом отношений с Западом в течение многих лет. Наша беда в том, что в России в отличие от Китая практически выбран девальвационный ресурс защиты внутреннего рынка, а колоссальный актив во внешней торговле по-прежнему вызывает неумеренный аппетит у партнеров по переговорам. Ситуация с ценовой конкурентоспособностью у нас по сравнению с Китаем вызывает особую тревогу. После девальвации 1994 г. внутренние цены в КНР, как известно, стабилизировались, оставаясь в 2-4 раза ниже, чем в развитых странах. Разрыв продолжает увеличиваться: в 1998-2001 гг. розничные цены в КНР снизились примерно на 5% при практически неизменном курсе юаня. Продолжится ли эта тенденция? Насколько она опасна для России с ее бесконечно растущими внутренними тарифами?¹³ На наш взгляд, сектору российской экономики, производящему потребительские товары, в растущей мере грозят низкие китайские цены в опасном сочетании с технологиями ТНК, все шире применяемыми в соседней стране.

В более общем плане важен ответ на простой вопрос: способна ли Россия, подобно Китаю, не противопоставлять проблему роста самообеспечения и использования сравнительных преимуществ экономики?

Нашим переговорщикам не позавидуешь: их работа подвергается заслуженной и незаслуженной критике, нет достаточно надежной информации о состоянии экономики и внешней торговли России и ее партнеров по СНГ и Таможенному союзу. В то же время растет качество аргументации при обсуждении в России членства в ВТО и более широких внешнеэкономических проблем. Сама дискуссия в нынешних обстоятельствах — безусловное благо, способствующее просвещению предпринимательства. Тем более не стоит торопиться: необходимы тщательные исследования российского бизнеса, реалистичные оценки его конкурентоспособности. Необходимо знать и положение дел в странах Таможенного союза. К тому же нынешнее неблагоприятное состояние мировой экономики и торговли вовсе не располагает партнеров по переговорам к легким уступкам, налицо усиление протекционистских настроений во многих

странах¹⁴. А следование сторонним советам и реальные внешнеэкономические успехи порой лежат в совершенно разных плоскостях.

Не вполне ясен часто выдвигаемый тезис о выгодах скорейшего вступления в ВТО: потом-де условия могут только ухудшиться. Неприемлемые условия никто не заставляет принимать. К тому же внутри самой ВТО между министерскими конференциями в Сиэтле и Дохе наметилась пусть слабая, но все же определенная тенденция к большему учету особенностей хозяйств отдельных ее участников. В частности, влиятельные политики и эксперты уже подвергают сомнению целесообразность унификационного подхода, положенного Уругвайским раундом в основу согласования режимов деятельности иностранного капитала¹⁵. Реально добиваться и элементов индивидуального подхода. У России есть все основания претендовать на статус более слабого участника, преждевременно отказавшегося от многих инструментов защиты внутреннего рынка. По большинству социально-экономических и особенно внешнеэкономических показателей наша страна в целом не может быть отнесена к развитым государствам. Поэтому практическое значение ярлыка "страны с рыночной экономикой" не совсем оправдано, разве что заведомо преувеличенным представлением о значении антидемпинговых процедур в международной торговле.

Китаю же при его куда более конкурентоспособной экономике удалось при вхождении в ВТО по большинству вопросов *фактически добиться получения статуса развивающейся страны*. Отвергнув обязательства по выполнению соглашений в рамках ВТО в полном объеме с момента присоединения, КНР сумела оговорить предоставление переходного периода в ряде областей, предусмотренного нормами этой организации для развивающихся стран. Китай не стал торопиться с присоединением к Соглашениям ВТО о правительственных закупках и по торговле гражданской авиатехникой, а также с обязательствами, выходящими за рамки переговоров о вступлении в ВТО в сфере приватизации, инвестиционного режима, связывания экспортных тарифов и др.

В целом, несмотря на сложный и длительный характер переговоров с ВТО, Китай в 90-е годы твердо придерживался курса на получение членства в этой организации. Во второй половине десятилетия акцент в китайской переговорной политике делался на долговременном достижении компромиссных развязок, которые свели бы к минимуму возможные потери в ходе первоначального этапа после вступления, при сохранении жесткости по нескольким принципиальным вопросам. Продолжительность переговоров китайскую сторону не пугала, поскольку в Пекине были твердо убеждены, что Запад в не меньшей степени заинтересован в полноправном членстве Китая в ВТО, а излишняя поспешность в решении вопроса лишь приведет к неоправданному экономическому ущербу. Такая убежденность китайской стороны основывалась на растущей вовлеченности деловых кругов развитых стран в экономическое взаимодействие с КНР, при котором им становилось все более невыгодно держать Китай за рамками ВТО.

Подчеркнем, что именно *протекционизм 80—90-х годов* гармонично связал полуавтаркический курс 60-70-х годов с, возможно, куда более либеральной будущей экономической стратегией. Уступки же, сделанные КНР в ходе завершающего этапа переговоров о членстве в ВТО (1999-2001 гг.), не означали полного демонтажа сложившейся в стране системы внешнеэкономического регулирования, в которой государство сохранило за собой ряд эффективных, хотя и несколько старомодных рычагов. Сильна в этой стране и идея самообеспечения¹⁶.

Современная Россия же вовсе проскочила стадию протекционизма. Поэтому решающими аргументами в пользу перевода переговоров России с ВТО в завершающую фазу могут быть лишь уверенный экономический рост, суще-

ственное повышение мобильности экономики и капитала, то есть подведение реальной основы под либерализацию. Оправданием ускоренного завершения переговоров о вступлении России в ВТО мог бы быть уверенный рост удельного веса в экспорте продукции обрабатывающей продукции. Это не столь уж экзотичная цель, как может показаться. Стоит, опять-таки, вспомнить, что еще полтора десятка лет назад КНР была экспортером преимущественно топлива и сырья. Не нужно в этой связи исключать применение жестких протекционистских мер, включая количественные ограничения, запретительные пошлины и т.п., охраняя энергичного предпринимателя, лояльного национальному хозяйству. Лишь применяя такие меры (в ограниченных масштабах и некоторое время), можно получить основу для обеспечения роста конкурентоспособности российской экономики. С Китаем же нужно договариваться исключительно осторожно, имея в виду угрозу разрушительного импорта.

С другой стороны, положение опоздавшей в Уругвайский раунд страны имеет свои преимущества. Одно из них — возможность давать преференциальный налоговый или таможенный режим тем или иным странам (в приоритетных для нас отраслях), де-факто используя уникальное геополитическое положение России. Крупные совместные инвестиционные программы на льготных, скажем, для китайских инвесторов, условиях в секторе, производящем промышленные или сельскохозяйственные потребительские товары, выглядят привлекательно для обеих сторон в русле программы Пекина «Идем в мир» («Цзоу сянь шицзе»).

Именно в таком тесном (инвестиционном, производственном) взаимодействии с Китаем — явно выраженным носителем сравнительных преимуществ — видят свое будущее и многие западные промышленные корпорации, и некоторые страны и территории Азии. По-видимому, не стоит пренебрегать ни ими, ни китайским опытом, ни некоторыми выгодами нашего современного положения в мире.

1. Статья XXIV ГАТТ предусматривает в этом отношении лишь образование Таможенных союзов, зон свободной торговли с целью углубления экономического сотрудничества пограничных государств при сохранении единой внешнеторговой политики страны (см.: Генеральное соглашение по тарифам и торговле. М., 1994. С. 51-54).
2. Жу ши: шицзе шан мэю мяньфэй ды уцань — цзюй, тяочжань юй дуйцз. [Вступление в ВТО: в мире нет бесплатных обедов — возможности, вызовы и ответные меры]. Под ред. Ван Хуайнина и Гао Чэнсина. Пекин, 2000. С.44.
3. По оценкам вашингтонского Института международной экономики, объемы производства в отраслях промышленности и сельского хозяйства КНР, пользующихся высокой протекционистской поддержкой, за пять лет после вступления сократятся на треть, число безработных достигнет 11 млн человек, в том числе в сельском хозяйстве — 9,6 млн человек, а в автомобильной отрасли количество рабочих мест сократится на 14,5% (на 500 тыс.чел.). Одновременно доходы сельского населения снизятся на 2,1% // *Asian Wall Street Journal*, 18 April 1999.
4. См.: Проблемы Дальнего Востока. 2000. №3. С.64; БИКИ. №40. 7 апреля. 2001.
5. Режим нормальных торговых отношений (Normal Trade Relations status, NTR) — по сути дела переименованный американскими законодателями режим наибольшего благоприятствования (РНБ), предоставляемый США стране-партнеру. Такое переименование, на наш взгляд, имело целью снять противоречие между требованиями ВТО (статьей I ГАТТ, обязывающей страны-участницы Соглашения предоставить друг другу безусловный РНБ) и внутренними нормами американского законодательства (так называемой поправкой Джэксона-Вэника к Закону США о торговле 1974 г., уязвавшей предоставление РНБ на постоянной основе партнерам США из числа стран с так называемой нерыночной экономикой с выполнением ряда политических

- условий: свободой эмиграции, соблюдением прав человека, продажей оружия и ядерных технологий, использованием труда заключенных для производства товаров на экспорт, политикой ограничения рождаемости, нарушением прав интеллектуальной собственности и т.д.). С 1980 г. Президент США ежегодно продлевал РНБ в отношении Китая сроком на один год. В 1990-1991 гг. палата представителей Конгресса США голосовала против по этому вопросу, но американский сенат поддержал решение Президента. В 1992 г. обе палаты Конгресса США голосовали против предоставления РНБ Китаю, однако не смогли отменить наложенное Президентом вето на их решение. В 1994 г. Президент США Б.Клинтон объявил об отмене увязки предоставления Китаю РНБ в торговле с положением в области прав человека в КНР, что, однако, не изменило процедуру ежегодного рассмотрения этого вопроса в американской администрации и Конгрессе США.
6. 1999 нянь Чжунго гоминь цзинцизи хэ шэжуэй фачжань баогао [Доклад о социально-экономическом развитии Китая в 1999 г.]. Под ред. Цзэн Пэйяня. Пекин, 1999. С.204.
 7. Ник Штерн (Старший вице-президент и главный экономист Всемирного банка), в частности, отмечал плодотворность "надстраивания" Китаем имевшихся институтов — в противоположность России, "пытавшейся в одночасье создать все звенья рыночной экономики" // *Transition*. 2001. Vol.12. № 4. P. 2-3.
 8. Доля услуг в ВВП Сянган — 85%. Удельный вес информационной техники в экспорте Тайваня — 37%, Сингапура — 52%.
 9. Л.Ларуш, известный сторонник восстановления реальной экономики США, считает возможным и приветствует "коренной поворот" США от свободной к справедливой торговле и протекционизму в связи с введением дополнительных пошлин на сталь в апреле 2002 // *EIR*. 2002. №7.
 10. См., например: Народно хозяйственные последствия присоединения России к ВТО. // Сборник: Российская академия наук. Национальный инвестиционный совет. М., 2002. С.65-67.
 11. Там же. С.83-86.
 12. В упомянутом докладе РАН и Национального инвестиционного совета есть традиционное для российских оценок преувеличение роли антидемпинговых процедур в международной торговле. Показатель годового ущерба для российских производителей в 3,5 млрд долл. не выглядит обоснованным при том, что общий ущерб Китая от введения антидемпинговых пошлин за последние 20 лет реформ оценивается в 10 млрд долл.
 13. К примеру, по сравнению с Японией плата за электроэнергию составляет в Шэньчжэне 75%, в Пекине и Шанхае — 50%; за бензин — в Шанхае 40%, в Пекине — 46%; за производственные площади — в Шанхае 2%, в Пекине — 4%.
 14. В 2001 г. в мире было начато 348 антидемпинговых расследований (251 в 2000 г. и 232 в среднем за 90-е годы).
 15. Hertel Th. W., Hoekman B.M., Martin W. *Developing Countries and a New Round of WTO Negotiations* // *The World Bank Observer*. 2002. №1.
 16. Например, десятым пятилетним планом на 2001-2005 гг. предусмотрен рост обеспечения внутренних потребностей медью и алюминием — до 70 и 90%, соответственно.

Доктрина китайской нации

© 2002

А. Москалев

В полиэтническом государстве задачи социально-политической интеграции его народов успешнее решаются при ориентации на построение и укрепление единой нации как политического (гражданского) образования. Китай в этом отношении интересен той характерной особенностью, что в этой стране на протяжении всего XX века проявлялось нарастающее внимание к идее единой китайской нации. Можно даже сказать, что борьба за единую нацию создает неотъемлемый фон новейшей истории Китая. В обстановке воздействия внутренних и внешних сил дезинтеграции китайские мыслители, ученые, политические деятели различных поколений и направлений остро ощущали потребность внутривосточной консолидации, поддержания и усиления тенденций центростремительного развития. В создании единой нации виделся путь к преодолению разобщенности народа. Построение такой нации рассматривалось как важнейший шаг к усилению Китая, залог сохранения его целостности. Благодаря усилиям китайских нациестроителей на протяжении ушедшего столетия было предложено более полудюжины концепций единой нации. Шаг за шагом формировалась доктрина китайской нации как общности, объединяющей все народы Китайского государства. И сегодня, взглядываясь в контекст всех проектов "однонационального" Китая, сопоставляя позиции их авторов, можно лучше разобраться в сущности подходов к данной проблеме, отчетливее увидеть преобладающие тенденции в развитии процесса китайского нациестроительства.

Настоящая статья знакомит с основными этапами формирования доктрины китайской нации, начиная с Лян Цичао, одного из пионеров исследования нации в Китае, вплоть до теоретических дискуссий по этой проблеме в КНР. Первая часть статьи посвящена проектам единой нации первой половины XX в., вторая часть — периоду КНР.

I

Термины, обозначающие понятие "нация" в двух основных категориях, пополнили китайский лексикон сравнительно недавно, будучи заимствованы в конце XIX в. из японского языка. Японцы, в свою очередь, восприняли их с Запада. Через японские тексты новая терминология, для записи которой ис-

пользовалась китайская иероглифика, усваивалась обучавшимися в Японии китайскими студентами и вообще китайцами, которые по тем или иным обстоятельствам попадали в Страну восходящего солнца. Именно таким путем на грани XIX–XX веков в статьях китайских авторов появляются неологизмы *гоминь* — “нация” как государственно-политическое образование¹ и *миньцзу* — “нация” как этническая общность.

Многие тексты Лян Цичао свидетельствуют, что проблема китайской нации в ее различных аспектах волновала Глотателя Льда², заставляя вглядываться в прошлое и настоящее китайского народа, в перспективы его дальнейшего развития. Особенно заботило Лян Цичао положение соплеменников в связи с низким уровнем их сплоченности в рамках государства. Такое состояние ханьцев Лян Цичао считал следствием их исторического развития: тысячами наиболее прочными социальными группами у ханьцев оставались семейные и клановые объединения.

Путешествуя в начале XX в. по Северной Америке, Лян Цичао “сопоставлял свой народ с другими”³. И это помогало ему отчетливее увидеть его недостатки. По наблюдению мыслителя, китайцы представляли собой так называемый клановый народ (*цзуминь*). У ханьца, как отмечал он в путевых заметках, отсутствовало присущее жителям Американского континента качество гражданина (*шиминь*⁴). При этом, как замечал Лян Цичао, хотя чжоуская клановая система “в наши дни формально упразднена, ее дух (*цзиньшэнь*) по-прежнему жив”⁵. Иначе говоря, “потолком” идентичности китайцев (ханьцев) являлась клановая общность, тогда как принадлежность к государству фактически не фиксировалась в их сознании (чему было немало свидетелей). Данное обстоятельство неоднократно подчеркивалось Лян Цичао. По его словам, отсутствие у китайцев “идеи государства (*гоцзя сысян*)”, при наличии “местечкового мышления (*цуньмо сысян*)”⁶, объяснялось спецификой исторического развития Китая, народ которого (ханьцы) воспринимал свою страну скорее как Поднебесную, нежели как государство. Китайцы “не имеют понятия, в чем различие между государством и Поднебесной”, писал Лян Цичао, ибо они “никогда сами не сознавали, что их страна является государством”⁷. Именно это обстоятельство, по его убеждению, имело прямое отношение к низкому уровню сплоченности ханьцев.

В статье, посвященной выяснению причин ослабления Китая, Лян Цичао, дабы ярче обрисовать это состояние китайского народа, воспользовался образным выражением, заимствованным из одного комментария к “Шицзин” (“Книга песен”). В комментарии речь шла о “людях дряблых и бескостных (*жоуцзуй у гу чжи жэнь*)”. Ханьцы представлялись Лян Цичао именно такими: они как бы не имели внутреннего связующего “каркаса” (“костяка”), который “скреплял” бы людей в единое целое. Чтобы преодолеть это состояние, он считал необходимым “объединить 400-миллионный дряблый и бескостный народ в нацию (*гоминь*)”⁸.

Чтобы подчеркнуть “атомизированность” ханьского этноса, его расчлененность Лян Цичао также использовал термин *буминь* — “фрагментированный народ” (от *бу* — “часть”, “фрагмент”). Последний у Лян Цичао выступает как антоним термина *гоминь*, обозначающего сплоченную нацию. Разобщенность народа расценивалась им как “великое бедствие отечества”⁹. Вывод был аналогичным: нужно “переплавить” *буминь*, постепенно создав на его месте *гоминь* — нацию¹⁰.

Каким же образом у Лян Цичао мог возникнуть план построения в Китае нации именно на базе концепции *гоминь* как общности государственно-политического порядка? Это явилось результатом его знакомства с идеями И.К. Блюнчли, широко известного в XIX веке швейцарско-немецкого юриста-государствоведа¹¹, труды которого переводились на многие языки мира. Японский перевод трактата Блюнчли о государстве¹² изучался Лян Цичао. В 1903 г. он опубликовал пространную статью, посвященную взглядам Блюнчли на при-

роду государства, общества, нации. Но еще до появления этой статьи он воспользовался некоторыми мыслями Блюнчли в одном своем тексте, относящемся к 1901 г.¹³, а в 1902 г. выступил со статьей “О том, как сила знания правит миром”, в которой прозорливо отметил, что значение научных идей Блюнчли выходит за рамки XIX века, делая их достоянием века XX¹⁴. Вышедшая в 1956 г. книга Ж. Вонтобеля о научных идеях Блюнчли может служить подтверждением справедливости такой оценки¹⁵.

Но создание нации — *гоминь* не было для Лян Цичао самоцелью. Все дело в том, что, как пояснял мыслитель, в мировом соперничестве наций (*гоминь*) государство, народ которого еще не стал нацией, не могло рассчитывать на успех в отражении агрессии держав, являвшихся нациями. Чтобы отразить натиск нации-агрессора, противоборствующей стороне самой надлежало стать нацией. Вот почему, согласно Лян Цичао, задача построения нации (*гоминь*) в Китае приобретала такую актуальность¹⁶.

Пожалуй, впервые Лян Цичао поставил вопрос о необходимости трансформации китайцев в нацию (*гоминь*) в 1899 г. в статье, посвященной соперничеству наций и перспективам Китая. Здесь он, правда, определяет нацию (*гоминь*) как тип государства, отличного от традиционного китайского “государства-семьи” (*гоцзя*). По словам Лян Цичао, под государством-семьей имеется в виду такое государственное образование, которое “является достоянием одной [правлящей] семьи”. Государство же, народ которого стал нацией (*гоминь*), должно быть “общим достоянием народа” со всеми вытекающими отсюда последствиями: участием народа “в ведении государственных дел, в установлении законов государства, в заботе о его интересах, защите страны”¹⁷. Подразумевалось, таким образом, что народ должен получить политические права, и у него должны быть обязанности по отношению к государству. В Китае же, констатировал Лян Цичао, такого пока нет. Но на Западе, как он писал, “государством равно владеют монарх и народ”. Пользуясь политическими правами и исполняя свои обязанности перед государством, люди Запада (*си жэнь*) отличаются патриотизмом. “В Китае же совсем иное. Государством владеют люди одной семьи. Остальные являются рабами (*нули*)”¹⁸. Мыслитель понимал, что подобная ситуация чревата самыми негативными последствиями. По словам Лян Цичао, если народ не может стать нацией, он “пребывает в унижении”. Если же государство не может стать нацией, оно “клонится к гибели”¹⁹.

Как можно видеть, Лян Цичао рассматривал нацию (*гоминь*) и как общность людей. Если китайцы не сумеют трансформироваться в такую нацию, их уделом останется рабское положение. Что же касается возможности “гибели (*ван*)” государства, народ которого не является нацией и которое, тем самым, также не является нацией, то таковая перспектива может заключаться в его распаде. В другой статье Лян Цичао приводит пример развала Османской империи, которая, по его словам, “с самого создания государства никогда не пыталась управлять своим народом так, чтобы превратить его в нацию (*гоминь*)”²⁰.

Констатируя, что “китайцы (*чжунгожэнь*)”²¹ понятия не имеют о нации (*гоминь*)”²², Лян Цичао тем не менее видел в своих соплеменниках (судя по его текстам) потенциальную нацию (*гоминь*), и поэтому не сомневался в том, что его народ непременно станет таковой. Одно из ранних употреблений Лян Цичао термина *гоминь* в значении “нация” относится, по-видимому, к 1896 году²³. В статьях начала 1900-х годов он говорит о величии нации своих соплеменников не как нации этнической (*миньцзу*), а нации политической (*гоминь*). “Китай, пишет он, великое государство. Его народ”²⁴ великая нация (*ци жэнь вэйда чжи гоминь е*)”²⁵. Он благодарен Небу за то, что “является частицей этой великой нации (*да гоминь*)”²⁶. Он спрашивает: “Желает ли наш народ стать великой нацией?”²⁷ Но это для него вопрос вполне риторический.

Много места проблеме нации (*гоминь*) отведено в статье, посвященной научным воззрениям Блюнчли. Здесь прежде всего нужно отметить, что сам термин *гоминь* (нем. *das Volk*) построен японскими переводчиками текстов Блюнчли в соответствии с точкой зрения немецкоязычного ученого на политическую нацию как на общность, тесно связанную с государством, как на "понятие государственное" (*statlicher Begriff* или *Statsbegriff Volk*). Лян Цичао вполне разделял подобный подход, как и большинство других позиций Блюнчли, касавшихся государственно-политической нации.

Лян Цичао приводит в своей статье немало положений и определений (принадлежащих Блюнчли), которые раскрывают природу политической нации и дословно (или почти дословно) повторяют формулировки немецкого оригинала. Так, по всей видимости, Лян Цичао солидаризировался с Блюнчли в определении политической нации как "правовой личности": "Нация — это правовая личность (*гоминь вэй фалой шан чжи и жэньгэ*)", читаем в статье Лян Цичао (или: "нация — это личность, которая в органическом государстве выступает в качестве его тела (*ти*)")²⁸. Это точь-в-точь соответствует определениям у Блюнчли. К примеру: *das Volk ist eine Rechtsperson*²⁹. Блюнчли пишет о нации как о "правовой общности (*Rechtsgemeinschaft*)"³⁰. Лян Цичао выписывает данное положение: "Нация — это правовая общность (*гоминь чжэ фа туань е*)", это "существующее в [рамках] государства юридическое тело"³¹. В 1911 г. Лян Цичао называет *гоминь* "политическим объединением (*чжэнчжи туаньти*)"³². В 1922 г. он замечает, что "нация (*гоминь*) является объектом изучения права"³³.

Вслед за Блюнчли Лян Цичао утверждал, что государство и нация (*гоминь*) "суть одно и то же, но с разными названиями"³⁴, имея в виду, что оба являются общностями (*гунтуанти*) полностью взаимозависимыми и "неразделимыми"³⁵. Блюнчли писал, что нация (*das Volk*), рассматриваемая в качестве "упорядоченной целостности (*geordnete Gesamtheit*)", обладает "живой душой (*lebendige Seele*)", принадлежащей государству как личности (*Stattpersönlichkeit*)³⁶. (Блюнчли придерживался органической теории государства.) Лян Цичао воспринял эту идею и также писал о государстве как об общности, вмещающей дух нации (*гоминь цзиншиэнь*), благодаря которому оба образуют единство³⁷.

Блюнчли строго разграничивал понятия этнонации, или этноса (*Nation*), и политической нации (*Volk*). Лян Цичао полностью разделял подобный подход. Как и Блюнчли, он придерживался той точки зрения, что этнонация, или этнос (*миньцзу*), лишь тогда становится политически значимой общностью, когда она создает свое государство. Блюнчли подчеркивал, что чувство "политической сопринадлежности и единства" возвышает нацию (*Volk*) над этнической общностью (*Nation*)³⁸. Лян Цичао, как можно судить по его текстам, придерживался такого же взгляда. Он подробно излагает в статье, посвященной Блюнчли, принципиальные различия между этносом (*миньцзу*) и нацией (*гоминь*), подчеркивая, что до тех пор, пока этнос "не консолидируется, чтобы создать государство, его никак нельзя считать ни личностью, ни правовой группой"³⁹. Иначе говоря, без этого условия не смогут реализоваться потенциальные силы этноса, которые (при благоприятных обстоятельствах) смогли бы "поднять" его до более высокого уровня развития, присущего нации (*гоминь*).

Блюнчли писал, что "пассивная подавляемая масса, лишенная политических прав, не может считаться нацией... деспотии нельзя называть нациями..."⁴⁰. Тексты Лян Цичао подтверждают, что он разделял эту точку зрения.

Блюнчли признавал, что в полиэтническом государстве все национальности "вместе образуют единую нацию (*die zusammen Ein Volk bilden*)"⁴¹. Лян Цичао принимал это положение. Но его позиция в данном вопросе отличалась своеобразием. В понимании Лян Цичао статус нации (*гоминь*) должен принадлежать только ханьцам. Ханьцы должны снова стать "государственным (т.е. государствообразую-

щим. — А.М.) народом” — носителями китайской государственности. Что касается неханьских этносов, то они, как писал Лян Цичао, входят в состав политической нации в качестве ее “структурных компонентов (*гоучэн фэнъцзы*)”, иначе говоря, этнических элементов⁴². Однако это вовсе не означало, что он считал их равноправными с ханьцами членами нации — *гоминь*. Эта нация была для него ханьской нацией. И ханьцы как объемлющая нация, вмещающая в себя неханьские этнические элементы, обладали неизменно более высоким статусом. Понимание Лян Цичао характера политической нации (*гоминь*) как нации ханьской подтверждается и его заявлениями о том, что “наша нация (*гоминь*) неизменно проявляет способность собственными силами ассимилировать прочие этносы”⁴³. Придавая большое значение роли ханьцев как активно ассимилирующего этноса, Лян Цичао писал, что ханьцы всегда считали своим долгом “облагораживать (*чуньхуа*) инородцев”. Этот процесс он образно сравнивал с “переработкой” инородческого материала ханьцами, которые “напрягали все силы своего желудка, чтобы переварить их”⁴⁴. Относя неханьцев страны к “неполноценным этносам” (*лечжун чжи жэнь*, или *ле дэн миньцзу*, *лецзу*), Лян Цичао был убежден, что неполноценные “непрерывно поглощаются полноценными (*ючжун*)”, либо окончательно деградируют (*цзюаньсяо*)⁴⁵. Таковым было своеобразие понимания Лян Цичао характера государственно-политической нации (*гоминь*).

Перемены, связанные с Синьхайской революцией, заставили Лян Цичао несколько по-новому взглянуть на проблему нации в Китае. В статьях, относящихся к началу 20-х годов прошлого века, его концепция единой нации приобретает более законченный вид.

Полнее всего взгляды Лян Цичао на формирование китайской нации, задачи ее дальнейшего развития и на ее роль “в эволюции человечества” изложены в его большой статье — “Успехи и поражения китайской нации в истории и судьба ее дальнейшего обновления и совершенствования”⁴⁶ (1921 г.). В этой статье, как и в других публикациях, относящихся к тому же периоду, Лян Цичао окончательно определяется с названием государственно-политической общности, сформировавшейся в границах Китая. Он именуется эту общность “китайской нацией (*чжунхуа гоминь*)”. Он поясняет, что на формирование этой нации ушло четыре-пять тысячелетий непрерывных усилий ханьцев (последних он именуется *чжунхуа миньцзу*), борющихся с “неполноценными этносами (*ле дэн миньцзу*)”. Ханьцам приходилось постоянно отражать наплыв этих этносов, “переваривать” и “облагораживать” их в течение веков и тысячелетий.

Великим знаковым событием в процессе формирования китайской нации (*чжунхуа гоминь*) Лян Цичао считал создание Китайской Республики в результате Синьхайской революции 1911 г. Это, по его словам, “есть беспрецедентный подвиг китайской нации (*чжунхуа гоминь*) в истории эволюции человечества”⁴⁷. Образование Китайской Республики, как считал Лян Цичао, ознаменовало “появление в этом мире на вечные времена того, что называется “китайской нацией (*чжунхуа гоминь*)””. Последняя, в чем он не сомневался, должна играть роль “важнейшего ядра человечества”⁴⁸. Глотатель Льда имел в виду то обстоятельство, что китайская нация уже объединила в себе одну четверть мирового народонаселения, и это, как он считал, создало “крепчайшую основу” для “будущего мира Великого Единения (*Да Тун*)”⁴⁹.

Важнейшее значение придавал Лян Цичао формированию самосознания нации. “Самое важное это ощущать себя целостной нацией (*чжэнгэ дэ гоминь*)”, говорил он в 1921 г. Именно с Синьхайской революцией связывал он “появление самосознания нации (*гоминь цзыцзюэсинь чжи фсянь*)”⁵⁰.

Одним из объединяющих начал китайской нации была, по убеждению Лян Цичао, “идеология исконной традиции”, соединяющая в себе “идеи девяти философских течений и ста школ”⁵¹.

Раз длительный исторический процесс формирования нации, основным содержанием которого была борьба ханьцев со своим неханьским окружением, уже завершился, то отныне вставала задача дальнейшего ее развития. Последнее, как писал Лян Цичао, должно базироваться как на использовании прежних способов, так и новых, отвечающих изменившимся условиям в стране⁵².

Хотя Лян Цичао утверждал, что "идеалом нашей нации (*гоминь*) является [принцип] равноправия, глубоко проникший в сердца людей", под этим не имелось в виду этническое равноправие. Лян Цичао подразумевал в данном случае "различия между аристократами и простолюдинами, которые (различия) были стерты еще во времена Чжаньго"(403 - 221г. до н.э.)⁵³.

Наконец, нельзя не упомянуть и об отношении Лян Цичао к возможности образования в Китае одной большой этнической нации. В самом начале XX в., рассматривая различные варианты развития страны, мыслитель упоминал и о таком варианте "спасения Китая", как создание "самой большой нацией планеты" государства, которое стало бы "символом первой империи в Поднебесной". В этом случае, писал Лян Цичао, "уже никто не будет в состоянии его сокрушить". Если у ханьцев "хватит сил на создание такого государства, то оно не будет иметь равных по своей мощи". Если же сил не хватит, то Китай "окончательно погибнет"⁵⁴. Предлагая этот план, Лян Цичао полагался на ассимиляцию неханьцев ханьцами, так как всегда относил ханьцев к категории расширяющихся этносов (расширяющихся за счет поглощения соседних "неполноценных" народов). В 1903 г. он рассматривал вариант образования в Китае "одной большой [этно]нации (*и да миньцзу*)", путем соединения (или слияния) ханьцев, маньчжуров, монголов, мусульман, мяо и тибетцев. Эта "большая нация", по словам Лян Цичао, составит одну треть населения планеты, и тогда "на пяти континентах" будет слышна ее поступь. К тому же, как пояснял мыслитель, ядром этой этнонации будут ханьцы, и формирование ее будет находиться "в руках ханьцев (*юй ханьжэнь чжи шоу*)"⁵⁵. Последний вариант Лян Цичао объяснял как вынужденный шаг обращения Китая к "имперской политической стратегии" — как единственный способ избежать гибели страны⁵⁶.

Но как все это согласуется с приверженностью Лян Цичао к концепции государственно-политической китайской нации (*чжунхуа гоминь*)? По-видимому, увеличение размеров этнонации, активно ассимилирующим ядром которой оставались бы ханьцы, не противоречило проекту государственно-политической нации *чжунхуа гоминь*, поскольку, как пояснял сам Лян Цичао, ее историческое расширение (в том числе и за счет поглощения соседей) основывалось на такого же рода процессах. Однако идея "одной большой этнонации" в Китае не получила у Лян Цичао дальнейшего развития.

Таковой была позиция Лян Цичао в вопросе о единой нации в Китае. Его идея единой китайской нации как нации политической задала целое направление дальнейшим разработкам в данной области. Уже в десятилетия прошлого века у него были последователи, и его терминология получила распространение. Так, У Гуаньинь, редактировавший журнал "Юньъянь" ("Незамысловатые суждения"), пояснял своим читателям в 1913 г. (в № 9 этого издания), что слово "nation имеет [в китайском] два значения: одно — *миньцзу*, другое — *гоминь*"⁵⁷. Даже в наши дни в КНР некоторые исследователи, обсуждая проблему единой нации, предпочитают использовать терминологию Лян Цичао (об этом речь пойдет во второй части настоящей статьи), наполняя ее новым содержанием. Существенный недостаток концепции Лян Цичао, не считавшего возможным признать неханьские этносы равноправными членами китайской нации — *чжунхуа гоминь*, проистекал из его националистических убеждений. Последние работы Лян Цичао, посвященные проблеме единой нации, показывают, что в этом его взгляды остались неизменными. *Чжунхуа гоминь*, по существу, была для него другой ипостасью *чжунхуа миньцзу*, т.е.

ханьцев. Вместе с тем, важно также еще раз подчеркнуть, что политическую нацию *гоминь* Лян Цичао считал объектом изучения права, выводя ее, тем самым, из этнологического поля.

Заметный след в истории китайского нациестроительства оставил Сунь Ятсен. Как и Лян Цичао, его тревожило состояние ханьского этноса, у которого, по его наблюдениям, не было достаточной сплоченности. В токийской речи 1906 г. он отмечал, что маньчжурам удалось покорить ханьцев, в частности, благодаря своей “силе сплочения (*туаньцзели*)”. У ханьцев же, по словам Сунь Ятсена, “отсутствовало объединение (*туаньти*) [в виде сплоченной общности]”. Но, уверял Сунь Ятсен, “когда у нас, ханьцев такое объединение будет налицо, то по силе сплочения [мы] непременно многократно превзойдем их (маньчжуров. — А.М.)”⁵⁸.

В первой лекции по национализму (1924 г.) он снова говорил о той же проблеме. “Сила сплочения ханьцев, констатировал он, способна простирается лишь до клановой общности, не более”, но она не достигает уровня “государственной нации”⁵⁹ (о последней речь пойдет ниже). В пятой лекции по национализму Сунь Ятсен признавал, что у ханьцев “по существу отсутствует объединение [на уровне этнической] нации”⁶⁰. Эти оценки, безусловно, заслуживают внимания как важные свидетельства современника о состоянии собственного этноса.

Другой характеристикой ханьцев, не раз повторявшейся Сунь Ятсеном, было известное сравнение их с множеством разрозненных песчинок. Оно исходило, как говорил Сунь Ятсен, от иностранцев, высказывавших свои критические замечания в адрес китайцев. Во второй лекции по народовластию (*миньцзюаньчжун*) лидер Гоминьдана подробно коснулся этой критики (признав ее справедливой). Он пояснял своим слушателям, что сравнение ханьцев с разрозненными песчинками означает отсутствие связи (*шуфу*) между ними. Но если, по словам автора лекций, связать песчинки с помощью цемента, получится “прочное соединение (*цзяньгу дэ туаньти*). Образуется камень”⁶¹. Замечу, что Сунь Ятсен не считал упомянутую характеристику своих соплеменников соответствующей их природным качествам. В одном из выступлений (1924 г.) он подчеркивал, что подобное состояние ханьского этноса стало результатом длительного бесправного положения ханьцев, подвергавшихся гнету со стороны инородцев (*ицзу*), т.е. маньчжуров⁶². “Цементом (*шиминьту*)” же, с помощью которого Сунь Ятсен надеялся “собрать воедино (*цзихэцилай*)” ханьцев и “образовать одно большое объединение” всех соплеменников, он считал свои “революционные принципы (*гэмин чжун*)”⁶³, т.е. три народных принципа. Уточняя конкретный порядок действий, Сунь Ятсен считал, что вполне реально было бы, двигаясь “от клановых объединений (*цзунцзу туаньти*), образовать большое объединение одной нации (*игэ миньцзу дэ да туаньти*)”⁶⁴. Отсутствие же такого объединения, иначе говоря, прочной общности на уровне этнонации, Сунь Ятсен считал препятствием для действительного отпора “империалистической агрессии”⁶⁵.

“Идея нации” (*миньцзу сысян*) у Сунь Ятсена непосредственно связана с его принципом национализма. Требования последнего, направленные на сплочение китайского народа, ассимиляцию неханьских этносов, упрочение положения ханьской нации в мире⁶⁶, предусматривали в качестве центральной задачи создание единой нации, превращение Китая в однонациональное государство. Последнее намерение было изложено (по поручению Сунь Ятсена) в журнале “Миньбао” Ван Цзинвэем, сформулировавшим основные идеи и программные положения Тунмэнхуэя (Объединенного союза) по национализму⁶⁷.

Согласно Ван Цзинвэю, Тунмэнхуэй (следуя замыслу Сунь Ятсена) склонялся к плану ассимиляции ханьцами малых народов страны с тем, чтобы трансформировать Китай в государство одной нации. Об этом говорилось в первой теоретической статье Ван Цзинвэя в “Миньбао”⁶⁸. Развивая эту тему в другой теоре-

тической статье, Ван Цзинвэй пояснял, что в процессе ассимиляции национальностей ханьцы предпочитают не приобретать качеств ассимилируемых этносов⁶⁹. Единая нация, таким образом, мыслилась Сунь Ятсеном как этнически гомогенная общность будущего, в основе своей — ханьская. Позже это намерение было закреплено в документах руководимых Сунь Ятсеном партий. Устав Тунмэнхуэя, принятый в феврале 1912 г., содержал установку, создававшую необходимые условия для реализации плана построения единой нации. Пункт 2 статьи 3 нового устава гласил: “Осуществлять ассимиляцию национальностей”⁷⁰. В августе того же года в декларации по случаю создания Гоминьдана было включено положение: “Неуклонно осуществлять ассимиляцию национальностей”⁷¹.

Первоначально Сунь Ятсен не называет будущую единую нацию каким-то конкретным именем. По-видимому, для него было очевидно, что эта нация — ханьская. Но впоследствии он склоняется к наименованию *чжунхуа миньцзу* — “китайская нация”. Компонент *чжунхуа* (“Китай”, “китайский”) безусловно, подчеркивает общекитайский статус этой нации. Однако не нужно забывать и то, что этноним *чжунхуа миньцзу* в Китае служил и для обозначения ханьской этнонации (Лян Цичао, как уже говорилось, использовал его именно в этом значении, у Сунь Ятсена такое употребление данного термина также встречается, хотя и крайне редко). Но обращение Сунь Ятсена к термину *чжунхуа миньцзу* в качестве названия единой нации связано, по-видимому, прежде всего с тем обстоятельством, что определение *чжунхуа* входило в название Китайской Республики — Чжунхуа Миньго.

В 1919 г. в работе “Три народных принципа” Сунь Ятсен формулирует “позитивную цель” национализма, которая должна заключаться в “переплавке” всех народов Китая, включая ханьцев, и образовании единой китайской нации (*чжунхуа миньцзу*). Последнюю Сунь Ятсен уподоблял тогда американской нации, “представляющей собой, — как он писал, — соединение десятков национальностей, черных и белых”⁷². На этот раз данный проект предусматривал, согласно замыслу Сунь Ятсена, создание единой нации уже не как одной большой ханьской этнонации, а как некой новой общности, которая должна сформироваться в результате “переплавки” всего этнического “материала” Китая. Вот почему он говорит о том, что ханьцы, соглашаясь “слиться” с маньчжурами, монголами, мусульманами и тибетцами “в едином плавильном тигле”, фактически жертвуют своей кровью, историей (и прочими элементами собственной самобытности), дабы “создать новый принцип единой китайской нации (*чжунхуа миньцзу*)”⁷³. Это была совершенно новая концепция построения единой нации, так как в прошлом, как уже отмечалось, ассимиляция ханьцами неханьских этносов должна была основываться на принципе неприятия ханьцами инородческих свойств.

Однако этот план Сунь Ятсена, не подкрепленный ничем, кроме самых общих слов о намерениях создать новую единую этническую общность, вскоре отпал сам собой. Сунь Ятсен, конечно, не учел того, что “американская нация” была совсем не тем, что он стремился построить в Китае. Хотя на первых порах он был воодушевлен своей новой идеей и считал возможным осуществить “переплавку” в короткие сроки. Он в самом деле считал, что, “действуя энергично”, можно будет “развить все величие [новой] китайской нации (*чжунхуа миньцзу*)”, и тогда, как он писал в 1919 году, “мы непременно в скором времени сможем превзойти Америку и Европу и стать венцом мира...”⁷⁴. Но реальность заставила Сунь Ятсена вскоре же возвратиться к своему первоначальному проекту единой нации, базировавшемуся, как уже говорилось, на “ханизации” всех неханьских народов страны. В 1921 г. он заявляет, что нужно просто “переименовать ханьцев в *чжунхуа миньцзу*”⁷⁵. Нужно стремиться к растворению неханьцев “внутри ханьцев”, и тогда государство одной ханьской этнонации (*чжунхуа миньцзу*) “потрясет весь мир” своим величием⁷⁶. Итак,

будущая единая китайская нация — это ханьская этнонация. Последний раз об “образовании одной большой китайской нации — *чжунхуа миньцзу*” говорилось в декларации Китайского Гоминьдана от 1 января 1923 г.⁷⁷ После этого Сунь Ятсен обращается к новой концепции единой нации.

Новая концепция была изложена Сунь Ятсеном в его лекционном цикле 1924 г. “Три народных принципа” — в первой из шести лекций, посвященных принципу национализма. Сунь Ятсен вводит здесь понятие государственной нации (*гоцзу*) (сокр. от *гоцзя миньцзу* — “государственная нация”). Последняя мыслилась им как единая ханьская нация⁷⁸, но с особым акцентом на ее роль носительницы китайской государственности. Отмечая этот момент в своей лекции, Сунь Ятсен пояснял, что “в Китае, начиная с Цинь и Хань, всегда одна нация создавала одно государство”⁷⁹. И такой нацией Сунь Ятсен считал только ханьцев, поскольку Китай в его представлении, может быть только ханьским государством. Когда же в Китае господствовали “инородческие” династии (монгольская, маньчжурская), это, по Сунь Ятсену, были периоды гибели ханьского государства.

Были попытки интерпретировать *гоцзу* Сунь Ятсена как нацию “всего народа в целом, населяющего данное государство”⁸⁰. Но это понимание не соответствует тому, что утверждал Сунь Ятсен в своей первой лекции по национализму. Как уже говорилось, Сунь Ятсен отстаивал идею “полностью ханьского” государства в Китае. В лекции он пытался обосновать это, ссылаясь на количество “инородцев” в стране: он почему-то считал, что их общая численность не превышает 10 млн. человек. “Инородцы” были “вкраплены” в 400-миллионный ханьский массив. “Поэтому, — подчеркивал Сунь Ятсен, — 400 млн жителей Китая в подавляющем большинстве, можно сказать, целиком ханьцы. У них единая кровь, единые язык и письменность, единая религия, единые нравы и обычаи — это полностью одна нация (*миньцзу*)”⁸¹. Иначе говоря, Сунь Ятсен настаивал на том, что Китай по существу моноэтничен. И если согласиться с ним относительно численности неханьского населения — примерно 2,5%, что вчетверо занижало действительную долю неханьцев в стране⁸², то тогда его оценка могла бы быть признана правомерной. К тому же, как пояснял Сунь Ятсен, многие инородцы — такие, как мяо, яо, ляо, чжуан и им подобные, “обречены на гибель”, “находятся на грани вымирания”, “не могут далее существовать”⁸³. Поэтому нациестроительство теперь сводится Сунь Ятсеном к укреплению внутреннего единства ханьцев, на что он и обратил особое внимание в лекциях, призвав соединить все ханьские клановые объединения (*цзунцзу туаньти*) в “одно объединение государственной нации (*гоцзу туаньти*)”⁸⁴. В отличие от Лян Цичао, Сунь Ятсен не называет “инородческие” этносы структурными компонентами государственной нации. Фактически он оставляет их как бы за пределами *гоцзу*.

Термин *чжунхуа миньцзу* как наименование единой нации ни в одной из шести лекций по национализму 1924 г. уже не фигурирует. Существенно изменилось и содержание “гоминьдановского национализма (*гоминьдан чжи миньцзучжун*)” в формулировке декларации I Всекитайского съезда Китайского Гоминьдана (1924 г.). Вместо “позитивной цели” построения единой *чжунхуа миньцзу*, о чем говорилось в недавней Декларации Китайского Гоминьдана от 1 января 1923 г., в декларации I съезда ставилась задача: “китайской нации собственными силами добиться освобождения (*чжунго миньцзу цзы цю цзефан*)”⁸⁵, т.е. речь шла об обретении освобождения ханьцами (в текстах Сунь Ятсена *чжунго миньцзу* употребляется как один из этнонимов ханьцев), что вполне согласовалось с новой концепцией *гоцзу*, изложенной в суньятсеновских лекциях по национализму 1924 г.⁸⁶

В целом, идейное наследие Сунь Ятсена, касавшееся проблемы нации, хотя и было весьма националистическим (в худшем смысле слова), однако оно проник-

нуто духом борьбы за единый, сильный и независимый Китай. Поэтому, говоря о вкладе Сунь Ятсена в китайское нациестроительство, справедливо признать, что он был прежде всего искателем, борцом за единую нацию. В ее создании он видел одну из насущнейших задач страны, и в этом он был совершенно прав. Его известный призыв “соединить 400 млн человек в одну крепкую нацию” неоднократно впоследствии повторялся на съездах Гоминьдана. Его идеи в этой области могли воодушевлять ханьцев и в общем, надо согласиться, стимулировали поиски более адекватных концепций единой нации. Но сами его проекты и концепции оказались вполне утопичными и потому не смогли пережить его самого.

Учитывая недостатки позиции Сунь Ятсена в вопросе о единой нации, Китайский Гоминьдан с конца 20-х годов стремится, сохранив суньятсеновскую терминологию, пересмотреть суть его подхода к данной проблеме. Это нашло отражение уже в документах III Всекитайского съезда Китайского Гоминьдана (1929 г.). В резолюции съезда по политическому отчету, в частности, говорилось, что в целях создания сильной государственной нации (*гоцзу*) необходимо осуществлять “тесное единение” национальностей большой пятерки — ханьцев, маньчжуров, монголов, мусульман и тибетцев⁸⁷. “Большая пятерка” — это наследие Синьхайской революции с ее доктриной “Республика пяти национальностей”. Но упоминание пятерки, видимо, не исключало и “малых национальностей” (*сяо цзу*). Иначе говоря, *гоцзу*, в отличие от Сунь Ятсена, рассматривалась как полиэтническая общность. Тем самым, *гоцзу* приобретала характер политической нации.

В Декларацию III съезда было включено требование “основателя партии” (Сунь Ятсена) “сплотить 400-миллионный народ в одну большую государственную нацию”⁸⁸. Этот суньятсеновский призыв был, конечно, по-прежнему актуален. При этом сама формулировка призыва не противоречила новой трактовке *гоцзу* Гоминьданом.

Этот же призыв Сунь Ятсена к сплочению повторялся в декларации IV Всекитайского съезда Китайского Гоминьдана (1931 г.). Тема единой нации не была обойдена и в декларации V съезда Гоминьдана (1935 г.), в которой ставились задачи “укреплять государственную нацию и добиваться ее единства”, “усиливать сплоченность государственной нации”⁸⁹. Наконец, в декларации внеочередного Всекитайского съезда Китайского Гоминьдана (1 апреля 1938 г.) относительно государственной нации было сказано, что “все национальности в пределах Китая в ходе исторического развития в основном уже слились и превратились в монолитную государственную нацию”⁹⁰. Эта формулировка, думается, была продиктована, скорее, обстоятельствами войны с Японией, нежели реальным положением вещей. Стране действительно было крайне необходимо сплотить все национальности, и Гоминьдан в эти годы активизировал пропаганду единения национальностей.

Но наиболее четкое выражение позиция Китайского Гоминьдана по государственной нации нашла в тексте проекта Конституции Китайской Республики (1936-1937 гг.). Статья 5 проекта Конституции гласила: “Все национальности Китайской Республики, являясь структурными компонентами китайской государственной нации (*чжунхуа гоцзу*), равноправны”⁹¹. Здесь, таким образом, налицо некоторое сходство с позицией Лян Цичао в отношении его китайской нации (*чжунхуа гоминь*), ведь Лян Цичао, как уже отмечалось, называл неханьские национальности структурными компонентами китайской нации. Однако он был далек от мысли считать их равноправными членами (равноправными по отношению к ханьцам). То, что Китайский Гоминьдан признавал равноправие всех членов китайской государственной нации, можно рассматривать как серьезное теоретическое продвижение в разработке проблемы единой нации в Китае. В данном своем виде китайская государственная нация приобретала политический, наднациональный характер. Безусловно, концеп-

ция *чжунхуа гоцзу* имела все преимущества не только перед проектами единой нации Сунь Ятсена, но и перед *чжунхуа гоминь* Лян Цичао.

Поскольку данное понимание *чжунхуа гоцзу* вошло в текст проекта Конституции Китайской Республики, ему, тем самым, предполагалось придать характер официальной доктрины. Вместе с тем в Китае тех лет широко использовался и термин *чжунхуа миньцзу*, который у одних авторов обозначал совокупность народов страны, у других же был эквивалентом этнонима *ханьцзу* (*хань миньцзу*). Этнолог Цзян Инлянь, излагая свой взгляд на *чжунхуа миньцзу*, писал в 1937 г., что ее следует рассматривать (в идеале) как “целостную общность”, объединяющую населяющие Китай этносы. Но чтобы такая общность стала реальностью, необходимо прежде положить конец пренебрежительному отношению ханьцев к иноплеменникам⁹². Проект Конституции Китайской Республики, думается, создавал для этого правовую базу.

Важной вехой в процессе дальнейшей разработки и формирования доктрины единой китайской нации явилось выдвижение в 1942 г. лидером Китайской Республики и Гоминьдана Цзян Чжунчжэном (Чан Кайши) новой концепции, согласно которой за единой китайской нацией закреплялось наименование *чжунхуа миньцзу*, но предлагалась совершенно новая трактовка структуры этой нации. В данной связи могут возникнуть вопросы: почему появилась необходимость пересмотра концепции единой нации, представленной в проекте Конституции Китайской Республики? Что могло не устраивать Цзян Чжунчжэна в концепции *чжунхуа гоцзу*, казалось бы, теоретически достаточно корректной? Чтобы ответить на эти и подобные вопросы, нужно, я полагаю, обратить внимание на тогдашнюю политическую ситуацию в Китае и вокруг Китая. Китайская Республика не первый год вела тяжелую борьбу с японской агрессией. Страна как никогда нуждалась в консолидации всех своих сил, сплочении всех национальностей для отпора врагу. Думается, что прежде всего эти обстоятельства заставили Цзян Чжунчжэна выступить с новым проектом единой нации *чжунхуа миньцзу*.

Основные положения новой концепции были изложены Цзян Чжунчжэном в его речи в Синине (пров. Цинхай) 27 августа 1942 г. Он встречался тогда с представителями национальностей “большой пятерки” — ханьцами, маньчжурами, монголами, хуэй⁹³ и тибетцами. Эта речь вошла в собрание сочинений Цзян Чжунчжэна под заголовком: “Общая ответственность китайской нации”⁹⁴.

Главная идея нового проекта заключалась в утверждении, что в Китае наличествует только одна нация — китайская нация (*чжунхуа миньцзу*). Этот пункт особенно подчеркивался Цзян Чжунчжэном в его сининской речи. “У нас есть только одна китайская нация (*чжунхуа миньцзу*)”, говорил Цзян Чжунчжэн, ссылаясь на призыв Сунь Ятсена “соединить 400 млн человек в одну крепкую нацию”⁹⁵. Это было несколько неожиданным заявлением, ибо согласно недавнему проекту китайской государственной нации (*чжунхуа гоцзу*), в Китае признавалось наличие многих наций (*миньцзу*), являвшихся равноправными членами единой общности — государственной нации. Теперь Цзян Чжунчжэн утверждал, что нации большой пятерки — ханьцы, маньчжуры, монголы, хуэй и тибетцы — суть “пять больших кланов (*у да цзунцзу*)”, но “не пять наций (*бу ши угэ миньцзу*)”. Согласно новой концепции, члены единой нации не могли именоваться нациями: ведь термин “нация” был уже “занят”. С данной точки зрения это было вполне логично. Замечу, что подобная же ситуация возникла в России в конце 80-х — начале 90-х годов ушедшего века, когда начались дискуссии о российской нации как общности государственно-политической, или гражданской, и когда выяснилось, что этнические общности, являющиеся членами российской нации, называть нациями было бы некорректно⁹⁶.

Термин *цзунцзу* (“клан”), предложенный Цзян Чжунчжэном вместо *миньцзу*, нужно, конечно, понимать как чисто условный. В своей сининской речи Цзян

Чжунчжэн неоднократно подчеркивал, что “все *цзунцзу* в стране равноправны”, что по своему положению все члены единой нации равны. Он повторял: “Когда я говорю, что мы являемся пятью кланами, а не пятью нациями, я имею в виду, что все мы являемся структурными компонентами (*гоучэн фэньцзы*) китайской нации, подобно тому как братья составляют семью”. Он также пояснял, что у членов китайской нации равные права и обязанности⁹⁷.

Другое важное положение, проходящее красной нитью через всю его речь, — это многократно повторявшийся тезис о *чжунхуа миньцзу* как единой целостной общности. “Наша китайская нация, — повторял он, — это одно целое, и наше государство тем более не может быть расчленено [на части]”. Он призвал своих слушателей “четко осознать, что наша китайская нация — это единое целое”⁹⁸.

К такому пониманию единой нации Цзян Чжунчжэн пришел только в начале 40-х годов. В 20-е и 30-е годы в его выступлениях с термином *чжунхуа миньцзу* связывалось иное содержание. Так, в 1929 г. он признавал, что “наша *чжунхуа миньцзу* не является нацией одной нации (*бу ши и цзу дэ миньцзу*)”⁹⁹. В 1934 г. он пояснял, что “наша китайская нация (*чжунхуа миньцзу*) обладает пяти-тысячелетней культурой”¹⁰⁰, имея, видимо, в виду ханьцев. Лишь в начале 40-х годов термин *чжунхуа миньцзу* получает у Цзян Чжунчжэна новое содержание.

Что касается возраста китайской нации, то, согласно Цзян Чжунчжэну, ее история насчитывает пять тысяч лет¹⁰¹.

В отечественном китаеведении критики концепции единой нации Цзян Чжунчжэна обычно ссылаются на его книгу “Судьба Китая” (1943 г.)¹⁰², но игнорируют его сининскую речь, главные положения которой были представлены выше. Между тем в своей книге Цзян Чжунчжэн менее всего касается вопросов, изложенных им в Синине. Первая глава “Судьбы Китая” озаглавлена: “Рост и прогресс *чжунхуа миньцзу*”, и здесь автор повествует главным образом об истории формирования ханьцев, поглощении ими неханьских этносов, общей исторической судьбе всех *цзунцзу* (в ретроспективном плане он называет все народы Китая, начиная с древнейших времен, “кланами”). В книге подчеркивается расовое единство большинства *цзунцзу*, отмечается, что различия между *цзунцзу* складывались в силу их обитания в различных географических условиях и в силу наличия у них различных религий. Члены единой нации называются также “кланами и ветвями (*цзун чжи*)”¹⁰³. Но все это имеет мало отношения к той характеристике и проблематике единой нации, которая содержалась в сининской речи Цзян Чжунчжэна, и что является предметом рассмотрения настоящей статьи.

Итак, единая китайская нация Цзян Чжунчжэна типологически должна быть отнесена к категории наций надэтнических, иначе говоря, наций государственно-политических, или гражданских, хотя сам автор новой концепции этого вопроса не касается. В этом качестве *чжунхуа миньцзу* Цзян Чжунчжэна однотипна с *чжунхуа гоцзу* — китайской государственной нацией проекта Конституции Китайской Республики (1936–1937 гг.). Отказываясь от суньятсе-новского термина “государственная нация” (*гоцзу*), Цзян Чжунчжэн, возможно, хотел воспользоваться более близким для ханьцев термином *чжунхуа миньцзу* (который к тому же, как уже отмечалось, служил одним из этнонимов ханьцев), а это, несомненно, предопределяло бы больший успех проекта. Ведь на “ханьский клан” приходилось подавляющее большинство единой нации. Что касается неханьцев, то “лишение” их статуса наций (*миньцзу*), вероятнее всего не воспринималось тогда ими сколько-нибудь болезненно: и *миньцзу*, и *цзунцзу* были для них словами, пожалуй, равно малоупотребительными. Но насколько готовы были неханьцы сознавать себя членами китайской нации? Это было вопросом времени и многих других обстоятельств. Все зависело от того, какой климат межэтнических отношений сложится в стране.

В китайском коммунистическом стане концепция *чжунхуа миньцзу* Цзян Чжунчжэна была встречена сугубо враждебно. Мао Цзэдун в докладе на VII Всекитайском съезде КПК (1945 г.) обвинил “антинародную клику в Го-миньдане” в “отрицании существования в Китае многих национальностей”, а также в том, что “за исключением ханьцев (выделено мною. — А.М.) все национальные меньшинства именуется “*цзунцзу*”¹⁰⁴. Но это была подтасовка фактов. Цзян Чжунчжэн нигде такого не говорил. Подробнее (но в том же ключе) рассматривалась концепция единой нации Цзян Чжунчжэна в статье Чэнь Бода “К критике “Судьбы Китая””, вошедшей в одноименный сборник не менее предвзятых статей ряда авторов, посвященных критике книги в целом¹⁰⁵. Чэнь Бода обвиняет Цзян Чжунчжэна в отходе от “привычно-обиходного (*пин жи си юн дэ*)” употребления термина *чжунхуа миньцзу*, в измене учению Сунь Ятсена (признававшего, по словам Чэнь Бода, наличие в Китае многих национальностей), а также в фашистских устремлениях (поскольку в “Судьбе Китая” говорится о “единокровных больших и малых кланах и ветвях”) и т.п. В специальной литературе КНР даже в 90-е годы приходится сталкиваться с “неточностями”, вроде того, что “национальные меньшинства рассматриваются (у Цзян Чжунчжэна. — А.М.) в качестве ханьских кланов и ответвлений”¹⁰⁶.

В отечественном китаеведении концепцию единой китайской нации Цзян Чжунчжэна, как правило, было принято понимать с подачи Мао Цзэдуна, т.е. в ложном свете. Отсюда и привычные нападки за якобы отрицание существования в Китае “национальных меньшинств”. Критиковали автора “Судьбы Китая” и за его попытки генетического “сближения” *цзунцзу*, составляющих единую китайскую нацию. Но эта проблематика выходит за рамки темы настоящей статьи, и я ее не касаюсь.

Завершая рассмотрение вопросов формирования доктрины китайской нации, можно отметить главное в развитии идеи единой нации за этот период. Несмотря на “новизну” проблематики, связанной с проникшими на китайскую почву понятиями нации в ее двух основных категориях, уже в первом десятилетии прошедшего века в Китае делаются попытки теоретического осмысления проблемы “однонационального” Китая. В нациестроительстве складываются два главных видения единой нации: как общности политической, надэтнической и как общности этнической, гомогенной. С годами отпадает как несостоятельная идея образования одной большой гомогенной этнонации и побеждает идея единой нации как сообщества равноправных компонентов — сообщества по существу надэтнического, хотя этот момент остается, по всей видимости, не вполне осознанным. Не менее существенно и то, что уже в этот период идея единой нации, ее стратегической значимости для самого существования Китая и сохранения его целостности находит все большее понимание в китайском обществе. Нациестроительство становится важным направлением стратегии разных политических сил, видящих в доктрине единой нации реальный путь к усилению центростремительных тенденций в развитии государства. Что же касается формирования самой единой общности, то в этом плане в первые полвека можно отметить лишь относительный прогресс. По-видимому, та распыленность, о которой говорили Лян Цичао и Сунь Ятсен, во второй четверти века в какой-то степени стала преодолеваться. “Пик” консолидации (прежде всего ханьцев) падает на годы войны сопротивления Японии, приведшей китайское общество к заметному сплочению.

(Окончание следует)

1. *Гоминь* также имеет ряд других значений, в том числе “гражданин”.

2. Псевдоним Глотатель Льда (*Инь Бин*, или *Инь Бин-цзы*) был, пожалуй, одним из наиболее известных вымышленных имен Лян Цичао, поскольку выходявшие в свет в разные годы собрания его трудов обозначались как "Сочинения из Кабинета Глотателя Льда".
3. Лян Цичао. Синь Далу ю цзи цзе лу (Из записок о путешествии по Новому Свету) // *Инь Бин ши хэ цзи* (Собрание сочинений из Кабинета Глотателя Льда). Чжуань цзи (Сочинения на специальные темы). Шанхай, 1941. Т. 5. Разд. 22. С. 1 (текст 1904 г.).
4. *Шиминь* здесь соответствует английскому "citizen" (ср. *Инь Бин ши хэ цзи*. Т. 3. Разд. 4. С. 153). Контекст подтверждает, что речь идет о понятии "гражданин" (но не о "горожанах"). Вообще же в текстах Лян Цичао в значении "гражданин" употреблялись либо термин *гунминь*, либо *гоминь*.
5. Лян Цичао. Указ. соч. С. 121.
6. Там же. С. 122.
7. Лян Цичао. Чжунго цзижо суюань лунь (О причинах ослабления Китая) // *Инь Бин ши вэнь цзи* (Сочинения из Кабинета Глотателя Льда). Тайбэй, 1960. Т. 2. Разд. 5. С. 15. (Текст относится к 26 году Гуансюй, т.е. к 1900 г.).
8. Там же. С. 25.
9. Лян Цичао. Чжэнчжисюэ да цзя Болуньчжили чжи сюэшо (Учение Блюнчли, крупного специалиста по политическим наукам) // *Инь Бин ши вэнь цзи*. Т. 5. Разд. 13. С. 69.
10. Там же.
11. По словам Жака Вонтобеля, исследовавшего научное наследие Блюнчли, ученый ощущал себя одновременно и швейцарцем, и немцем (он родился в 1808 г. в Цюрихе, умер в Карлсруэ, в Германии, в 1881 г.) см.: Vontobel. J. Johann Caspar Bluntschli Lehre von Recht und Staat. Zürich, 1956. S. 5.
12. По всей видимости, это был перевод трехтомного труда Блюнчли, вышедшего в свет в 1875-1876 гг. в Штуттгарте под заглавием: *Lehre vom modernen Stat* (здесь и в дальнейших цитатах из Блюнчли обращаю внимание на старую немецкую орфографию в написании некоторых слов).
13. Лян Цичао. Гоця сысян бяньцянь и тун лунь (О разномыслии в вопросе о трансформации идеи государства) // *Инь Бин ши вэнь цзи*. Т. 3. Разд. 6. С. 13-16.
14. Лян Цичао. Лунь сюэшу чжи шили цзай цзою шицзе // *Инь Бин ши вэнь цзи*. Т. 3. Разд. 6. С. 114.
15. Vontobel. J. Ibid.
16. Лян Цичао. Лунь цзинь ши гоминь цзинчжэн чжи даши цзи Чжунго цянтьу (О тенденциях в современном соперничестве наций и перспективах Китая) // *Инь Бин ши вэнь цзи*. Т. 2. Разд. 4. С. 56 (текст 1899 г.).
17. Там же.
18. Лян Цичао. Ай го лунь (О патриотизме) // *Инь Бин ши вэнь цзи*. Т. 2. Разд. 3. С. 70 (текст 1899 г.). В 1911 г. (еще до Синьхайской революции) Лян Цичао признавал, что "сегодня патриотизм у нашего народа в самом деле слабее, чем в других странах". См.: Лян Цичао. Чжунго цянтьу чжи сиван юй гоминь цзэжэнь (Надежды на будущее Китая и ответственность нации) // *Инь Бин ши вэнь цзи*. Т. 10. Разд. 26. С. 9.
19. Лян Цичао. Лунь цзинь ши гоминь цзинчжэн... С. 56.
20. Лян Цичао. Чжунго юй Туэрци чжи и (О различиях Китая и Турции) // *Инь Бин ши вэнь цзи*. Т. 12. Разд. 33. С. 28 (текст 1915 г.).
21. Этноним *чжунгожэнь* ("китайцы") у Лян Цичао (как и у многих других китайских авторов) употреблялся как эквивалент этнонима "ханьцы".
22. Лян Цичао. Лунь цзинь ши гоминь цзинчжэн... С. 56.
23. Лян Цичао. Лунь бянь фа би цзы пин мань хань чжи цзе ши (Начинать изменение законов нужно непременно со сглаживания граней между маньчжурами и ханьцами) (текст 1896г.) // *Инь Бин ши вэнь цзи*. Т. 1. Разд. 1. С. 77.
24. В данном случае имеются в виду, конечно, ханьцы.
25. Лян Цичао. Лунь Чжунго сюэшу сысян бяньцянь чжи даши (О тенденциях в процессе изменения научной мысли в Китае) // *Инь Бин ши вэнь цзи*. Т. 3. Разд. 7. С. 31.

27. Лян Цичао. Лунь Чжунго гоминь чжи пиньгэ (О качестве китайской нации) // Там же. Т. 5. Разд. 14. С. 5.
28. Лян Цичао. Чжэнчжисюэ да цзя Болуньчжили чжи сюэшо. С. 68, 72.
29. J.C. Bluntschli. Lehre vom modernen Stat. Erster Theil. Stuttgart, 1875. S. 118.
30. Ibid. S. 97.
31. Лян Цичао. Чжэнчжисюэ да цзя... С. 72.
32. Лян Цичао. Чжунго цяньту чжи сиван юй гоминь цзэжэнь (Надежды на будущее Китая и ответственность нации) (текст 1911г.) // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 10. Разд. дел 26. С. 9.
33. Чжунго лиши шан миньцзу чжи яньцзю (Исследование [китайского] этноса в истории Китая) // Лян Цичао. Го ши яньцзю лю пянь (Шесть статей по истории Китая). Шанхай, 1936. С. 1.
34. Лян Цичао. Чжэнчжисюэ да цзя... С. 72.
35. Там же. С. 68.
36. J.C. Bluntschli. Lehre vom modernen Stat. Erster Theil. S. 570.
37. Лян Цичао. Указ. соч. С. 72.
38. Bluntschli. J.C. Lehre... S. 97.
39. Лян Цичао. Указ. соч. С. 72.
40. Bluntschli. J.C. Lehre... S. 97.
41. Ibid. S. 115.
42. Лян Цичао. Чжунго лиши шан миньцзу чжи яньцзю. С. 1.
43. Лян Цичао. Чжунго цяньту... С. 14.
44. Там же.
45. Лян Цичао. Лунь бянь фа би цзы пин мань хань чжи цзе ши. С. 77. Полагая, что ханьцы уже полностью поглотили маньчжуров, Лян Цичао считал возможным говорить, что ханьцы и маньчжуры равно принадлежат к категории гоминь (там же, с. 80). Примечательно в данной связи, что, квалифицируя в 1922 г. неханьцев как "структурных компонентов" нации – гоминь, он называет таковыми монголов, мусульман и тибетцев, не упоминая о маньчжурах. – См. Лян Цичао. Чжунго лиши шан миньцзу чжи яньцзю. С. 1.
46. Лян Цичао. Лиши шан чжунхуа гоминь шиэ чжи чэн бай цзи цзиньхоу гэцзинь чжи цзюнь // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 13. Разд. 36.
47. Там же. С. 24.
48. Там же. С. 26.
49. Там же. С. 27.
50. Лян Цичао. Синьхай гэмин чжи ии юй ши нянь шуан ши цзе чжи лэгуань (Значение Синьхайской революции и оптимизм в связи с ее десятой годовщиной) // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 13. Разд. 37. С. 2.
51. Лян Цичао. Лиши шан чжунхуа гоминь... С. 32.
52. Там же. С. 33.
53. Там же. С. 29.
54. Лян Цичао. Лунь миньцзу цзинчжэн чжи даши (О тенденциях соперничества [этно]наций) // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 4. Разд. 10. С. 35 (текст 1902 г.).
55. Лян Цичао. Чжэнчжисюэ да цзя С. 76.
56. Там же.
57. Цит. по: Хуан Синтао. "Чжунхуа миньцзу" гуаньянь миншэн юй синчэн дэ лиши каоча (Исторические разыскания относительно появления и формирования понятия "чжунхуа миньцзу" [текст доклада, представленного на международной научной конференции, посвященной 90-летней годовщине Синьхайской революции. Ухань, октябрь 2001 г.] С. 8-9 (выражаю благодарность ведущему научному сотруднику ИДВ РАН А.Г. Ларину, участнику конференции в Ухане, предоставившему мне текст доклада профессора Хуан Синтао).
58. Сань минь чжуи юй чжунго миньцзу чжи цяньту (Три народных принципа и перспективы китайской(=ханьской) нации) // Го фу цюань шу (ПСС Отца Республики). Тайбэй, 1970. С. 479.
59. Сань минь чжуи. Миньцзучжуи. Ди-и цзян (Три народных принципа. Национализм. Первая лекция) // Сунь Чжуншань сюань цзи (Избранные сочинения Сунь Ятсена). Пекин, 1957. Т. 2. С. 590.
60. Там же. Ди-у цзян (Пятая лекция) // Сунь Чжуншань сюань цзи. Т.2. С. 643.

61. Сань минь чжуи. Миньцюаньчжуи. Ди-эр цзян (Три народных принципа. Народно-властие. Вторая лекция) // Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 679.
62. Мянэ Чжунго цзидуцзяо циннянь (Наставление, обращенное к протестантской молодежи Китая) // Сунь Чжуншань цюань цзи (ПСС Сунь Ятсена). Пекин, 1986. Т. 11. С. 536.
63. Сань минь чжуи. Миньцюаньчжуи. Ди-эр цзян. С. 690.
64. Сань минь чжуи. Миньцзучжуи. Ди-у цзян (Три народных принципа. Национализм. Пятая лекция). С. 646.
65. Сань минь чжуи. Миньцюаньчжуи. Ди-эр цзян. С. 688.
66. О национализме Сунь Ятсена см.: А. Москалев. Национализм в понимании Сунь Ятсена // ПДВ. 1999. № 2, 3.
67. Подробнее об этом см.: Москалев А.А. Национализм Сунь Ятсена в изложении Ван Цзинвэя // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке. Тезисы докладов VII Международной научной конференции (ИДВ РАН). М., 1996. Часть 2. С. 34-38.
68. Цзинвэй. Миньцзу дэ гоминь (Граждане нации) // "Миньбао". 1905. № 1. С. 31.
69. Цзинвэй. Яньцзю миньцзу юй чжэнчжи гуаньси чжи цзыляо (Материалы к изучению взаимоотношения этнических и политических факторов) // "Миньбао". 1907. № 13. С. 31.
70. Цзоу Лу. Чжунго Тунмэнхуэй (Китайский Объединенный Союз) // Чжунхуа Миньго кай го уши нянь взньсянь. Ди-и бянь, ди-шии цэ (Материалы к 50-летию образования Китайской Республики). Тайбэй, 1964. Часть 1. Т. 11. С. 268.
71. Гоминьдан цзу дан сюаньянь // Го фу цюань шу. С. 398.
72. Сань минь чжуи. (Три народных принципа) // Го фу цюань шу. С. 180-181.
73. Там же.
74. Там же. С. 181.
75. Сунь Чжуншань цюань цзи. Пекин, 1985. Т. 5. С. 473.
76. Сань минь чжуи чжи цзюйти баньфа (Конкретные пути реализации трех народных принципов) // Го фу цюань шу. С. 891.
77. Чжунго Гоминьдан сюаньянь (Декларация Китайского Гоминьдана) // Го фу цюань шу. С. 753.
78. Синь минь чжуи. Миньцзучжуи. Ди-и цзян. С. 590.
79. Там же.
80. Сунь Ятсэн. Три народных принципа ("Сань минь-чжуи"). Перевел с китайского и снабдил примечаниями Г. Кара-Мурза (На правах рукописи). М., 1928. С. 2.
81. Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 593.
82. До образования КНР в Китае обычно считалось, что на неханьцев приходится примерно 10% населения страны. Даже в 1950 г. Фань Вэньлань писал, что "из 500 млн населения Китая 9/10 - ханьцы", что численность всех неханьских национальностей "считается равной 1/10 населения страны". - См. Фань Вэньлань. Чжунхуа миньцзу дэ фачжань (Развитие китайской нации) // "Сюэси", 1950. Цзюань 3. № 1. С. 45, 46.
83. Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 623, 643, 645.
84. Там же. С. 643-648. Кстати, в русском переводе лекций Сунь Ятсена термин гоцзу неправильно переведен как "единство государства и нации" (См. Сунь Ятсен. Избранные произведения. Издание второе. М., 1985. С. 378).
85. Чжунго Гоминьдан ди-и цы цюаньго дайбяо дахуэй сюаньянь (Декларация I Все-китайского съезда Китайского Гоминьдана) // Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 525.
86. В русском издании избранных произведений Сунь Ятсена этот пункт (т.е. "первая сторона" принципа национализма) переведен неправильно: переводчик не понял, что такое "чжунго миньцзу" ("китайская нация") и перевел "чжунго" как "весь Китай", а "миньцзу" как прилагательное "национальный" - получилось бессмысленное "национальное освобождение всего Китая" (см. Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1985. С. 362).
87. Чжунго Гоминьдан ди-и-эр-сань-сы цы цюаньго дайбяо дахуэй хуэйкань (Материалы I, II, III, IV Всекитайских съездов Китайского Гоминьдана). Нанкин, 1934 (репринт: Тайбэй, 1973). С. 137.
88. Там же. С. 94.

88. Там же. С. 94.
89. Го фу цюань шу. С. 333.
90. Чжунго Гоминьдан линьши цюаньго дайбяо дахуэй сюаньянь (Декларация внеочередного Всекитайского съезда Китайского Гоминьдана) // Го фу цюань шу. С. 338.
91. Ху Цзинмин. Сяньфа ганъяо (Очерки по конституции). Нанкин, 1946. С. 303-304.
92. Цзян Инлян. Гуандун яожэнь цзинь си гуань (Взгляд на настоящее и прошлое гуандунских яо) // "Миньсу". 1937. № 3. С. 1-2.
93. В то время под хуэй имелись в виду мусульманские национальности, но отнюдь не китаеязычные хуэй, которые в КНР считаются самостоятельной нацией (миньцзу).
94. Чжунхуа миньцзу чжэнгэ гунтун дэ цзэжэнь // Цзян цзунтун цзи (Собрание сочинений президента Цзян Чжунчжэна). Тайбэй, 1968. Т. 2. С. 1422-1423.
95. Там же. С. 1422.
96. Эта проблематика поднималась в ряде статей и выступлений В.А. Тишковым (начиная с его статьи "Народы и государства" в "Коммунисте", 1989, № 1), обратившим внимание на необходимость более строгого подхода к употреблению термина "нация" в отношении общностей различного порядка
97. Цзян Чжунчжэн. Указ. соч. С. 1423.
98. Там же. С. 1422, 1423.
99. Цит. по: Лу Пэйюн. Цзян Чжунчжэн сяньшэн чжи миньцзу сысян юй "Чжунго чжи минъюнь" (1942-1943) (Идея нации Цзян Чжунчжэна и "Судьба Китая") // Го фу цзянь дан гэмин и бай чжоуньянь сюэшу таолунь цзи. Ди-сань цэ. – Кан чжань цзянь го ши (Сборник материалов научной конференции, посвященной столетней годовщине основания партии Отцом Республики и [начала] революции. Т. 3. – История войны сопротивления и основания Республики). Тайбэй, 1995. С. 115.
100. Цзян Чжунчжэн. Синь шэнхо юньдун ганъяо (Программа движения за новую жизнь). Наньчан, 1934. С. 1.
101. Цзян Чжунчжэн. Чжунхуа миньцзу чжэнгэ гунтун дэ цзэжэнь С. 1422.
102. Цзян Чжунчжэн. Чжунго чжи минъюнь. Чунцин, 1943.
103. Цзян Чжунчжэн. Указ. соч. С. 1.
104. Лунь лянхэ чжэнфу (О коалиционном правительстве) // Мао Цзэдун сюань цзи. (Избранные сочинения Мао Цзэдуна). Пекин, 1953. Т. III. С. 1084.
105. Чэнь Бода, Ай Сыци дэн чжу. Пин "Чжунго чжи минъюнь". (Чэнь Бода, Ай Сыци и др. К критике "Судьбы Китая"). Б.м., декабрь 1945. Другие авторы сборника (по оглавлению): Фань Вэньлань, Люй Чжэньюй, Сюй Фаньсян (в тексте, с. 103, имя последнего записано иначе: Сюй Тинфань).
106. Хао Шиюань. Чжунго дэ миньцзу юй миньцзу вэньти (Национальности Китая и национальный вопрос). Наньчан, 1996. С. 138.

Мои встречи с Го Можо

© 2002

С. Тихвинский

В ноябре 2002 г. исполняется 110 лет со дня рождения Го Можо — известного китайского историка, писателя, видного государственного деятеля, внесшего вклад в победу китайской революции, в создание Китайской Народной Республики, в развитие науки и культуры Китая. Он был заместителем председателя Постоянного Комитета ВСНП, заместителем премьера Госсовета, более 20 лет бессменным Президентом Академии наук КНР. Го Можо — большой друг нашей страны, много сделавший для прогресса китайско-советских связей в области науки и культуры.

Публикуемые ниже записки посвящаются памяти Го Можо.

* * *

Вскоре после окончания Московской конференции министров иностранных дел США, Великобритании и Советского Союза (октябрь 1943 г.), в секретариате которой в мои обязанности входило выполнение ряда протокольных и переводческих функций, я с семьёй отбыл в Китай на работу в нашем посольстве в г. Чунцине - столице Китая военного времени. Здесь вскоре после приезда я, второй секретарь посольства, сопровождал нашего посла в Китае А.С.Панюшкина на завтрак, который устроил в его честь видный деятель левого крыла Гоминьдана, бывший китайский посол в Москве Шао Лицзы. Вместе с хозяином на завтраке присутствовал известный китайский историк, писатель и видный общественный деятель Го Можо.

Беседа за столом касалась вопросов, связанных с тяжёлой внутривосточной обстановкой, сложившейся к этому времени в Китае. Шёл пятый год крупномасштабной войны, развязанной 7 июля 1937 г. Японией против Китая. Однако до конца 1941 г., несмотря на происки прояпонских элементов в Гоминьдане, китайский народ при активной военной и политической поддержке Советского Союза оказывал героическое сопротивление агрессорам.

После начала войны на Тихом океане подконтрольные гоминьдановскому правительству войска, до этого главным образом занятые на ведении активных боевых действий против японской армии, перешли к пассивной обороне от глубоко вторгшихся в Китай японских войск. Гоминьдановское правительство, воспользовавшись занятостью Советского Союза борьбой с фашистской агрессией, а США и Великобритании - войной на Тихом океане, усилило репрессии против демократических сил Китая, блокировало Особый район коммунистов с центром в Яньани, ухудшило отношения с Советским Союзом, стало вести враждебную нашей стране деятельность в пограничной с СССР китайской провинции Синьцзян и прекратило поставки в нашу страну своих товаров в погашение полученных от СССР кредитов. Все эти вопросы обсуждались участниками беседы с послом, которую я переводил.

Во время завтрака Шао Лицзы и Го Можо, узнав, что я только недавно прибыл в Чунцин и ещё не обзавёлся, как это полагалось иностранным дипломатам, визитной карточкой на китайском языке, тут же стали подыскивать благозвучный, с литературной точки зрения, фонетический и иероглифический аналог моей фамилии, остановившись на трёх иероглифах, звучащих как Ци Хэвэнь (а по своему значению соответствовавших понятиям "уравновешенный и высококультурный").

Узнав о том, что я собираю материал для своей кандидатской диссертации на тему о внешней политике основателя Китайской Республики доктора Сунь Ятсена, Го Можо порекомендовал мне встретиться с профессором Хоу Вайлу, видным знатоком истории китайской общественной мысли, и Цзянь Боцзанем, видным китайским историком. В дальнейшем, в ходе последующих встреч, Го Можо интересовался ходом моей работы над диссертацией. Я бережно храню подаренные мне Го Можо в Чунцине его книги "Цинтун шитай" ["Бронзовый век"] и "Шиби паньшу" ["Десять критических статей"] с автографами автора.

Книги, пьесы и статьи, написанные Го Можо в Чунцине, привлекали к себе всеобщее внимание как своими научными и литературными достоинствами, так и полемической заострённостью. Так, например, большой общественный резонанс вызвала его большая статья, посвящённая 300-летию крестьянского восстания в Китае под руководством Ли Цзычена, которая привела к свержению Минской династии в 1644 году. Гоминьдановские власти остро отреагировали на эту статью, в которой, критикуя продажность и разложение последних правителей Минской династии, Го Можо недвусмысленно намекал на гоминьдановское правление.

Го Можо принимал самое непосредственное участие в мероприятиях по развитию китайско-российских культурных связей, выступал с лекциями в "Китайско-Советском культурном обществе" и с публикациями в китайской прессе по этим вопросам.

Во время одной из наших встреч Го Можо посоветовал мне после завершения работы над темой о внешней политике Сунь Ятсена заняться исследованием древнекитайского трактата о дипломатии "Гуйгуцзы", однако загруженность по работе в посольстве и завершение работы над рукописью кандидатской диссертации не позволили мне в то время заняться сбором материалов по истории дипломатии древнего Китая, да и меня больше интересовали события второй половины XIX - начала XX века.

В мае 1945 г. я возвратился в Москву, где во время своего пребывания защитил кандидатскую диссертацию на заседании Учёного совета Института истории АН СССР под председательством академика Грекова. В Москве шла подготовка к торжествам, связанным с 220-летием Академии наук СССР, на которые среди прочих иностранных гостей были приглашены китайские ученые: математик Дин Силинь и историк и литературовед Го Можо. 9 июня Го Можо вылетел из Чунцина через Индию, Ирак и Иран и прибыл в Москву лишь 25 июня (Дин Силинь прилетел в Москву днём раньше, 24 июня), опоздав на юбилейную сессию АН СССР.

Ко времени прибытия Го Можо в Москву сессия АН СССР уже переместилась в Ленинград, и мне было поручено сопровождать его в мой родной город. 26 июня на Пулковском аэродроме Го Можо встречал мой учитель по Ленинградскому университету всемирно известный китаевед академик В.М.Алексеев. Он приветствовал гостя торжественной речью на китайском классическом литературном языке — вэньяне —, который в совершенстве изучил, будучи в императорском Китае ещё до Синьхайской революции 1911 г. Го Можо, уже тогда страдавший прогрессирующей глухотой, попросил меня перевести слова В.М.Алексеева, после чего ответил ему на своём сычуаньском диалекте современного китайского языка. Ответную речь Го Можо я, в свою

очередь, перевёл В.М.Алексееву. В дальнейшем мне приходилось часто помогать этим двум выдающимся учёным-китаеведам преодолевать различия между современным разговорным, к тому же усложнённым диалектными особенностями, и классическим письменным языками. Когда же дело доходило до чтения китайских иероглифических текстов, в моих услугах оба учёных, естественно, не нуждались.

27 июня Го Можо выступил в Таврическом дворце на приёме, организованном исполкомом Ленинградского городского совета депутатов трудящихся по случаю юбилейных торжеств, беседовал с президентом Академии наук СССР академиком В.Л.Комаровым, с директором Института востоковедения АН СССР академиком В.В.Струве. Он знакомился с Ленинградом и его окрестностями, выступал на встречах с учёными-востоковедами. Он побывал на квартире у В.М.Алексеева в знаменитом доме академиков, был гостем моего отца в нашей квартире на Большом проспекте Васильевского острова. За эту поездку я смог оценить личные качества Го Можо — его исключительную доброжелательность к людям, глубокий интерес к истории и современной науке нашей страны. Он как бы впитывал в себя информацию об истории России, о её людях, их судьбах. Интересовался у моего отца подробностями ленинградской блокады, которую тот пережил, расспрашивал во всех подробностях об истории Ленинграда, его памятниках. В Ленинграде Го Можо жил в гостинице "Астория" и, очарованный невиданной красотой белых ночей, бродил по ночному городу, слагая о нём стихи.

29 июня мы возвратились в Москву, и вечером того же дня Го Можо был приглашён в Большой театр на концерт, устроенный для участников юбилейной сессии Академии наук.

За время своего пребывания в Советском Союзе, до 16 августа 1945 г., Го Можо посетил Узбекскую ССР, Сталинград, совершил поездку по каналу Москва — Волга.

В Москве он неоднократно выступал с докладами перед научной общественностью — в Институте философии АН СССР, перед московскими востоковедами, перед профессорско-преподавательским составом исторического факультета МГУ, а также во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей. В своих докладах и выступлениях он рассказывал о состоянии исторической науки в Китае и Японии, о китайской литературе и искусстве в годы войны с Японией.

В своём докладе об изучении истории Китая во время антияпонской войны Го Можо, в частности, сказал:

"За 8 лет войны с Японией Китай потерял немало территорий, лишился немалых культурных ценностей, и различные объективные условия (частые эвакуации, отсутствие справочных материалов, недостаточность типографского оборудования, бумаги и т.д.) оказали серьёзное влияние на китайскую науку и создали огромные трудности для научной работы. Эти трудности в равной мере относятся и к исторической науке. Получить необходимые исторические материалы часто представлялось невозможным. Чтобы уберечь книжные и рукописные фонды от бомбардировки вражеской авиации, пришлось наиболее ценные книги изъять из библиотек и книгохранилищ, разослать их по различным местам. Если в результате исследовательской работы имелись определённые успехи, то издание этих работ встречалось со множеством трудностей. По всем этим причинам деятельность китайской исторической науки во время войны по своей активности значительно отличается от довоенной. Однако, невзирая на эти трудности, китайские историки за годы войны не прекращали своей работы, не опускали рук".

В числе наиболее крупных трудов, созданных китайскими историками в годы войны, Го Можо назвал "Курс лекций по истории Китая", написанный в Яньяни историками Фань Вэньланем, Люй Чжэнъюем и Инь Цимином, работу

профессора Хоу Вайлу "История современной китайской идеологии", "Очерк истории Китая" Цзянь Боцзяня. Го Можо также поделился соображениями относительно существования в древнем Китае рабовладельческого общества и рассказал о своих работах, посвящённых этой проблеме. Среди вопросов, затронутых им в докладе, значительное место было уделено также проблеме длительного господства в Китае феодального общественного строя. Заканчивая своё выступление, Го Можо сказал: "Старый, феодальный способ производства уже давно полностью себя исчерпал и наносит вред современному обществу. Воздушные, сухопутные, морские сообщения стали достижением всего человечества, и уже нет более препятствий для торговли и промышленного развития Китая. Китай должен модернизироваться, индустриализироваться — это историческая необходимость, на которую нам указывает историческая наука. Народ проснулся. Китайская история из периода "семейных хроник императоров" вступает в период "истории народа".

Во многих случаях мне приходилось выступать переводчиком этих докладов. Перевод доклада "Изучение истории в Китае во время войны", сделанного Го Можо 3 августа 1945 г. на заседании историко-философской секции ВОКС, был опубликован в № 5-6 журнала "Вопросы истории" за 1945 г.

Запомнился обмен тостами между Го Можо и Ильёй Эренбургом на приёме, устроенном председателем ВОКС, известным искусствоведом В.С.Кеменовым в честь Го Можо 9 августа 1945 г. На приёме присутствовали также писатели К.Симонов, Н.Тихонов, С.Маршак, академик В.В.Струве, японевед проф. Н.И.Конрад, китайский посол Фу Бинчан, новый советский посол в Китае, также в своё время учившийся у академика Алексеева, известный специалист по древнекитайской философии А.А.Петров, ответственные сотрудники Народного комиссариата иностранных дел СССР. И.Эренбург, поднимая тост, сказал: "Если два иностранных корабля встречаются в открытом море, они салютуют друг другу, а если два писателя-романтика встречаются за столом — они пьют за здоровье друг друга. Вы, Го Можо, романтик, а романтик всегда молод душой. Поэтому я предлагаю тост за молодость Китая и за Вашу молодость".

В ответном слове Го Можо поблагодарил И.Эренбурга и других за искренние слова, которые он воспринимал как обращённые не к нему лично, а ко всему китайскому народу. Он подчеркнул, что приём, устроенный в его честь, проходит в день объявления Советским Союзом войны милитаристской Японии, и выразил уверенность, что вступление советских вооружённых сил в войну приблизит час освобождения китайского народа от японского агрессора. "Победа predetermined, — сказал Го Можо, — однако после победы должна быть проведена жестокая борьба за уничтожение фашистской идеологии. Это будет долгом работников культуры. Длительный мир может быть создан только на основе прогрессивной и демократической культуры. Мы искренне желаем вместе с советскими писателями, учёными и всеми работниками культуры бороться, чтобы выполнить эту великую миссию".

О своём 50-дневном пребывании в Советском Союзе летом 1945 г. Го Можо подробно написал в книге "Сулянь цзисин" — "Записки о поездке в СССР", выдержки из которой в форме дневника в 1945 г. печатались газетой "Синьхуа жибао", а в марте следующего, 1946 г. вышли в свет в Шанхае отдельной книгой в издательстве "Чжунвай чубаньшэ". Книга имела большой успех и в октябре того же года вышла вторым изданием. В 1947 г. шанхайское издательство "Эпоха" выпустило сокращённый русский перевод "Записок". Перевод, предисловие и исследовательская статья о творческом пути Го Можо были выполнены В.Н.Роговым. 15 апреля 1946 г. Го Можо написал краткое предисловие к русскому изданию, в котором, в частности, говорится:

"Пятидесятидневная поездка по СССР является самым незабываемым событием в моей жизни. Как радостно, что моя многолетняя, заветная мечта

выполнена. И ещё более радостно, что мои самые разнообразные мечты и идеалы получили действительное осуществление в образах, мною виденных в СССР. Доброту, смелость, преданность и радость в труде во всей широте, глубине и интенсивности этих лучших качеств советских людей трудно представить тому, кто не бывал в СССР. Я благодарен советскому народу: в течение 50-ти дней он проявлял ко мне чувство братской дружбы... Пользуясь случаем, я ещё раз выражаю свою глубокую благодарность советскому народу и всем друзьям, которые непосредственно меня учили и помогали мне в поездке. Особенно я хочу ещё раз выразить искреннее уважение покойному президенту Академии наук СССР В.Л.Комарову".

После своего возвращения в Китай из поездки по Советскому Союзу Го Можо продолжал активную политическую и общественно-публицистическую деятельность, критикуя антинародную политику гоминьдановских властей. Его статьи, памфлеты и драмы на исторические сюжеты способствовали развенчанию замыслов реакционной верхушки Гоминьдана по сепаратному созыву Национального собрания в нарушение решений Политического консультативного совета (январь 1946 г.), совместно принятых ГМД, КПК и другими партиями. За свою активную деятельность Го Можо подвергался резкой критике со стороны гоминьдановских властей, и вскоре вынужден был эмигрировать из Китая.

Вновь с Го Можо мне довелось повстречаться в Бэйпине (Пекине) летом 1949 г., куда со всего Китая и из-за границы съезжались представители различных оппозиционных Гоминьдану партий и видные общественные деятели демократического толка, в том числе и Го Можо.

16 июля 1949 г. по инициативе 698 представителей различных партий и слоёв прогрессивной общественности в помещении бывшего японского посольства прошло представительное собрание, на котором был создан подготовительный комитет Общества китайско-советской дружбы. Среди инициаторов этой акции был и Го Можо. Как-то в конце лета он посетил меня в нашем генеральном консульстве в Бэйпине и рассказал о своей жизни за время, прошедшее после наших встреч в Москве.

В конце 1953 г. я встречался с Го Можо в Вене на сессии Всемирного совета мира, на которой он возглавлял делегацию КНР. В последний раз мы виделись с Го Можо в 1957 г. в Москве, куда он приезжал на сессию Всемирного совета мира и был награждён медалью Ф.Жолио Кюри.

Во время пребывания Го Можо в Москве мы совершили с ним увлекательную поездку на теплоходе по каналу Москва — Волга в обществе известной китайской киноактрисы Бай Ян.

Больше, к сожалению, судьба меня не сводила с Го Можо, но я бережно храню память о наших встречах в Китае и в России с этим ярким человеком, видным учёным и государственным деятелем Китая, большим другом нашей страны, организатором научных и культурных связей между Китаем и Россией.

Наши рефераты

Китайско-советские отношения в 50-е годы: проблема советских специалистов

За последние два года в Китае появились серьезные исследования проблем китайско-советских отношений в 50-е годы XX в. В частности, в 2002 г. китайский ученый Шэнь Чжихуа опубликовал две статьи: "Историческое исследование проблемы советских специалистов в Китае: общая ситуация и изменения в политике"¹ и "Историческое исследование проблемы советских специалистов в Китае: их роль и влияние"². Редакция журнала публикует изложение этих статей.

Исследование Шэнь Чжихуа основано на широкой источниковедческой базе. Проанализированы соответствующие публикации по этой теме в Китае, СССР (РФ) и третьих странах, использованы материалы архивов Пекина, Автономного района Внутренней Монголии, провинций Цзилинь, Ляонин, Синьцзян - Уйгурского автономного района КНР, а также рассекреченные архивы СССР. Автор встречался со многими представителями китайских предприятий и учреждений — участниками китайско-советского сотрудничества в 50-е годы минувшего века.

Отправка большого количества специалистов и советников в другие страны была важным направлением распространения влияния СССР на социалистические страны и страны третьего мира в области политики, экономики, военного дела, дипломатии и культуры, считает автор, а также особенностью отношений социалистических стран во времена холодной войны. "Независимо от того, из чего исходило посылающее государство и каковы были его первоначальные намерения, в целом результаты обманули ожидания" (1. С. 25). Если взять в качестве примера СССР, продолжает автор, то в 1948 г. во время конфликта между СССР и Югославией, первой реакцией Сталина был отзыв всех советских специалистов из Югославии; в 1956 г., в период кризиса польско-советских отношений, Гомулка в числе первых мер потребовал отозвать специалистов из Польши; в 1960 г. знаковым проявлением раскола в отношениях Китая и СССР явился объявленный Хрущевым отзыв всех советских специалистов из Китая. Аналогичные ситуации в той или иной степени наблюдались в отношениях Югославии и Албании, Китая и Вьетнама, СССР и Венгрии, СССР и Албании. Эти ситуации заслуживают внимания историков. Для Китая же, подчеркивает автор, исследование их причин имеет особенно важное практическое значение — в интересах осмысления пути дальнейшего развития модернизации страны (1. С. 24).

В первой статье автор сосредоточил свое внимание на истории развития сотрудничества в области использования советских специалистов и советников. Он выделяет четыре этапа: 1948-1954 гг. — период энтузиазма с обеих сторон, хотя уже тогда выявились недостатки в подготовке и управлении большими партиями специалистов; 1954-1956 гг. — период наивысшего уровня сотрудничества; после октябрьских событий 1956 г. в Польше и весь 1957 г. — период усиления контроля за сотрудничеством в области использования специалистов со стороны обеих сторон; 1957-1960 гг. — Китай проводит в жизнь принцип “лучше меньше, да лучше”, особенно настаивает на потребности в технических специалистах в области национальной обороны, однако общее ухудшение китайско-советских отношений ведет к свертыванию сотрудничества и в использовании специалистов.

Прослеживая историю развития китайско-советских отношений в области использования советских специалистов, автор стремится выявить общую канву событий. При этом он выделяет следующие моменты.

Содействие укреплению политической власти и экономики Китая

Начало использования Китаем советских специалистов автор относит к лету 1948 г., когда в Северо-Восточную (Маньчжурскую) опорную базу китайских коммунистов по просьбе китайской стороны прибыла небольшая группа советских специалистов для восстановления железных дорог. Затем численность советских специалистов с каждым годом, вплоть до конца 50-х годов, стремительно увеличивалась и в целом к 1960г. составила более 20 тыс. человек (в гражданской сфере 11369 человек, в военной — порядка 10 тыс. человек, из них 3390 человек в военно-морском флоте, остальные — в военно-воздушных силах, артиллерии, войсках связи, ракетных войсках) (1. С. 26).

“Если направление Советским Союзом специалистов (в основном советников в армию и органы общественной безопасности) в страны Восточной Европы после Второй мировой войны преследовало цель контроля и проникновения и в какой-то мере была навязанным, — подчеркивает автор статьи, ссылаясь на статью А.Ф.Носковой³ и на ряд западных авторов, — то отправка Советским Союзом специалистов в Китай, касалось ли это экономики, культуры и образования, армии или административных органов, полностью соответствовала потребностям укрепления КПК, новой власти и развития экономики, полностью осуществлялась по приглашению правительства Китая” (1. С. 26).

Громадные потребности Китая в специалистах автор объясняет тем, что КПК длительное время вела вооруженную борьбу и работала в сельской местности, не имела опыта и кадров для управления городами и ведения экономического строительства. Между тем уже в 1949 г. серьезно встала задача восстановления народного хозяйства. В июле 1951 г. Чжоу Эньлай заявил, что главным тормозом в деле индустриализации Китая является нехватка технических кадров.

В 1950 г. во время пребывания Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая в СССР китайская сторона прежде всего запросила 16 групп советских специалистов по проектированию капитального строительства, а затем после начала корейской войны еще 3 группы и в 1951г.— 23 группы; большая часть проектировщиков в те годы работала в Северо-Восточном Китае. В 1952 г. были приглашены пять комплексных групп специалистов для подготовки первого пятилетнего плана, включая разработку проекта электрификации всей страны, созда-

ния металлургической базы, машиностроения, судостроения, заводов по производству железнодорожного подвижного состава, а также шесть геологоразведочных групп специалистов.

В условиях корейской войны очень важно было реформировать и перевооружить армию КНР. Китай закупил у СССР большие партии самолетов, морских судов, современного вооружения. СССР помог овладеть этим вооружением путем обучения китайских специалистов в СССР и в Китае.

По соглашению 1949 г., СССР направил в Китай полный комплект преподавательского состава для шести летних училищ из 878 армейских специалистов, а также все необходимое оборудование для обучения. С этой же целью для помощи в подготовке специалистов военно-морского флота Китая прибыли из СССР три группы специалистов общей численностью в 711 человек. Эти меры существенно повысили качество армии Китая. В августе 1950 г. по просьбе Китая СССР направил 38 военных советников, в феврале 1951 г. — еще 15 советников. В сентябре 1951 г. по просьбе Мао Цзэдуна для работы в рядах китайских добровольцев в Корее были присланы еще 83 советника. При не очень большом желании Сталина, но по настоятельной просьбе китайской стороны в Главный штаб Армии китайских добровольцев в Корее была направлена группа из пяти офицеров во главе с генералом армии Захаровым. В ноябре 1951 г. китайская сторона в очередной раз запросила 19 советников — для военно-воздушных сил. В январе 1953 г., когда война шла к концу, китайская сторона в телеграмме попросила еще 12 советников для военно-морских и военно-воздушных сил, однако Сталин согласился направить дополнительно только трех советников, а остальных предложил рекрутировать из числа уже имевшихся в Китае советских офицеров.

Основная трудность в области управления государством опять-таки, состояла в отсутствии у КПК опыта и кадров. К примеру, в марте 1950 г. заведующий организационным отделом ЦК КПК Лу Динъи приводил следующие данные: из 1,5 млн членов КПК в Северном Китае 1,3 млн неграмотны или малограмотны. В парткомах КПК Северного Китая выше уровня района около 50% кадров не имели образования или имели очень низкое образование.

По просьбе Китая СССР направил большую группу советников по управлению. В первом квартале 1954 г. в аппарате ЦК КПК и правительства Китая работало 403 советника, что составляло одну треть всей численности экономических советников в Китае. Три четверти советников работали в Пекине помимо ЦК КПК и правительства в таких ведомствах, как общественная безопасность, армия, информация, спорт, здравоохранение.

При необходимости помощь Советским Союзом оказывалась незамедлительно. Так, на второй день после получения информации о появлении признаков чумы в районе г. Чжанцзякоу были отправлены специалисты и необходимые медикаменты. В конце 1949 г., когда при открытии Народного университета срочно потребовался преподавательский состав высшего звена, девять советских преподавателей прибыли в Пекин через два дня. Немедленная кадровая и техническая помощь была оказана при подъеме военного корабля "Чунцин", затонувшего в р. Янцзы. При аварии на Цзилиньской ГЭС 6 января 1950 г. советские специалисты прибыли на пятый день.

Неувязки в деле направления и управления специалистами

В первый период вопросами приглашения специалистов и управления их деятельностью занималось непосредственно высшее руководство обеих

стран. Не было ни специальных ведомств, ни соответствующих планов работы. Это, естественно, вело к неувязкам. С советской стороны за работу специалистов отвечал представитель Москвы при ЦК КПК И.В.Ковалев. В 1950 г., при посещении СССР Мао Цзэдуном, Сталин решил заменить Ковалева как узкого специалиста (по железнодорожному транспорту). Главным советником был назначен заместитель министра цветной металлургии СССР И.В.Архипов. В Посольстве СССР в Китае была учреждена должность экономического советника. Согласно указанию Сталина, советские специалисты, передавая все знания и технические навыки китайцам, обучая умению пользоваться техникой, должны были подчиняться распоряжениям китайской стороны.

Однако благие намерения нередко наталкивались на бюрократические препоны. Ссылаясь на Д.Кейпла⁴, автор обращает внимание на бюрократический подход советской стороны при оформлении отправки специалистов. Сначала вопрос об отправке специалистов обсуждался с ответственным работником в аппарате ЦК КПСС, при этом обращалось внимание прежде всего на политическое лицо кандидатов. Затем кандидат заполнял анкету. Соответствующая организация проверяла данные. Если у кандидата, членов его семьи и иных родственников не было политических проблем, его приглашали в ЦК КПСС на собеседование, после этого кандидат получал назначение. Кандидат не знал конкретно, что предстоит ему делать, не получал никакой подготовки — в виде соответствующих материалов по специальности, по истории Китая, политической обстановке. Не требовалось, чтобы в стране пребывания специалист изучил азы китайского языка. Ему не предоставлялись для ознакомления даже отчеты возвратившихся на родину специалистов.

С другой стороны, несмотря на всю остроту потребности в специалистах, китайская сторона не всегда вела своевременную подготовку к приему специалистов. Все гостиницы Пекина и пригородов порой бывали переполнены специалистами, ожидающими распределения. Не хватало переводчиков. В 1950 г. по инициативе Чжоу Эньлая была создана руководящая группа по работе с советскими специалистами, которую возглавили У Сюцюань, начальник департамента СССР и стран Восточной Европы МИД КНР, и Ян Фанчжи, заместитель начальника секретариата финансово-экономического комитета Политического административного совета КНР. В Пекине было создано Управление по обслуживанию советских специалистов.

Китайская сторона не всегда заблаговременно готовилась к приезду специалистов, поэтому они, особенно проектировщики, не успевали выполнить запланированное, приходилось продлевать сроки их командировок. Это увеличивало расходы на содержание специалистов, срывало планы проведения работ. С апреля 1951 г. был введен порядок, когда крупные административные единицы Китая должны были давать заявки на проектировщиков из СССР в соответствующие центральные ведомства, а Политический административный Совет КНР утверждал заявки. После этого министерство торговли и соответствующее центральное ведомство должны были оформить заявки в Торговом представительстве СССР в КНР. Денежное довольствие специалистов, вопросы быта стали решаться централизованно.

Средства сообщения и связи между странами были весьма несовершенны. Так, в декабре 1954 г. девять советских преподавателей прибыли в Народный университет без предварительного уведомления; аналогичные случаи были и с другими специалистами. Для решения подобных неувязок были усилены контакты между руководством обеих стран и приняты определенные организационные меры.

Период наивысшего уровня сотрудничества

С завершением корейской войны и развертыванием крупномасштабного экономического строительства, предусмотренного первым пятилетним планом КНР, потребность в советских специалистах стремительно возрастала. Новое советское руководство, особенно Н.С.Хрущев, уделяло большое внимание укреплению межпартийного и межгосударственного сотрудничества двух стран. В 1954 г. число советских специалистов утроилось против 1953 г., в следующем году вновь возросло. Главной задачей первого пятилетнего плана было создание индустриальной базы Китая. Поэтому свыше 82% специалистов были сосредоточены в министерстве тяжелой промышленности, в первом и втором министерствах машиностроения, в министерстве топливной промышленности. Это соответствовало потребностям Китая.

Во время визита Хрущева в Китай в октябре 1954 г. китайская сторона выдвинула следующие просьбы относительно приглашения советских специалистов в Китай: 1) командировать специалистов для оказания помощи проведении изыскательских работ с целью комплексного использования гидроресурсов р.Янцзы; 2) командировать 40-50 специалистов для оказания помощи 11 строительным компаниям в строительстве новых промышленных центров; 3) командировать 8 советников для выработки генерального плана развития Пекина; 4) в 1955 г. командировать 57 специалистов по проектированию железных дорог и 6 специалистов по строительству железных дорог. 25 ноября Совет Министров СССР принял решение: удовлетворить потребности Китая в области строительства промышленных предприятий, командировать в Китай специалистов сверх ранее согласованного плана и принять в СССР на производственную практику нужное число китайских рабочих. Соответствующие поручения были даны министерству связи, министерствам транспортного строительства и транспорта, электростанций, геологии, Академии наук СССР, Главному управлению картографии, министерствам строительства, цветной металлургии и строительства химической промышленности.

В столь короткий срок подготовить и направить в Китай в таком громадном объеме оборудование, документацию, советников и специалистов различного профиля было нелегко. Не обошлось без упущений и ошибок. Скажем, обещали направить 50 геологоразведчиков, прибыл же 21, а работников здравоохранения вообще не прислали. Были случаи, когда специалисты оказывались невысокого уровня, плохо подготовленными, с плохим здоровьем и т.д.

Китайские предприятия не всегда хорошо готовили заявки на специалистов. Например, специалисты по эксплуатации предприятия приезжали, а само предприятие еще не было построено. Порой специалисты приглашались на слишком короткий срок и не могли поэтому до конца завершить важную работу и пр.

Осмотрительность в политике СССР и установка "поступать по принципу лучше меньше, да лучше" — в политике Китая

В ходе советско-польского конфликта в октябре 1956 г. советская сторона была вынуждена согласиться на отзыв своих военных советников из Польши. 30 октября была опубликована "Декларация об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами", в которой провозглашалось стремление рассмотреть вопрос об отзыве советских советников и специалистов из

других стран. "Это событие, — отмечает китайский автор, — оказало влияние и на пребывание советских специалистов в Китае" (1. С. 32). В тот же день, (30 октября), при обсуждении Декларации с послом СССР в КНР П.Ф.Юдиным Лю Шаоци отмечал, что вследствие недостаточного понимания специфики страны пребывания "политические предложения, выдвигавшиеся некоторыми советниками, приводили к неблагоприятным результатам". В некоторых местах, продолжает излагать высказывания Лю Шаоци автор, местные кадровые работники, допустив ошибки в работе, обычно возлагают вину на советников. Учитывая такие моменты, Китай, к примеру, полностью отозвал всех своих советников, за исключением технических специалистов, из Вьетнама. Лю Шаоци подчеркнул, что главная задача советских советников — готовить национальные кадры. "В настоящее время, — сказал он, — пришло время возвращения их на родину" (1. С. 32). "Относительно того, что некоторые страны привыкли полагаться на Советский Союз, Лю Шаоци, пишет Шэнь Чжихуа, даже предложил Москве при решении подобных вопросов проявлять большую твердость и решительность". "Хотя предметом обсуждения, — считает автор статьи — были вовсе не вопросы присутствия советских советников и специалистов в Китае, тем не менее Москва по своим ощущениям могла догадываться о позиции Китая по этому вопросу" (1. С. 32). "Фактически, — заключает китайский автор, — политика Китая относительно советских специалистов уже начала изменяться" (1. С. 32).

6 февраля 1957 г. Чэнь Юнь в своем выступлении на совещании Постоянного Комитета Госсовета КНР, касаясь вопроса о советских специалистах, отметил, что Китай нуждается в них, однако некоторые ведомства запрашивают слишком много специалистов, и впредь необходимо серьезно контролировать этот процесс. Позднее Госсовет призвал строже подходить к приглашению специалистов и к срокам их пребывания в Китае. В этой позиции следует видеть экономический аспект, полагает автор, то есть стремление сократить крупные расходы, связанные с приглашением специалистов. Кроме того, были проблемы с некоторыми советниками в армии и правительственных ведомствах. После XX съезда КПСС Мао Цзэдун начал задумываться над тем, что нельзя переносить в Китай "советскую модель" и что поэтому не обязательно сохранять большое число советников, которые могут отрицательно влиять на политический курс Китая и строительство его системы работы. В подкрепление этого тезиса автор приводит в сноске мнение Пэн Дэхуая, настаивавшего в мае 1956 г. на сокращении 170 советников и специалистов в армейской системе. Позиция Мао Цзэдуна полностью проявилась в июле 1957 г. в его беседах с послом СССР в Китае П.Ф.Юдиным и с Хрущевым. Так, Мао Цзэдун сетовал на то, что советники в военных академиях в своих лекциях приводят только примеры сражений Советской армии, игнорируя опыт китайской армии; что перемещение советников в министерстве общественной безопасности производится без согласования с китайской стороной. При этом Мао Цзэдун отметил, что эта критика относится только к советникам в армии и министерстве общественной безопасности и отнюдь не направлена против специалистов в экономической сфере. Когда Хрущев предложил отозвать всех советников, Мао Цзэдун высказался против и настаивал на том, чтобы всех советников перевести в разряд специалистов. Китай постепенно, полагает автор, вырабатывал новый курс в вопросе о приглашении советских специалистов.

Еще до отъезда Хрущева из Пекина Чжоу Эньлай подготовил проект протокола двух стран об использовании советских специалистов в армии Ки-

тая и передал Мао Цзэду для просмотра. Протокол устанавливал: военные специалисты, направляемые СССР по просьбе Китая, поступают в распоряжение правительства Китая. Если в какой-то организации необходимо продлить сроки пребывания советских специалистов, то эти сроки должны согласовываться обеими сторонами, при этом советники должны быть переведены в ранг специалистов. В совместном уведомлении ЦК КПК и Госсовета КНР от 20 октября подчеркивалось, что абсолютное большинство советских специалистов — это прекрасные технически образованные люди, к ним необходимо тепло относиться, искренне учиться у них. С другой стороны, вновь подчеркивалось, что только при самой острой потребности ведомство или техническая служба может пригласить специалистов, причем срок их пребывания должен быть кратким и, как правило, не продлеваться.

Советская сторона также усилила управление порядком отправления своих специалистов. В прошлом китайская сторона часто ставила вопрос о продлении срока пребывания специалиста только тогда, когда этот срок уже истек. Как правило, заявка удовлетворялась, и оформлялось продление срока. Теперь Посольство СССР в Китае было лишено права продлевать сроки пребывания специалистов в стране. Китайская сторона должна была заранее подавать заявку в Москву на продление приглашения — за 2-3 месяца до истечения срока пребывания. Китайская сторона в свою очередь стала предъявлять серьезные требования к приглашению и продлению сроков пребывания советских специалистов. Она выработала сложную процедуру оформления заявок на приглашение.

Количество направляемых из СССР специалистов постепенно уменьшалось: в 1957 г. их прибыло 952, в 1958 г. — 915, 1959 г. — 699, в 1960 г. — 410. Тем не менее в апреле 1960 г. общее число советских специалистов составляло порядка 1500 человек.

Автор особо отмечает, что с 1957 г. общее сокращение количества советских специалистов сопровождалось увеличением заявок на их приглашение в ведомства оборонной промышленности Китая. В конце марта 1957 г. был подписан "Советско-китайский протокол об оказании помощи КНР в особых технических областях". Предусматривалось, что СССР направит 5 специалистов для организации обучения и чтения курса о реактивной технике. Через несколько месяцев было направлено 3 специалиста по ракетам, работающим на твердом топливе, 3 специалиста по гироскопическим приборам дальнего контроля и радиоприборам дальнего контроля и 2 специалиста по организации дальнего контроля. В целях оказания помощи Китаю в создании ядерного оружия стороны подписали 15 октября "Соглашение о новой оборонной технике", в соответствии с которым СССР направил 3 специалистов во Внутреннюю Монголию для проектирования блоков ядерного оружия и выбора места для их производства. В третьей декаде декабря Министерство обороны СССР приняло также решение отправить на пограничную станцию Маньчжурия 60 вагонов на двух поездах с управляемыми ракетами Р-2 типа "Земля-Земля" и соответствующим наземным оборудованием. В связи с этим из СССР на три месяца были командированы 103 специалиста для обучения китайских военнослужащих пользованию и хранению этой техники.

27 мая 1958 г. Чжоу Эньлай в телеграмме Хрущеву, сообщая, что в процессе пробных испытаний и производстве ракет очень важное значение имеют вопросы обеспечения секретности, а у Китая в этой области опыта мало, просил командировать группу соответствующих специалистов сроком на

два года. Кроме того, китайское правительство попросило прислать группу из 31 специалиста по управляемым ракетам. Они прибыли в Китай в октябре, также сроком на два года. В 1959 г. потребности Китая в современном вооружении стремительно возрастали. 27 января китайская сторона попросила 13 специалистов, 24 июня — 19, 22 сентября — 8 специалистов по ракетам Р-2, 23 ноября — 23 технических специалиста. В июне Китай выражал надежду, что 137 уже работающим по этим вопросам специалистам срок пребывания будет продлен еще на два года.

Однако в связи с тем, что отношения между Китаем и СССР обострились, особенно после того как между высшими руководителями обеих сторон в октябре 1959 г. возникла крупная перепалка, проблема специалистов как бы застыла на мертвой точке. В мае 1960 г. Госсовет КНР вновь настоятельно потребовал, чтобы все министерства и ведомства Китая на первое место ставили неуклонное проведение в жизнь курса опоры на собственные силы, а на второе — внешнюю помощь. Настоятельно рекомендовалось ограничиваться только приглашением тех специалистов, которые обеспечивают объекты, строящиеся с советской помощью, специалистами по новой высокой и прецизионной современной технике, а также преподавателей по новейшим направлениям в технических ВУЗах. При этом потребовали приглашать специалистов после тщательной, всесторонней и осмысленной подготовки. Советская сторона, в свою очередь, серьезно ограничила прием заявок, особенно в тех областях, где Китай испытывал острую нужду. 3 июля Не Жунчжэнь доложил, что помощь СССР в сфере оборонной науки и техники уже заблокирована, в сфере поставок новейшей техники в народное хозяйство установлен жесткий контроль, в деле выполнения уже подписанных соглашений наблюдаются затяжки и отговорки. В резолюции Чжоу Эньлая отмечалось, что курс Китая — опора на собственные силы, при этом предписывалось: 1) по истечении срока пребывания специалиста, как правило, этот срок не продлевать; организовать торжественные проводы, при крайней необходимости и при условии, что специалист согласен, можно продлить срок его пребывания; если согласия нет — не оставлять; 2) тем, чей срок пребывания не истек, мы, не отступая от соглашения, помогаем хорошо работать. Тем, кто хочет уехать, один раз предложить остаться, если не соглашаются — больше не предлагать. Несогласных остаться — отправлять, выразив сожаление. 3) Новых специалистов приглашать надо меньше либо вовсе не приглашать. При острой потребности, получая отказ, — больше не запрашивать. Таким образом, полагает автор, “признаки того, что СССР полностью отзовет специалистов, уже проявлялись, и китайская сторона психологически была готова к этому” (1. С. 34).

В заключение первой статьи автор формулирует причины ухудшения и в конечном итоге разрыва отношений между Китаем и СССР, как он их понимает. Во второй статье Шэнь Чжихуа вновь возвращается к данной проблеме. Поэтому, познакомив читателя с основными положениями второй статьи, мы изложим его понимание этой проблемы.

Роль и влияние деятельности советских специалистов в Китае

В изучении Китая опыт СССР автор обращает внимание на три направления, а именно: 1) ввоз и перевод на китайский язык громадного количества книг и материалов; 2) обучение и стажировка в СССР огромного числа кадровых работников партийного и государственного аппарата, китайской армии и народного хозяйства, технических специалистов и студентов; 3) приглашение большого числа советских советников и специалистов по всем областям

жизнедеятельности Китая. Они передавали китайцам свой опыт и методы работы, знакомили с научными и техническими достижениями, с советской системой в целом. Это направление, считает автор, было наиболее важным. Его влияние на все сферы жизни Китая было наиболее мощным, всеобъемлющим, результативным и эффективным. Именно благодаря советским специалистам в Китае появилась советская модель политического и экономического развития, была создана индустриальная база, быстро восстановлено разрушенное народное хозяйство, и Китай вступил на путь ускоренного развития (2. С. 38-39).

По мнению автора, роль советских специалистов в полной мере и наиболее плодотворно проявилась прежде всего в сфере государственного управления и в деле создания экономической системы.

Дело в том, пишет автор, что в первые годы после образования КНР заводы и шахты были полукустарными. У них не было четкой технической и организационной структуры, трудовая дисциплина оставалась крайне низкой. Необходимо было заново создавать всю систему управления промышленностью, систему органов управления предприятиями и ведомствами — так считали советские специалисты. Китайская сторона активно усваивала советскую систему управления, в 1954 г. Политический административный совет КНР принял разработанную профсоюзами "Программу трудовых правил на государственных предприятиях".

Громадна заслуга советских специалистов в разработке, а затем и осуществлении первого пятилетнего плана. Из 59 крупных поправок к проекту плана, полученных от советской стороны, 52 были сделаны советскими специалистами работающими в Китае. С их помощью всего за полгода была разработана "Долгосрочная программа научно-технического развития на 1956-1967 гг."

Советские специалисты внесли важнейший вклад в создание основ научно-технического развития Китая.

С помощью советских специалистов была полностью реорганизована по современным стандартам китайская армия, создана регулярная армия, включая все современные виды вооруженных сил.

Буквально на пустом месте создавались целые отрасли индустрии. И все эти стройки, подчеркивает автор, возникали благодаря самоотверженному труду и героизму советских специалистов. К примеру, за три года был заново спроектирован, построен, оборудован и введен в строй первый в Китае Чанчуньский автомобильный завод, заложивший основы китайского автомобилестроения.

На базе старого судоремонтного предприятия в г. Дальнем построен современный судостроительный завод и тем самым заложена база судостроения.

Аналогично автор отмечает создание самолетостроения, гражданского и военного, реконструкцию многочисленных заводов, шахт, нефтепромыслов и т.п.

Автор указывает на огромную роль советских специалистов в подготовке кадров в Китае в области управления, науки, техники, образования.

Наряду с вкладом советских специалистов во всестороннее развитие народного хозяйства, науки и техники, высшего и среднего специального образования, автор вместе с тем стремится выявить основную историческую канву китайско-советских отношений. Если первые два раздела второй статьи обозначены как "Курс на всестороннее изучение опыта СССР" и "Полная реализация роли советских специалистов", то в заглавие третьего раздела, относя-

* В тексте ошибочно указан 1957 г. (прим. ред.).

щегося к периоду, когда народное хозяйство Китая в широком смысле слова было восстановлено и получило ускоренное развитие с помощью СССР, вынесены слова Мао Цзэдуна: "Советский Союз — урок для нас".

В начале раздела говорится: "В процессе учебы у советских специалистов обнаружилось немало противоречий и проблем, в основном проявлявшихся в том, что некоторые моменты в системе и методах, применяемых в СССР, не соответствовали ситуации в Китае" (2. С. 41). Автор, правда, указывает, что "основополагающей идеологией СССР вовсе не было стремление перенести на китайскую действительность все советское" (2. С. 41). Он приводит ряд предположений со стороны руководителей советской стороны на этот счет. Однако в ходе практической работы шел именно этот процесс — процесс некритического заимствования опыта СССР. Автор считает, что этот момент должен был быть заботой прежде всего китайской стороны.

Автор приводит некоторые примеры, когда предложения советников, особенно в армии, отвергались как не соответствующие китайским реалиям или просто нерациональные. Но чаще советский опыт просто слепо копировался.

В конце 1955 г. Госсовет КНР указывал ведомствам на необходимость соотносить предложения советских специалистов с практической ситуацией. В том же духе высказывались Лю Шаоци в январе 1956 г. и Мао Цзэдун в феврале того же года. Однако изменения в вопросе учебы у советских специалистов наступили только после XX съезда КПСС и польских и венгерских событий. Критика Сталина Хрущевым, помимо всего прочего, полагает автор, руководством восточноевропейских стран и Китая была воспринята как признание Советским Союзом своих ошибок и как сигнал, что "все страны могут идти своим путем" (2. С. 41). По мнению Мао Цзэдуна, подчеркивает автор, период всесторонней учебы у СССР закончился.

Автор особо отмечает, что после выступления Мао Цзэдуна на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК с докладом "О десяти важнейших взаимоотношениях" в апреле 1956 г., в котором он, в частности, указал на то, что все перипетии в истории КПСС, выявленные на XX съезде, "заслуживают особого внимания" и являются для КПК "еще более важным предостережением" и что нельзя слепо копировать опыт деятельности КПСС, "китайские руководители один за другим стали публиковать свои выступления на эту тему". "После того как этим духом прониклись все низовые организации, — заключает автор, — у большого числа кадровых работников появились сомнения относительно теории и опыта СССР" (2. С. 41).

К теме "суеверного" отношения в Китае к опыту СССР Мао Цзэдун методично возвращался во всех своих последующих выступлениях. Так, выступая в марте 1958 г. на совещании в г. Чэнду, он, говорит автор, критически расценил то, что в "Китае перенесена вся система установлений, принятая в СССР", и что она "проникла глубоко в души людей", "это имеет место во всех ведомствах, заимствовано у СССР очень многое, вред людям не поверхностен"; "сейчас положение изменилось, в целом мы сами можем и проектировать и строить, а лет через пять будем сами производить и оборудование"; "если избавимся от духовного давления, покончим и с суеверием"⁵. 23 июня на расширенном совещании Центрального военного совета Мао Цзэдун выдвинул лозунг: "Решительно бороться с догматизмом, покончим с рабской идеологией, зароем в могилу догматизм!"⁶.

Советская сторона проявила понимание сомнений китайской стороны и, в частности, в беседе секретаря парткома представительства в Китае Главного управления Госкомитета по экономическим связям СССР с заместителем начальника Управления по работе с зарубежными специалистами КНР. Советская сторона, отмечает автор, "честно признавая, что некоторые советские специалисты, не зная конкретной обстановки в Китае, тем не менее настаивали на предложениях, основанных на опыте СССР, выразила искреннюю надежду на то, что по поводу работы советских специалистов будут высказаны критические замечания, и просила постоянно знакомить их с особенностями обстановки" в Китае⁴.

В феврале 1957 г. в докладной записке Управления по работе с зарубежными специалистами в Государственный Совет КНР сообщалось, что советские специалисты стали серьезнее относиться к своим предложениям, повсеместно проявляют уважительное отношение к мнению китайских товарищей. Одновременно в записке отмечалось, что в некоторых ведомствах наблюдается холодное отношение к советским специалистам, не проявляют желание учиться у них и даже есть факты игнорирования предложений советских специалистов. Госсовет КНР распространил эту записку по всей стране и со своей стороны потребовал "с усердием, по-настоящему учиться у советских специалистов, горячо и доброжелательно относиться к ним". Однако в целом, считает автор, до провозглашения кампании "большого скачка", до второй половины 1958 г., влияние советских специалистов не уменьшалось заметно, особенно в научно-технической сфере. Автор приводит таблицу, из которой явствует, что степень реализации эффективных предложений советских специалистов на крупных машиностроительных и металлургических предприятиях даже возростала.

Влияние "большого скачка" на раскол в китайско-советских отношениях автор выделяет в отдельный раздел. Он отмечает, что в качестве идеологической подготовки этого движения масс Мао Цзэдун сосредоточил свои усилия на борьбе с консерватизмом и догматизмом. Если борьба против консерватизма имела внутрипартийный характер, то острие борьбы против догматизма было направлено главным образом против всего набора методов и опыта развития экономики в СССР. Политические отношения между КНР и СССР с каждым днем обострялись. Это не могло не отразиться и на деятельности советских специалистов.

В обеих своих статьях автор много внимания уделяет проблеме создания на китайских предприятиях и в ведомствах современной системы управления, разработки и внедрения строгой системы технических нормативов, стандартов и технологических инструкций, без которых развитое производство невозможно. Все это вошло в глубокое противоречие с идеологией "большого скачка". Автор приводит многочисленные примеры. Так, на Харбинском электромашиностроительном заводе проектировалось создание современного генератора постоянного тока. Использовался полный комплект проектной документации, которая соответствовала самому высокому в мире уровню. После ввода генератора в строй годовая производительность электростали должна была составить 3-4 млн т, что равнялось 70-80% производимой в Китае стали на 1957 г. Однако в ходе борьбы с догматизмом китайцы начали вносить серьезные изменения в важные узлы генератора с целью сэкономить несколько тонн стального проката. Советские специалисты были поражены и пытались отговаривать китайских проектировщиков. Но ни на чем не основанные "усовершенствования решительно про-

должались. Они довели советского специалиста Зайцева до слез". Примеры таких печальных "ускорений" и "рывков" в производстве, автор часто приводит со ссылкой на материалы советской печати.

К концу 1958 г. китайские руководители начали осознавать пагубность этого курса и попытались исправить положение. Так, Ли Фучунь в феврале 1959 г. призывал следовать рекомендациям советских специалистов, которые, как правило, верны и обоснованны. Однако после Лушаньского совещания, взявшего курс на борьбу с "правыми", вновь обострились разногласия между руководством Китая и СССР и это не могло не отразиться отрицательно на работе советских специалистов в КНР. Игнорирование их рекомендаций вело к росту числа аварий на производстве. "Несмотря на появление большого количества неприятных явлений, отнюдь нельзя сказать, — считает автор, — что китайское правительство сознательно холодно относилось к советским специалистам и ограничивало их роль" (2. С. 44). Напряженность, возникшая в начале 1960 г. в китайско-советских отношениях, главным образом объяснялась взаимоотношениями высших руководителей. Несмотря на отдельные проявления неуважения и недружелюбия в низах, подавляющее большинство кадровых работников и простых людей в Китае по-прежнему испытывали глубокие чувства к советским специалистам и справедливо оценивали их труд. Это подтверждают почти все старые кадровые работники и старые рабочие, с которыми встречался автор. Действия Хрущева по отзыву советских специалистов автор называет "грубыми" и даже "безрассудными", нанесшими громадный удар по чувствам китайского народа, шагом, который нанес ущерб и самому Советскому Союзу.

О причинах раскола между КНР и СССР

Автор не выделяет эту тему в особый раздел, но посвящает ей значительное место в обеих статьях. "В истории международных отношений, — считает он, — отправка специалистов из одной страны в другую — это особенность отношений между социалистическими странами в условиях холодной войны; а в столь крупных масштабах и в течение столь длительного времени, как это было с советскими специалистами в Китае, — явление просто уникальное. Однако проблема в том, почему в начальный период в вопросе о специалистах обе стороны исходили из лучших побуждений, а в конечном итоге пришли к ситуации, которой обе стороны не желали." Автор говорит, что размышления привели его к выводу о том, что в период холодной войны, особенно до 60-х годов, "отношениям социалистических стран внутри своего лагеря была свойственна одна общая болезнь, а именно: партийные отношения отождествлялись с государственными; однотипность идеологических позиций прикрывала различия государственных интересов. В теории раннего социализма люди идеализировали будущее общество, в своих иллюзиях они видели великое единение мира, в котором нет государственных и национальных различий". В сноске автор высказывает мысль, что это нашло проявление в самом названии страны — "СССР" как классическом примере такого миропонимания. Ведь это название, говорит автор, не включает ни обозначения "территории", ни "государствообразующей нации"; в этом названии, полагает автор, полностью выражается цель, к которой были устремлены советские коммунисты того времени.

"В отношениях между коммунистическими партиями цель была единой, теория единой, принципом взаимоотношений был назван только пролетарский

интернационализм, очень мало или вовсе не учитывались различия в принадлежности страны к определенному району мира и различия в государственности". В качестве представителей своих государств и народов, коммунисты, взяв власть, почувствовали, что интернационализм, который они исповедовали, и интересы своего государства и народа — это не одно и то же. С точки зрения партийных позиций, вне всякого сомнения, необходимо высоко держать знамя интернационализма. С точки зрения своего государства и народа, необходимо оберегать свои политические и экономические интересы. Как только между партиями возникают разногласия в вопросах теории, в сфере сознания постепенно проявляются противоречия, скрытые в различиях национальных интересов. Если баланс сил сторон нарушен, раскол в отношениях неизбежен. Проблема советских специалистов в Китае как раз подтверждает это положение. "Если проблема для Китая, — заключает автор, — состояла в том, что он с самого начала психологически воспринимал направление СССР специалистов и иную помощь как воплощение принципа интернационализма в действиях советского правительства, то для Хрущева проблема заключалась в том, что отправку специалистов он использовал как фигуру в дипломатической игре с целью давления на Китай при возникновении теоретических и политических разногласий. В конечном итоге советские специалисты в Китае стали политической жертвой в этой игре" (2 С. 44).

Публикация подготовлена Г.А.Богдановым

1. Шэнь Чжихуа. Историческое исследование проблемы советских специалистов в Китае: общая обстановка и изменения в политике // Дандай чжунгоши яньцзю, 2002. № 1. С. 24-37.
2. Его же. Историческое исследование проблемы советских специалистов в Китае: их роль и влияние // Чжунгундан ши яньцзю, 2002. № 1. С. 38-44.
3. Носкова А.Ф. Московские советники в странах Восточной Европы (1945-1953 гг.) // Вопросы истории, 1998. № 1. С. 105.
4. Кейпл Д. (Karle D.). Развитие мифа о советско-китайском монолите (1949-1960). // Холодная война: новые подходы и новые документы: Институт всеобщей истории РАН. М., 1995. С. 125-127.
5. Архив провинции Цзиминь, раздел 1, индекс 1-14, тетрадь 68. С. 11-16.
6. Архив провинции Фуцзянь, раздел 101, индекс 12, тетрадь 223. С. 15-17.

Философия

Древнекитайская космография культуры Дао

© 2002

Э. Кауров, А. Лукьянов

Обращение исследователей к древнекитайской космографии стимулируется тем обстоятельством, что в науках природоведческого и гуманитарного цикла все настойчивей проводится идея космизма, связанная не столько с познанием мира вещей, сколько с познанием человека. Чрезмерно увлекшись развитием технической мощи, современный человек с горечью замечает, что он забыл о своей исконной родовой сущности. Ему необычайно трудно осуществить этническую и социальную самоидентификацию и ответить на вопросы: Кто он и откуда? Зачем пришел и куда идет? Каково его место в мироздании? Что такое его культура? Как достичь всеобщего взаимопонимания? В поиске ответов человек вынужден обращаться к своему историческому детству, опускаясь в теоретической ретроспекции к эпохе биосоциальной нерасчлененности рода и природы. На этом пути он неизбежно встречается с космографией — космической книгой своего жития. Это органическая часть его филогенеза и социогенеза, по важности изучения равная тому, чем занимается генетика в раскрытии биологической сущности человека.

В чем же конкретно заключается ценность знания древнекитайской космографии?

Во-первых, она несет генетические коды культуры Дао — природные и социальные, запечатленные в спиральных звездных узорах Неба и горнодолинных узорах Земли. Это подлинные коды человеческой самости, познавая которые, человек постигает свою единую суть в этническом многообразии.

Во-вторых, эти спиральные коды имеют эстетически-чувственное выражение в художественных символах и образах, что дает возможность создания искусственной сферы замедленного течения бытия, где человек в игровом стиле моделирует вариации устройства бытия относительно будущего времен.

В-третьих, спирали «узоров Неба» (*тянь вэнь*) и «узоров Земли» (*ди ли*) образуют объемное лингвистическое поле, т. е. язык, буквально так и называемый по имени этих узоров — *вэнь-ли*. Язык китайской космографии в основе своей представляет этническую модификацию общечеловеческого языка, способствующего построению межкультурного общения.

Кауров Эдуард Николаевич, кандидат физико-математических наук, заведующий сектором древней астрономии Астрономического общества.

Лукьянов Анатолий Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН.

В-четвертых, космография — это не только язык, но и алгоритм человеческого мышления, несущего начально-конечные смыслы циклических перемен вещей; и самое мышление, открывающее истину в акте просветления и выносящее эту истину на экран искусства; и нестареющая память вечно чередующихся поколений.

В-пятых, космография имеет еще и «наднебесную» и «подземную» глубину, образующую метафизическую область свободного теоретического мышления. Это область идей, где они умозрительно формируются и затем протекают сквозь звездный небосвод и горно-долинный земной ландшафт, образуя новые смысловые фигуры на полотне космографии.

Все это придает особый интерес изучению древнекитайской космографии. Разумеется, в мировой синологии она исследовалась и прежде, в особенности с точки зрения мифологии. Однако в ракурсе поиска сущностных оснований человека культуры Дао космографическая проблематика специально не рассматривалась. В данной статье делается лишь первый шаг на этом пути. Авторы сознательно ограничивают предметную область исследования пока только рамками небесной космографии, систематизацией и описанием ее ключевых звеньев. В дальнейшем предполагается выход на сравнительный анализ космографий китайской культуры Дао и европейской культуры Логоса.

Основываясь на историко-археологических данных и сведениях письменных источников, можно сделать заключение, что китайская космография сформировалась в период родового строя. Однако внимательный читатель тут же заметит, что если разговор идет о космографии родового строя, общей для всех родов, то необходимо допустить существование некоего одного «китайского рода», а это, скажет он, чистая абстракция. И по-своему будет прав. По нашим привычным представлениям, никакого единого «китайского рода» существовать не могло. Мы привыкли рассуждать о родовом строе как о разрозненном множестве чуждых друг другу родовых групп, у каждой из которых могла быть своя космография.

И все-таки «китайский род» существовал, но не как одна локальная семья, а как множество взаимосвязанных, составляющих некое единство родов. О реальности таких представлений мы можем судить по материалам древнейших письменных источников «Шань хай цзин» («Канон гор и морей, III-II вв. до н.э.») и «Жуайнань-цзы» («Философ из Жуайнани», II в. до н.э.), запечатлевшим последнюю стадию жизни родового общества и его переход к государственному устройству.

Повторяя устройство космопланетарной системы, служившей общим генетическим кодом, роды располагались по спирали на поверхности земного ландшафта. Каждый род представлял собой объемное органическое целое. В него входили горизонтальные родовые группы, вертикальные и группа центра, соединявшая те и другие. Число групп каждого набора равнялось количеству поставленных им в соответствие планет: горизонтальных групп насчитывалось пять, вертикальных — пять или три, центральная, на пересечении тех и других, была бинарной. Внутри рода эти группы взаимодействовали по алгоритмам спирального движения Солнца и Луны.

Между собой по горизонтали роды связывались по спирали и образовывали пятичастные союзы с расселением родов в секторах, ориентированных по сторонам света: Восточный род, Южный, Центральный, Западный, Северный. Роды, относящиеся к вертикальным, тоже связывались по спирали и назывались Верхний, Центральный, Нижний (с промежуточными малым Верхним и малым Нижним).

В свою очередь, и эти объемные пятичастные союзы соединялись с теми же союзами тоже по спирали, и так же занимали территории в ориентации по сторонам света. Это и был единый «китайский род».

Каждая группа внутри рода, каждый отдельный род и вся спиральная система родов в своих телесном, духовном и идеально-мыслительном качествах морфологически, т. е. структурно и функционально, повторяли космопланетарную спираль и отображали то, что мы называем культурой Дао. Этот ландшафтный родовой организм имел свою космографию. Однако она не сохранилась в полном виде по той простой причине, что в условиях биосоциальной нерасчлененности рода и природы материалом фиксации космографии было само тело родовой субъективности. Этот громадный ландшафтный род в ритмах естества вел спиральный хоровод жизни, пел космос и танцевал космос (говоря словами древнекитайских трактатов, «себя пел», «себя танцевал»). Космографическими знаками при этом были органические части рода, представлявшего себя в облике какого-либо тотемного животного (пять близнецовских пар тотемов-богов, по числу родов и планет).

В соответствии с тем, как менялся звездно-планетный хоровод, менялась также и спираль рода, и спираль Дао. А с разрушением рода стала уходить в небытие и его космография. Стирались родовые спиральные траектории, забывались хороводные ритмы, ритуалы и песнопения. Но поскольку род разрушался не сразу, а в течение долгих столетий, захватывая и начальный период цивилизации, мудрецам удалось письменно запечатлеть его космографию в общих чертах. Наследовавшие мудрецам философы пытались реставрировать ее с целью проникновения в тайны гармоничного космического Дао. Цивилизации достались «чистые» Небо и Земля, на поля которых она и начала сознательно и целенаправленно наносить свой космографический рисунок, используя для утверждения его незыблемости уже сакрализованную космографическую картину рода.

Таким образом, сегодня китаеведение располагает многослойной древнекитайской космографией, состоящей из космографии родового общества, переходного и общества, имеющего государственное устройство.

По всей видимости, заверченный вид космографические представления китайцев приобретают к периоду правления династии Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.), о чем можно судить по трудам знаменитого историка древности Сыма Цяня (ок. 145–87 до н.э.). Согласно описываемой им в «Исторических записках» («Ши цзи») космографии, вся небесная сфера делилась на пять секторов, или управлений — *у гуань*, называемых также дворцами — *гун*. На небе, главным образом в области эклиптики, располагались 28 созвездий сю вместе с соседствующими звездами и звездными конфигурациями. Зона вокруг Полюса Мира, называемая Пурпурным дворцом — *цзы-гун* или *цзы-вэй*, играла роль центральной и считалась обиталищем Владыки Неба и его двора. Пурпурный дворец включал несколько звезд известного нам из европейской традиции созвездия Дракона, однако само это созвездие в описании Центрального дворца не фигурирует. Остальные четыре «управления» простирались по сторонам света.

Соответственно положению на небесной сфере звездные дворцы назывались Центральным, Восточным, Южным, Западным и Северным. Их звездная конфигурация обозначалась графическими значками, в частности кружками, и символизировалась в образах Тай-и (Великого Единого), Цин лун (Зеленого/Синего Дракона), Чжу цяо (Красной Птицы), Бай ху (Белого Тигра) и Сюань у (Черной Черепахи).

В упоминавшемся выше даосском трактате «Хуайнань-цзы», отражавшем, по-видимому, общекитайские космографические представления, та же система зооморфных символов без Великого Единого, место которого занимает

Желтый Дракон, спроецирована на пять подвижных планет — Чжэнь (Сатурн), Суй (Юпитер), Инхо (Марс), Тайбо (Венера) и Чэнь (Меркурий). Относительно сферы неподвижных звезд «Хуайнань-цзы» дает динамичную картину спиральной планетной космографии. Нетрудно видеть, что она отображает систему земного родового и послеродового устройства, так как ее структурные элементы снабжены атрибутами родовой и послеродовой жизни.

Здесь наслаиваются друг на друга пятичастные наборы сторон света, физических элементов *у син*, первопредков, сезонов года, духов, зооморфных символов, музыкальных тонов и временных периодов, т. е. всех тех космографических констант, по которым человек устраивает свою жизнь.

Об их первостепенной значимости свидетельствуют археологические памятники IV тыс. до н.э. Например, в 1987 г. на территории пров. Хэнань было найдено погребение, в котором справа (к западу) и слева (к востоку) от скелета человека, лежащего головой к югу, расположены выложенные из ракушек изображения тигра и драконоподобного существа.

Такая символика, видимо, была устойчивой в погребальном обряде, так как в 1978 г. в округе Сюй пров. Хубэй в захоронении № 1 (цзэнского хоу И, 433 г. до н.э.) было найдено изображение, символизирующее карту неба в системе «Полюс — экваториальные созвездия сю».¹ Центр (Полюс) маркирован на нем знаком Бэйдоу (Большой Медведицы), вокруг которого располагаются 28 иероглифов, соответствующих 28 созвездиям сю (четыре семерки созвездий по сторонам света). Круг созвездий обрамляют с двух сторон фигуры Дракона и Тигра, композиция структурно повторяет сюжетную основу захоронения в Хэнане.² В контексте современных версий хронологического циклизма конфуцианского летописного канона «Чунь цю»³ ритуальную компоненту композиции названных захоронений можно понимать как выражение цикличности (весна — осень) жизненного пути и одновременно вечности (центральная часть) трансформации (рождение — умирание) «Пути истинного царя» (*ван дао*), совершенного правителя, являющегося посредником в выражении воли Неба относительно осуществления *Дао* Земли. Эта трактовка сакральных функций правителя и, соответственно, символики погребения может быть применена и к племенным вождям предыдущих эпох (вплоть до IV тыс. до н.э., а возможно, и еще более раннего времени).⁴

В неолитическом погребении из Хэнане, упомянутом выше, мы видим явное маркирование четырех сторон пятичастной схемы (Север обозначается пакетом костей у ног скелета, ориентированного на юг, Центр — самим скелетом). Можно предположить поэтому существование традиции разбиения горизонта по четырем сторонам света и пятичастность всей космографической схемы уже в IV тыс. до н.э.

Представляет глубокий интерес ритуальное значение этой структуры — пятичастного креста — в обряде захоронения. Ее преемство в течение почти трех тысячелетий (IV-I тыс. до н.э.) доказывает устойчивость данной ритуальной формы. Для такой устойчивости должно существовать и универсальное (хотя, может быть, и сакральное) значение.⁵ Центральная позиция хэнаньского погребения, вероятно, символизирует часть ритуала возрождения под маской первопредка Центра при воздействии спиральных животворных циклов *Дао* в генезисе Космоса.⁶

Проведем анализ глубинных исторических трансформаций центральной фигуры пятичастной схемы — Желтого Дракона.

Центральный дворец Неба в древнекитайской космографии, который обозначался символом Желтого Дракона, в пятичастной схеме, в свою очередь, был ассоциирован с Желтым Предком — Хуан-ди. Известна и звездная идентификация символа Центрального дворца Неба — Желтого Дракона/Хуан-ди

— в описании Южного дворца Неба: «Звезды Цюань ("Гиря") — это [группа звезд] Сюань-юань, напоминающая тело Желтого Дракона»⁷.

Комментарий переводчика к приведенному определению детализирует эту идентификацию: «Данное Цюань ("Гиря") отождествляется с группой звезд, носящих родовое имя одного из легендарных предков китайцев, Хуан-ди — Сюань-юань. По мнению Ван Юань-ци, это группа из 17 звезд, располагающихся севернее созвездия Ци-син ("Семизвездие") изогнутой ломаной лентой, т.е. включает, по западной звездной карте, альфу, гамму, эпсилон, дзету Льва и часть звезд созвездия Рыси»⁸.

Совершенно очевидно, что данная область Южного дворца имеет сакральный смысл.

Примечательно в этой связи, что реконструированное И.С. Лисевичем изображение названного астеризма⁹ («напоминающего тело Желтого Дракона») показывает его явное сходство с созвездием Дракона. В рассматриваемом случае астеризм Сюань-юань по отношению к Южному дворцу играет ту же роль маркера, что созвездие Шэнь, соотносящееся с символом Белого Тигра, по отношению к Западному дворцу.¹⁰ В таком понимании символ известного нам созвездия Дракона является указанием на весь Центральный дворец Неба; в соответствующем качестве данный символ (Желтый Дракон) и сохранился в пятчастной зоографии (космографии) в эпоху Хань, хотя в явном описании звезд и созвездий упоминание о созвездии Дракона отсутствует.

Таким образом, исторической основой всех трансформаций Центрального дворца Неба является расположенное в нем известное созвездие Дракона.

Это предположение весьма вероятно, поскольку такое транзитное отождествление символа Центрального дворца Неба со звездной конфигурацией созвездия Дракона хорошо согласуется с тем пристальным вниманием, которое древнекитайские наблюдатели уделяли указанному созвездию (вернее, его «хвостовой» части)¹¹.

Нет никакой случайности в том, что центр неба определен древними китайцами в районе Полярной звезды. Именно она была основой для определения сторон света, сезонов, угловых измерений на небесной сфере¹².

Ее роль не всегда прослеживается явно, хотя и угадывается уже в неолитических культурах бассейна Хуанхэ, начиная с Баньпо — в особенностях конфигураций и композиций неолитических погребений (размещение кладбищ к северу от поселения), в расположении поселений (неправильной формы овальная площадка, вытянутая по оси север-юг). Следствием наблюдений за Полярной звездой являются крестообразные и четырехчастные росписи на неолитической керамике — на изделиях в форме тарелок, украшенных по внутренней части четырьмя симметрично расположенными медальонами, которые окаймлены по ободу узорами, состоящими из сегментов, строго ориентированных по четырем сторонам и четырем полусторонам света.¹³

Как известно, Полюс Мира,двигающийся в настоящее время по окружности вокруг полюса эклиптики, относительно недавно сблизился с Полярной (α U Mi) — Полярной звездой современной астрономии. Но за три тысячи лет до н.э. он находился вблизи Тубана (α Дракона). Звезды, расположенные вдоль отрезка пути, который Полюс Мира прошел с того времени, в различные исторические эпохи, по-видимому, становились Полярными, но позднее переставали быть ими. Об этом свидетельствуют, в частности, их древнекитайские названия.¹⁴

Очевидно, древние китайские астрономы наблюдали Полюс Мира,двигающийся вдоль «хвоста Дракона». В продолжение многих тысячелетий разные звезды, сменяя друг друга в качестве Полярной, формировали этот все удлиняющийся «хвост». С течением времени такое движение приводило к измене-

ниям в прямом восхождении звезд. В свою очередь, данный фактор должен был действовать на ключевое целеуказание околополярных звезд — их «привязку» к экваториальным созвездиям сю. А уже с особенностями этого целеуказания, похоже, связано значение важнейшего для китайской астрономии слова «чэнь», которое постоянно встречается в древних текстах.

В наиболее древней форме данный знак выражался графическим символом хвоста скорпиона или дракона. Такое толкование символа могло бы объяснить значение важного отрывка в одном из древнейших комментариев к «Чунь цю», где «Большая Чэнь» определена как тройка астральных объектов: Тахо (в западной традиции Антарес или α Скорпиона, центральная звезда созвездия сю Синь), Фа (астеризм — меч Ориона, часть созвездия сю Шэнь) и Полярная звезда. «Большая Чэнь» представляет собой совокупность Полярной и двух особых точек небесной сферы, выделенных для календарных целей. Исходя из этого, можно предположить, что «чэнь» в древности мог означать также некоторый «отмеченный пункт небесной сферы».¹⁵

Наиболее логичным представляется второе из предлагаемых выше толкований знака «чэнь» — «хвост дракона», а не «хвост скорпиона». В пользу данного заключения говорит уже тот факт, что единственным постоянным элементом, остающимся в триаде «Большой Чэнь», является именно Полярная звезда, т.е. метка «хвоста» созвездия Дракона. На месте остальных элементов этой тройки со временем появлялись другие астральные объекты (созвездия сю или их части).

Отсюда следует, что понятие «чэнь» могло быть связано с древнейшей традицией астрономической практики Древнего Китая — наблюдением и фиксацией Полюса Мира, ставшей основой создания экваториальной системы координат небесной сферы в форме: Полюс Мира — система экваториальных созвездий (сю).

Важная роль созвездия Дракона в создании этой системы координат, посредством которой небесный порядок проецировался на сферу земного существования, обозначена также ассоциативной связью символа Желтого Дракона с теми понятиями китайской культуры, прежде всего даосской традиции, которые обозначают высшие начала и основания бытия.

Известно, какое исключительное значение в даосском культе имели созвездие Большой Медведицы и Полярная звезда — центральные резиденции богов и бессмертных. Полярная ось при этом выступала «осью Дао» (*дао шу*), благодаря которой осуществляется вращение небесного свода.

«В Центральном дворце [небес] звезда Тянь-цзи син (Полярная звезда) — самая яркая, на ней постоянно проживает Тай-и — дух Великого Единого». Так начинается Сыма Цянь в «Исторических записках» важнейшую главу — «Трактат о небесных явлениях» («Тянь гуань шу»).¹⁶ Таким образом, определяющий элемент ориентации по звездам Большой Медведицы — Полярная звезда — ассоциируется с Тай-и — одним из высших божеств, объектом поклонения и жертвоприношений в древнем, а затем в средневековом Китае.

Известно также, что Тай-и в китайской традиции отождествляется с Тай-цзи (Великим Пределом) — одним из основополагающих понятий китайской космологии, мифологии и натурфилософии.¹⁷ Древнейшая комментаторская традиция усматривает в Тай-цзи синоним Тай-чу (Великого Начала), Тай-и (Великого Единого) и Дао, т.е. обозначение исходно-целостного, хаотически-недифференцированного состояния мирообразующей «пневмы» (*ци*) и в то же время начала космогенеза и его причину.¹⁸

Разнообразие связей символов Тай-цзи и Дракона выражено в различных формах и частично освещено в китаеведческой литературе.¹⁹

Рассматривая связи Великого Предела и созвездия Дракона в философском аспекте культуры Дао, можно выделить те ее элементы, которые непосредственно связаны с даосизмом, а также определить ее философские универсалии. Одной из таких универсалий, определяющих всеобъемлющий природно-космический характер культуры Дао, оказывается, в частности, упомянутое выше понятие Великого Предела, которое появляется на стадии перехода общества от родовой общины к государственным формам. В тот же период создается и теоретическая система «Перемен» (и), основы которой изложены в «Чжоуских Переменах» («Чжоу и») — памятнике, больше известном на Западе по названию его главной части как «Книга Перемен» («И цзин»).

Основой космических «Перемен» являются временные циклы, фиксируемые как циклы кругового движения Солнца и Луны. «В Небе творятся образы (сян), на Земле творятся формы (син). Это проявляется метаморфозами и изменениями»²⁰. Применительно к человеческому существованию циклизм «Перемен» связан с делением вещей Поднебесной по формуле «счастье-несчастье»²¹.

С учетом того, что динамика природно-родового организма так же, как и движение идей природно-родового сознания, протекает в ритмах циклического движения Солнца и Луны, очевидно, что астрономической основой этого философского описания является суточное вращение звездного неба (вокруг Полюса Мира, т.е. концевой точки хвоста созвездия Дракона) — с теми изменениями, которые связаны с годичным и другими природными циклами, наблюдаемыми и фиксируемыми человеком, находящимся в центре гармонической культуры Дао. Следует отметить еще, что, по даосским представлениям, «Солнце является квинтэссенцией ян, а Луна — инь»²².

Символ Дракона непосредственно связан с основными графическими элементами культуры Дао. «Если взять графическую триграмму или гексаграмму, то в основе своей она есть код гена, но вместе с тем в ней заключен родовый тотем китайского этноса — Дракон (со всем живым миром вещей Поднебесной) и его схематизированный аналог — Иероглиф (со всем миром технических предметов Поднебесной). Они как гроздь, каждый на своей определенной генетической ступени увешивают спирали триграмм и гексаграмм Дао. Отсюда появляется и специфика направленности языка философствования у даосистов и конфуцианцев: первые тяготеют к выражению архетипа Дао в парадигме живых образов, вторые — в парадигме понятийных схем, хотя и тем, и другим ничто не мешает пользоваться всеми тремя символическими языками: языком графических символов, живых образов и иероглифов»²³.

В какой-то степени это дает ключ к пониманию даосской традиции изображения узоров — взнь (т.е. небесных светил и созвездий) в виде живых образов и символов (символ Дракона в том числе). Очень важным для понимания астрономических аспектов специфики даосского мировосприятия является и философская трактовка связей человека, находящегося в гармоническом единстве с космическим Дао.

«Казалось бы, ничто не мешает им непосредственно считывать в узорах Неба и Земли гармонию культуры Дао. Однако этого они не могут сделать — ключ от Дао утрачен»²⁴.

Даосизм, по-видимому, всегда был учением достаточно замкнутым, его сокровенная глубина ревниво оберегалась от «профанов»; сужение со временем круга посвященных могло способствовать и утрате «ключа от Дао».

Это положение об «утрате ключа» вполне верно и для астрономической интерпретации содержания культуры Дао.

Одна из ипостасей дракона — Дракон-Синь — стоит в параллели другому духовному символу культуры Дао — птице Фэн-Хуан (Фениксу), в пяти

цветных узорах которого запечатлены пять духовных символов: *Дэ* (Добродетель) — *Жэнь* (Взаимность) — *И* (Справедливость) — *Ли* (Ритуал) — *Синь* (Доверие). Символы Дракона и Феникса фигурируют в китайской культуре вплоть до настоящего времени и, несомненно, выполняют роль архетипической основы духовной культуры китайцев. Важную роль при этом (в отношении символа Дракона) играл и его астрономический смысл, прослеживаемый, как это выяснено выше, в даосских традициях почитания Полярной звезды и Полярной оси.

Если Тай-и, Тай-цзи и Тай-сюань²⁵ представляют различные формы одного и того же понятия, то в астрономическом плане этому понятию, скорее всего, соответствовала символика созвездия Дракона. Действительно, «хвост» Дракона, как выяснено выше, маркирует Полюс Мира, начиная с позднего неолита, в эпохи Ся, Шан-Инь и частично — Чжоу (IV — начало I тыс. до н.э.). В то же время, с Полярной звездой в эпоху Хань ассоциировано понятие Тай-и, сопряженное с Тай-цзи — Полярная иногда даже называется Тай-цзи син (звездой Великого предела).²⁶ Это означает, что и понятие Дракона, ассоциируемое с Тай-цзи, связано с зооморфным символом созвездия Дракона, зафиксированного таким образом в даосской традиции. Данная реконструкция подкрепляется тем важнейшим значением, которое Центральный дворец Неба играл в мировоззрении и идеологии времен ханьской династии.

И тем не менее, созвездие Дракона, занимавшее исключительную позицию в Центральном дворце Неба и игравшее важнейшую роль в древнекитайских астрономических наблюдениях, как следует из труда Сыма Цяня, не отмечается в эпоху Хань.²⁷ Но этому есть вполне естественное объяснение.

Во-первых, мировоззренческая важность околополярного района связана с даосской традицией. Но при ханьском У-ди (140-87 гг. до н.э.), покровителе конфуцианства, архаическое даосское мировоззрение фактически подверглось официальной обструкции и, по-видимому, ушло в тень.

Во-вторых, «околошаманские культы» с появлением организованного даосизма начинают рассматриваться как чуть ли не противоположные ему. Между тем, существует мнение, что они были во многом субстратом даосизма, как бы «язычеством», из которого он вышел, но сознавал скорее свое отличие от него, чем сходство с ним.²⁸ Именно с началом такого дистанцирования могла быть сопряжена утрата архаического астрономического содержания *Дао*, связанного с символическим и мифологическим описанием созвездия Дракона. Об этом говорят два астрономических факта: фиксация и затем исчезновение изображения созвездия Дракона, а также «отрыв» Полюса Мира от «хвоста» зафиксированного ранее созвездия Дракона в эпоху Хань.

Но осталось немало свидетельств «целого» Дракона, очевидно, существовавшего до эпохи Хань.

Анализ процесса распадаения в Древнем Китае синкретического древнего искусства на изобразительное искусство и письмо показал, что некоторые изображения драконов были удивительно близки к иероглифам, обозначающим дракона. Таковыми являются орнаментальные драконы и драконы, заменяющие ручки у ритуального сосуда *фанли*. Весьма интересным является соответствие странных изображений на голове дракона в иероглифике «шапочкам» в орнаменте.

Очевидно, эти соответствия подразумевали какую-то смысловую нагрузку, одинаковую в обеих системах передачи информации. Из связи орнамента и некоторых знаков письма можно сделать вывод как о затруднительности проведения четкой функциональной границы между орнаментом, рисунком и иероглификой в китайской древности, так и об их возможном происхождении из одного источника.²⁹

Таким общим источником, весьма вероятно, было стилизованное изображение созвездия Дракона, сложившееся к началу полуполюгендарной династии Ся (III тыс. до н.э.), когда Полюс Мира находился вблизи яркой звезды α Дракона.

В связи с этим, помимо ритуальных сосудов из бронзы, обращает на себя внимание отмеченное английским историком науки Дж. Нидэмом устройство — ритуальная наблюдательная трубка с диском-экраном для наблюдения позиции Полярной звезды вблизи Полюса Мира в древнем Китае. По полю нефритового диска изображен стилизованный орнамент в виде драконов. Подобное устройство, по мнению Нидэма, могло использоваться в конце II — начале I тыс. до н.э.³⁰

Таким образом, символическое изображение созвездия Дракона в даосской традиции могло быть инициировано специфическим видом звездной структуры созвездия Дракона.

Подводя итоги, можно констатировать следующее.

Космография древнекитайской культуры Дао, начиная с развития родового мировоззрения (не позднее IV тыс. до н.э.), была построена на основе своеобразной системы астрономических наблюдений. Их результатом стало выделение созвездия Дракона как маркера Полюса Мира и центра архетипической пятичастной космографии. Символизм Дракона, пронизывающий всю китайскую философию и мировоззрение вплоть до настоящего времени, в значительной степени обязан своей ролью в культуре Китая древнейшей даосской наблюдательной практике.

11. Das alte China. Essen (Ruhr), 1995. S.19, abb. 2b.

22. Там же. Abb. 2a.

23. «Чунь цю» («Весны и осени») — один из канонических памятников конфуцианства, летопись древнекитайского царства Лу, охватывающая период с 722 по 481 г. до н.э. Название памятника выражает идею временного циклизма («порождающие» весны и подводющие итог осени). Существует предположение, что памятник восходит к ритуальным записям, предназначенным для общения с горним миром (предками), а позднее эти записи были интерпретированы как историография.

По версии традиционной китайской науки, оценки деяниям исторических персонажей в «Чунь цю» даются посредством применения или неприменения тех или иных иероглифов (например, для обозначения восшествия на престол, кончины и т.п.). Согласно толкованию Сыма Цяня, такой характер «Чунь цю» являет «Путь истинного царя» (*ван дао*), исправляя мир подобно тому, как гномон придает прямизну тени, которую он отбрасывает: слова летописи обладают действенностью магического свойства и устрашают нарушителей порядка.

Понятие «*ван дао*» впервые упоминается в «Шу цзине» («Каноне документальных писаний», сложился в VI–II вв. до н.э.). Первая составляющая этого словосочетания — иероглиф «*ван*», обозначающий титул верховного правителя в доимперском Китае (до III в. до н.э.). Начертание данного иероглифа (три горизонтальные черты, замкнутые посередине вертикальной) выражает идею медиатора между высшими природными и божественными началами — Небом и Землей, аккумуляции и распространения их мироустроительных сил на пространство между ними — Поднебесную. См.: Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 37, 293, 475.

4. Ориентация захоронений по сторонам света, очевидно, связанная с ритуалом, встречается еще в среднем палеолите (мустье). См.: Kaurov E.N. Sky Luminaries in the Space Orienting Activity of Homo Sapiens in the Middle Palaeolithic // Astronomical & Astrophysical Transactions. 1999. Vol. 17. P. 459. См. также: примеч. 13.

5. Рассмотрение плана захоронения в Хэнани (см.: Das alte China. S.19, abb. 2a) позволяет высказать предположение о том, что его архитектурная композиция воспроизводит родовое лоно, а если рассматривать семь элементов захоронения как указате-

ли-векторы поля направлений связывающей их кривой линии, то видно, что они определяют раскручивающуюся спираль (против часовой стрелки) по цепочке Центр — Дракон — Ковш — Тигр — левый скелет — нижний скелет — правый скелет, т.е. фиксируют таким образом спиральный архетип, построенный на пятичастной схеме дифференциации Космоса (в данном случае антропо-зоографии Космоса на основе китайского пятичастного креста; описание см.: Лукьянов А.Е. Истоки Дао. М., 1992. С. 29, 41, 42, 104).

6. Лукьянов А.Е. Указ. соч. С. 35, 36, 82, 94, 104.
7. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. IV. М., 1986. С. 118.
8. Там же. С. 266.
9. Кауров Э.Н. Созвездие Дракона: архаическая система астрономических наблюдений // Дракон и Зодиак. М., 1997. С. 13.
10. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии, М., 1994. С. 238-240.
11. По Сыма Цяню, дух Тай-и (Великое Единое) связан с Полярной звездой, которая, в свою очередь, является маркером «хвоста» созвездия Дракона. «Хвост Дракона», к тому же, представляет собой сакральный объект китайской мифологии. См.: Чеснов Я.В. Дракон: метафора внешнего мира // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986. С. 65. Такая идентификация представляет Тай-и как рудиментарный сакральный символ Желтого Дракона.
12. Сыма Цянь. Указ. соч. С.115, 263. См. также: примеч. 14.
13. Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб., 1999. С. 106.
14. Ronan C.A. The Shorter Science and Civilisation in China. Vol. 1. Camb., 1981. P. 112.
15. Ibid. P.108.
16. Сыма Цянь. Указ. соч. С. 115.
17. Кучера С. Тайцзи // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1994. С. 489.
18. Кобзев А.И. Тай цзи // Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994. с. 315.
19. См.: Лукьянов А.Е. Дао «Книги перемен». М., 1993. С. 21, 34-38, 53, 54, 77-78, 100, 129 - 132.
20. Там же. С. 35, 46, 53, 204. См. также Лукьянов А.Е. Истоки Дао. М. 1993. С. 14, 15.
21. Лукьянов А.Е. Дао «Книги перемен». М. 1993. С. 204
22. Торчинов Е.А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. СПб., 1993. С. 121, 122.
23. Лукьянов А.Е.. Дао «Книги перемен». С. 21.
24. Там же. С. 41.
25. Там же. С. 129.
26. Гольгина К.И. Великий предел. М., 1995. С. 19.
27. Сыма Цянь. Указ. соч. С. 115, 116.
28. Торчинов Е.А. Указ. соч. С. 33.
29. См.: Карапетьянц А.М. Изобразительное искусство и письмо в архаических культурах // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 445; Кауров Э.Н. Созвездие Дракона... С. 22, 23.
30. См.: Ronan C.A. Ib. P. 162.

Культура

По страницам воспоминаний Н. А. Байкова

© 2002

Е. Таскина

В 2002 г. исполняется 130 лет со дня рождения исследователя-натуралиста и писателя Николая Аполлоновича Байкова (1872-1958), оставившего после себя интереснейшее научное и литературное наследие¹. Он был первым русским автором, описавшим маньчжурскую тайгу, еще не тронутую человеком в начале XX века, быт и нравы обитателей этих мест — маньчжур и русских промысловых охотников.

О его жизни и творчестве уже существуют публикации в России², напечатаны некоторые из его произведений³. Однако литературное наследие писателя сохранило еще немало страниц, в том числе о встречах с интересными людьми ушедшей эпохи. Эти воспоминания в свое время печатались харбинскими газетами и журналами, а также после его смерти появились в некоторых зарубежных изданиях⁴. Самым последним источником информации является подробная биография писателя, написанная его внуком Н.И.Дмитровским-Байковым — "Жизнь и творчество Н.А.Байкова" (Брисбен, 2000), где представлены цитаты из его неизданных еще воспоминаний. Представляется, что содержание их может быть интересно как для широкого читателя, так и для историков.

По словам самого Н.А.Байкова, наиболее яркий след в его жизни оставила встреча с известным русским путешественником, исследователем Центральной Азии и Уссурийского края Николаем Михайловичем Пржевальским.

С этим выдающимся человеком Н.А.Байков познакомился еще будучи кадетом в 1887 г., когда, как пишет его биограф, они с отцом гостили в Петербурге⁵. Юный кадет, зачитывавшийся книгой Пржевальского "Путешествия в Уссурийский край", был взволнован встречей со знаменитым путешественником. Н.А.Байков вспоминает его слова: "Я слышал, что ты увлекаешься природой и охотой и мечтаешь о путешествиях в дикие страны. Это хорошо! Одобрю! Я сам в твои годы уже бродил по полям, болотам и лесам с ружьем и собакой, и с записной книжкой. /.../ Я вижу, что из тебя будет толк. Только учись! Набирайся знаний! Без них трудно работать и ориентироваться в том огромном материале, который дает путешествие в дикие неисследованные страны". Далее он пишет: "Я слушал знаменитого исследователя с затаенным дыханием, стараясь не проронить ни одного слова. Его голос звучал для меня, как музыка. Забыв все на свете, я смотрел на русского богатыря, завоевателя таинственных земель и, ни о чем не думая, готов был слушать его без конца"⁶. Подаренная юноше книга "Путешествия в Уссурийский край" с автографом путешественника бережно хранилась им, а сама встреча имела принципиальное значение для всей его дальнейшей жизни.

Когда отец будущего писателя Аполлон Петрович был переведен из Киева в Петербург, у молодого человека появилась возможность поступить в университет на факультет естествознания, и он, сдав экзамен на аттестат зрелости в 1891 г., стал готовиться к поступлению.

В этот период юный Байков познакомился с Дмитрием Ивановичем Менделеевым, известным химиком, разносторонним ученым и педагогом, который содействовал ему в работе в Зоологическом музее Академии наук. Там он изучал анатомию животных и таксидермию.

Но получить университетское образование Байкову не удалось. В 1892 г. умирает его отец, и он поступает на военную службу, надеясь таким образом осуществить свое заветное желание "путешествовать, исследовать новые страны, их природу и животный мир".

Окончив Тифлисское военное училище, Николай Аполлонович получает назначение в Маньчжурию, в Заамурский округ пограничной стражи, рассматривая его как возможность ознакомиться с природой дикого, еще неизученного края. Перед отъездом он неоднократно совещался с директором Зоологического музея профессором Н.В.Насоновым, снабдившим его необходимым оборудованием и инструктажем по сбору экспонатов.

Но до отъезда в Маньчжурию весной 1901 г., в поезде Вильно-Петербург у Н.А.Байкова произошла удивительная встреча: он оказался в одном купе с человеком, книги которого тогда уже читала "вся культурная России" — Антоном Павловичем Чеховым. Байков, по его словам, был поражен и взволнован. Тот самый Чехов!

Писатель направлялся в Петербург по делам, а затем, как он поведал попутчику, — в Москву и оттуда — в Крым, который, по его выражению надоед ему "хуже горькой редьки!" ... "Он красив, это верно, и климат там хорош, но там нет нашей русской природы, нет наших еловых и сосновых лесов, нет наших многоводных рек и ковыльных степей!" — объяснил Чехов своему попутчику. "Что там красиво — это море, но одно однообразно и непонятно душе русского человека! Мы, русские — народ континентальный, обитатели лесов и полей!... Смотря на карту России, мне представляется, что спит богатырь. Голова, плечи и грудь его на западе, талия подпоясана Уральским хребтом, а ноги на востоке, левая упирается в Берингов пролив, а колено правой ноги — в берега Тихого океана..."

Узнав о том, что Байков едет хлопотать об ускорении своего перевода в Маньчжурию, Чехов позавидовал ему: — "Счастливы вы человек! Молодость и здоровье у вас налици! Край, куда вы едете, очень интересен и еще неисследован! Я с удовольствием поехал бы туда, но здоровье мое приковало меня к месту, как каторжника к тачке! Моя тачка — южный берег Крыма, мои тюремщики — врачи!"

Как известно, через три года, в 1904 г., А.П.Чехова не стало.

Встречу и разговор с великим писателем Н.А.Байков хорошо запомнил и через сорок с лишним лет рассказал эту историю в одном из номеров харбинского журнала "Луч Азии" (1945. № 5).

В феврале 1902 г. поручик Байков прибыл к месту назначения — начала в Харбин, затем — на ст. Ханьдаохэцзы (восточная линия железной дороги) — гористую местность, покрытую в те годы сплошными дремучими лесами из всевозможных лиственных и хвойных древесных пород и изобиловавшую диким зверем. Здесь он совмещал службу с охотой и литературной деятельностью. Его первая статья "Природа Маньчжурии" была напечатана в 1902 г. в журнале "Природа и охота", а первая книга вышла в 1914 г. в Петербурге ("В горах и лесах Маньчжурии").

В этот год его прибытия в Маньчжурию завершались работы по строительству КВЖД, и Н.А.Байков был свидетелем приезда премьера и министра финансов графа С.Ю.Витте, который, как известно, был одним из главных

инициаторов постройки железной дороги через Маньчжурию. Вот как он описывает приезд российского сановника:

“...Свита С.Ю.Витте состояла из нескольких десятков человек, преимущественно чиновников различных министерств, а также офицеров Главного штаба (так у автора, Е.Т.). В свите этой можно было видеть представителей мира коммерции, игравших значительную роль в поставках на постройку дороги.

Во время следования этого поезда вся линия КВЖД была приведена в полную боевую готовность, то есть приведено было третье положение усиленной охраны, когда полотно железной дороги поступает в ведение войск. Самый поезд также находился под особой охраной офицерского конвоя, причем вооруженные солдаты находились не только на передней части паровоза, но на каждой площадке вагона.

/.../ Особенно торжественная встреча была устроена в Харбине — с установкой грандиозных арок, парадом войск и различных депутаций от населения, купечества и учреждений, с поднесением богатых шелковых флагов с золотыми драконами и красивыми пожеланиями.

Во время объезда линии Витте приказывал останавливать поезд не только на каждой станции, но и на каждом посту, на полуказармах, мостах, виадуксах, выемках, насыпях, туннелях и даже иногда посреди пути по его желанию. На каждой остановке он выходил из вагона и внимательно осматривал путь, а также сооружения, причем его личный фотограф производил съемки. “Это для Царя!” — говорил Витте, указывая, что именно надо снять.

/.../ Как старый железнодорожник Витте очень хорошо разбирался во всех деталях постройки КВЖД и не нуждался в разъяснениях специалистов. Осматривал он молча, и только изредка слышались его дельные указания и замечания. На перегоне от станции Имяньпо до Ханьдаохэцзы я случайно попал в его служебный поезд как заместитель бригадного адъютанта, ротмистра Лукина, и имел возможность быть посторонним наблюдателем этого осмотра...”⁸

Помимо описания фона, на котором проходила инспекция С.Ю.Витте, Н.А.Байков приводит характерные сценки, сопровождавшие поездку сановника. Несомненно С.Ю.Витте знал, как высока была стоимость постройки дороги через безлюдную местность, а также и те трудности, с которыми пришлось столкнуться строителям этой магистрали.

Побывал в Маньчжурии и генерал А.Н.Куропаткин, приезд которого Н.А.Байков описывает в своих воспоминаниях. “У него, как и у Витте, был особый служебный поезд из Петербурга, но свита его не была так велика и осмотр его не отличался такой помпой. Своим опытным глазом штабного офицера и военачальника он подробно осматривал внешний вид и подготовку войск Заамурского округа, аванпост России на ее восточных окраинах и авангард армии на будущем театре военных действий. Всю КВЖД он осмотрел детально, знакомясь с ее паровозоспособностью как важнейшей коммуникационной линией нашего маньчжурского плацдарма. В свите его были преимущественно офицеры Генерального штаба, и вся его поездка, по-видимому, имела деловой, практический характер. При объезде линии он останавливался на некоторых постах и расспрашивал солдат об их житье-бытье, о службе, о хунхузах, об охоте и держал себя очень просто.”⁹

Наблюдая за А.Н.Куропаткиным, Байков заметил, “что его гнетет какая-то глубокая дума. Видно было, что ему известно о серьезности нашего положения на Дальнем Востоке и эта мысль неотвязно сверлила его мозг”¹⁰.

В мемуарах Байкова есть страницы о генерале Н.М.Чичагове (“барин с головы до ног, очень красивый и представительный старик”), назначенном поезде приезда А.Н.Куропаткина начальником Заамурского округа. “Он пользовался популярностью не только среди русских, но и среди местного населения — китайцы и маньчжуры называли его “Генерал Чи” и уважали за простоту, доступность и справедливость...”¹¹

В воспоминаниях Н.А.Байкова, подготовленных к печати его наследниками и опубликованных в канадском ежегоднике "Россияне в Азии", можно также найти страницы о первом начальнике штаба III бригады А.И.Деникине (тогда капитане Генерального штаба), управляющем КВЖД генерале Д.Л.Хорвате и П.Н.Акимове, бывшим заведующим Крейсерским отделом Округа ("Адмирале Сунгарийской флотилии"). В них немало ценных наблюдений непосредственного участника и свидетеля событий, происходивших в "полосе отчуждения" КВЖД в канун Первой мировой войны.

Известно, что в дальнейшем судьба Н.А.Байкова сложилась не так, как мечтал он когда-то — путешествия его были драматичными, вызванными событиями Первой мировой и гражданской войн. Он участвовал в войне против Австро-Венгрии в составе действующей армии (1914-1917), возвратился в Киев, сражался в частях Добровольческой армии под Новороссийском, был эвакуирован из Новороссийска на пароходе "Саратов", высадился в Александрии, две недели находился в карантине (сам Н.А.Байков был болен тифом), попал в оазис Тель-Ель-Кебир (бывший лагерь для турецких военнопленных), жил около года в Египте. Далее, по пути во Владивосток на английском крейсере "Адмирал Гардинг" в марте 1921 г. он попал в Бомбей и только к концу года прибыл во Владивосток. Оттуда Н.А.Байков вновь возвратился в Маньчжурию, где провел самые насыщенные в творческом плане годы своей жизни... Его последним путешествием был путь через Гонконг в 1956 г. в Австралию, где он и скончался в 1958 г.

Как уже упоминалось, второй маньчжурский период, несмотря на материальные трудности, был самым плодотворным периодом жизни писателя: им написано множество статей и самые значительные в его творчестве книги¹², некоторые из них переведены на иностранные языки. Николай Аполлонович был членом Общества изучения Маньчжурского края, часто выступал с докладами; его именем был назван один из литературно-художественных кружков Харбина, общественность Харбина дважды отмечала юбилеи писателя.

Он горячо любил Маньчжурию и оставался верен выбранному творческому пути всю свою жизнь.

1. По данным В.Н.Жернакова (Мельбурн, 1968), Н.А.Байковым опубликовано свыше 300 статей, очерков и книг.
2. Литературное обозрение. 1993. № 7/8; Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918-1940; Писатели русского зарубежья: М., 1997. и др.
3. Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2; Рубеж. Владивосток, 1992. № 1; 1995, № 2; Русский Харбин. М., 1998; Восточная коллекция. М., № 3/6/. 2001 и др.
4. Луч Азии. Харбин, 1945. № 12; Время. Харбин, 1943, 11 июля; 1945. 1 мая и др.; Политехник. Сидней, 1979. № 10; Россияне в Азии. Торонто, 1997. № 4 и др.
5. Дмитровский-Байков Н.И. Жизнь и творчество Н.А.Байкова. Брисбен, 2000. С. 5.
6. Там же. С. 5.
7. Там же. С. 6.
8. Россияне в Азии. Торонто, 1997. № 4. С. 74-76.
9. Там же. С. 77-78.
10. Там же. С. 79.
11. Там же. С. 81.
12. В делях Маньчжурии (1934), Великий Ван (1937, 1938), По белу свету (1937), Тайга шумит (1938), У костра (1939), Сказочная быль, Тигрица (1940), Наши друзья, Записки маньчжурского охотника (1941), Шухай (1942), Таежные пути (1943) и др.

Научная жизнь

С 26 по 28 августа 2002 г. в Москве прошла XIV Международная конференция Европейской ассоциации китаеведения. С приветствием к участникам конференции обратился Президент РАН академик Юрий Сергеевич Осипов. Ниже публикуется текст послания.

Приветственное послание Президента РАН академика Осипова Ю.С. участникам XIV Международной конференции Европейской ассоциации китаеведов (ЕАК) 26 августа 2002 года

Президенту ЕАК проф. Глену Дадбриджу!
Председателю Оргкомитета XIV конференции ЕАК
член-корреспонденту РАН М.Л.Титаренко!

Уважаемые коллеги!

Сердечно приветствую открытие в Москве очередной XIV международной конференции Европейской ассоциации китаеведов (European Association for Chinese Studies) и желаю всем ее участникам плодотворных творческих дискуссий, успехов в их исследовательской деятельности и личного счастья!

В современном глобализирующемся мире идет интенсивный межцивилизационный диалог. Ценности древнейшей китайской культуры получают и будут получать все большее распространение в мире, давая новый импульс для развития мирового китаеведения. На этом фоне основная тема XIV международной конференции ЕАК «Китайская традиционная цивилизация и современный мир» представляется крайне актуальной. Важно и место проведения этой конференции — Москва, столица России, евразийского государства, представляющего собой своеобразный мост между крупнейшими цивилизациями Востока и Запада.

Российское китаеведение является важной и авторитетной составной частью как мирового, так и европейского китаеведения. Если европейское китаеведение берет свое начало от Маттео Риччи и Фердинанда Вербиста, то российское китаеведение — от подвижников Русской Православной Духовной Миссии в Пекине и прежде всего от архимандрита Никиты Бичурина (отца Иакинфа). Первая русская экспедиция попала в Китай во времена Маттео Риччи, а Фердинанд Вербист был другом известного русского дипломата Николая Спафария. В России хорошо известны имена классиков европейского китаеведения — Поля Пеллио и Эдуарда Шаванна, Джона Нидэма и Роберта

ван Гулика. В дни работы Вашей конференции 28 августа исполнится 225 лет со дня рождения выдающегося российского ученого-китаевода, член-корреспондента РАН Никиты Яковлевича Бичурина, который в начале XIX века явился основоположником комплексного научного изучения Китая в России. Наши выдающиеся китаеведы XIX-XX вв. Н.Я.Бичурин, В.П.Васильев, В.М.Алексеев, Н.И.Конрад всегда поддерживали тесные связи с европейскими коллегами. Такова традиция нашей российской науки. Ее активно продолжает современное поколение ученых Российской академии наук.

История Российской академии наук насчитывает 278 лет, и вскоре после ее основания изучение Китая стало одним из приоритетных направлений научных исследований. В дальнейшем российское китаеведение развивалось также в крупнейших университетах: Московском, Санкт-Петербургском, Казанском, Лазаревском институте в Москве, Дальневосточном государственном университете. В настоящее время изучение китайской культуры, истории, литературы является неотъемлемой частью научных курсов всех университетов и гуманитарных институтов. Знание основ китайской культуры и истории — неременная составная часть подготовки российских специалистов гуманитарных профессий.

Сегодня в России в рамках академической и вузовской науки трудится свыше 1000 китаеведов, прежде всего в таких ведущих научных учреждениях, как Институт Дальнего Востока, Институт востоковедения РАН, востоковедные научные центры в Санкт-Петербурге, Владивостоке, Новосибирске, большая группа авторитетных китаеведов трудится в Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова, на восточных факультетах Санкт-Петербургского, Дальневосточного государственных университетов, Новосибирского, Иркутского, Нижегородского, Пермского государственных университетов, Пермского педагогического университета. Все российские как академические институты, так и учебные заведения установили и поддерживают самые тесные научные связи со своими китайскими коллегами и коллегами из других стран. Это создает благоприятную научную атмосферу для глубоких исследований и научного педагогического обмена.

Президиум РАН поддержал инициативу Ассоциации китаеведов РАН и Института Дальнего Востока о проведении очередной XIV международной конференции ЕАК в Москве. О размахе и глубине охвата научной проблематики на этом форуме китаеведов свидетельствует то, что на многочисленных секциях и специальных заседаниях будет заслушано почти 200 научных докладов. Диалог, который состоится на этой конференции, позволит ее участникам глубже понять ценность одной из древнейших мировых цивилизаций — китайской цивилизации.

Уверен, что участие в конференции многих авторитетных китаеведов из европейских и других стран обеспечит высокий научный уровень вашего форума.

Желаю конференции успеха, а ее участникам — счастья, благополучия и новых творческих достижений.

Добро пожаловать в Россию.

С уважением,

Президент РАН академик

Осипов Ю.С.

XIV Международная конференция Европейской ассоциации китаеведения

С 26 по 28 августа 2002 г. в Москве прошла XIV Международная конференция Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК) «Китайская традиционная цивилизация и современный мир». Организаторами конференции совместно с Президиумом ЕАК выступили Российская академия наук, ИДВ РАН, ИСАА при МГУ, Общество российско-китайской дружбы и Ассоциация китаеведов (АКИТ) РАН.

В работе конференции приняли участие более трехсот представителей ряда синологических центров Европы, а также Америки, Австралии и Азии, ученые из КНР и других стран Азии, стажировавшиеся или работающие в Европе, российские ученые из институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока и Иркутска. В ее ходе было представлено свыше двухсот докладов, тезисы которых напечатаны в сборнике 14-й конференции ЕАК. Рабочими языками конференции служили китайский и английский.

Церемония открытия конференции прошла под председательством академика РАН С.Л. Тихвинского. Участником приветствовал вице-президент РАН Г.А. Месяц; было зачитано приветствие Президента РАН академика Ю.С. Осипова. Председатель Оргкомитета конференции, директор ИДВ РАН, член-корреспондент РАН М.Л. Титаренко в своей речи указал, что для мирового диалога цивилизаций, столь актуального в настоящее время, представляет значительную важность анализ соотношения традиционной и современной китайской цивилизации. Он выразил надежду, что в ходе конференции зарубежные участники сумеют ближе познакомиться с российским китаеведением. Затем к участникам обратились Президент ЕАК профессор Г. Дадбридж, проректор МГУ профессор А.В. Сидорович, ректор ИСАА профессор М.С. Мейер, начальник аналитического управления мэра Москвы профессор К.Б. Норкин. На пленарном заседании профессор М. Бастид-Брюгьер сделала доклад о традиционной китайской культуре и межцивилизационных контактах; сообщение академика В.С. Мясникова было посвящено творчеству одного из первых российских китаеведов Н.Я. Бичурина (отца Иакинфа).

Во время конференции состоялась Генеральная Ассамблея ЕАК, на которой были проведены пере выборы Правления ЕАК; в новый его состав вошли три российских ученых — А.В. Островский (ИДВ РАН), И.Ф. Попова (СПбФ ИВ РАН), А.А. Хаматова (ДВГУ). Президентом ЕАК на очередной срок избран доктор А. Пейроб (Франция).

На конференции работали 12 секций:

1) Драма и представление; 2) Литература (Проза (А) и Поэзия (Б)); 3) Языки и лингвистика; 4) Древняя и средневековая история; 5) Новая и новейшая история; 6) Современная политика и экономика; 7) Социальная антропология и социология; 8) Религия и философия; 9) История искусства и археология; 10) Женщины и гендер; 11) Проблемы города; 12) Преподавание и педагогика. В рамках пятой секции состоялось специальное заседание на тему

«Проблемы внешней политики Китая». В ходе конференции прошли также специальные заседания по темам: 1) Образ Китая в колониальном Гонконге (1950-е - 1960-е гг.); 2) Публикации в новейшее время; 3) Реформы в сфере образования в современном Китае; 4) Географические представления в старом Китае.

Наиболее насыщенными были программы у секций «Религия и философия», «Литература», «Современная политика и экономика». Заседания секции «Религия и философия» (руководитель А.В. Ломанов, ИДВ РАН) проходили 26-го — 27-го августа. Предметом дискуссии в первый день стали проблемы природы человека в традиционной китайской философии, соотношение внешнего и внутреннего мира в контексте совершенствования личности (доклады У. Миддендорф (Гейдельбергский университет), А. Калкаевой (ИДВ РАН), Л. Ди Гиацинто (Бохумский университет) и К. Дефоорт (Лёвенский Католический университет, Бельгия)). Сообщения В. де Рё (Лёвенский Католический университет), А.А. Крушинского (ИВ РАН), Нэо Пэнг Фу (Сингапурский национальный университет) и М. Чарногурской-Феранцовой (Институт Востока и Африки, Словакия) касались вопросов методологии китайской философии и традиционного мышления. Два доклада были посвящены религиозным воззрениям древних китайцев: Поо Му-чоу (Academia Sinica, Тайвань) рассказывал о духах «гуй», а Б. Бруйа (Гавайский университет, США) — о представлениях насчет хаоса и его связи с мировой творческой потенцией. На одном из заседаний были заслушаны несколько докладов по средневековому и современному китайскому буддизму, в частности, буддийской философии и буддизму как явлению культуры. В сообщении С.А. Горбуновой (ИДВ РАН) «Новый этап адаптации китайского буддизма» рассматривались отношения буддийской религии с современными государством и обществом в КНР. А. Хейрманн (Гентский университет, Бельгия), И. Хамар (Венгрия) и К. Краузе (Гамбургский университет) в своих докладах говорили о судьбе сутр индийского буддизма в Китае. Сообщения А. Чэн (Национальный институт восточных языков, Франция) и А.В. Ломанова касались проблеме современного неоконфуцианства.

Секция «Литература» была разделена на две основные части. В рамках части «Проза» (руководители Л.Н. Меньшиков (СПбФ ИВ РАН) и М. Хоккс (Лондонский университет) 27-28 августа было проведено шесть заседаний по темам «Современная литература и традиционные ценности», «Литература, история и нация», «Традиционная проза и культурная жизнь», «Популярная художественная проза и драма», «Литература и гендер», «Влияние западных тенденций и идей». В рамках части «Поэзия» (руководители Л.Н. Меньшиков и О. Ломова (Карловский университет, Чехия)) обсуждались тематические аспекты, поэтика и стилистика отдельных произведений разных эпох, а также теория и практика стихотворного перевода. Так, К. Бруно (Лондонский университет) в своем докладе рассказала о герменевтической проблеме, встающей перед переводчиком, о презентации автора в тексте подлинника и перевода и об изменениях, неизбежно вносимых при переводе. Заседание секции «Драма и представление» (руководитель — профессор Г. Дадбридж) проходило 27 августа в первой половине дня. Хронологически доклады на ней охватывали широкие рамки — от династии Цин до конца двадцатого века, причем рассматривались разные аспекты истории традиционного театра, современного кинематографа и музыки.

Секция «Современная политика и экономика» (руководитель А.В. Островский) работала 26, 27 и 28 августа (специальное заседание). Большинство сообщений на секции было сделано российскими учеными. Ряд докладов был посвящен проблемам глобализации и входа Китая в мировое экономическое и информационное пространство. Обсуждались вопросы, связанные с судьбами

социализма в КНР и с изменениями современного китайского общества (сообщения В.Г. Булова (ИФ РАН) «Социализм с китайской спецификой», В.Ф. Бородича (ИДВ РАН) «Идеологические аспекты политической трансформации в Китае сравнительно с трансформацией политической идеологии в современном Китае», Э.П. Пивоваровой (ИДВ РАН) «Социальные измерения экономической реформы в Китае» и др.). На специальном заседании секции рассматривались отношения Китая с Индией и другими регионами Азии; А.Г. Лариным (ИДВ РАН), Г.Н. Романовой (Институт истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН) были сделаны доклады по тематике, связанной с российско-китайскими отношениями.

Секция «Древняя и средневековая история» (руководитель А.А. Бокщанин (ИВ РАН)) работала 26 и 27 августа. В заседаниях принимали участие такие ученые, как П. Коррадини (доклад «О древней столице Цзинь Чжунду»), И.Ф. Попова («Управление в эпоху ранней Тан и конфуцианская система ценностей»), Ли Чеук Инь из Национального университета Сингапура («Шиши чжэнган» и дидактическая историография династии Мин») и др. В докладе А.А. Бокщанина «Представления основателя Мин о назначении вотчинной системы» были изложены взгляды Чжу Юаньчжана на политическую функцию наделов, принадлежащих членам императорской семьи. На заседании, посвященном традиции историографов-*ши* в древнем Китае, четыре немецких участника затронули тему ценностных аспектов старой историографии, создав развернутую картину ее становления: К. Фогельзанг в своем сообщении дал очерк традиции историографов в древнейшие времена, Д. Шааб-Ханке и А. Миттаг осветили задачи и общую миссию традиционной историографии, как она воспринималась самими китайскими историографами в разные эпохи, Й. Хюртер привлек внимание к нововременному осмыслению значения старой историографии для китайской культуры. Активное участие в этой дискуссии принимал профессор Мюнхенского университета Ханс Ван Эсс.

Особый интерес представляли заседания секции «Преподавание и педагогика» (руководитель Ж. Белласен, Франция), проходившие 27 и 28 августа: проблемы практики преподавания и педагогики как науки впервые оказались в фокусе внимания на отдельной секции конференции ЕАК. На одном из двух заседаний рассматривались вопросы преподавания современного китайского языка в разных культурных средах и построения учебных программ по этому предмету. Доклады, представленные на втором заседании, отличались разноплановостью, в частности, были даны описания китайского интернет-проекта по знакомству с китайской философией в режиме он-лайн (Б. Бруйа) и методики преподавания классического китайского языка (А. Хейрманн). Посвоему связанными с тематикой этой секции оказались проблемы, обсуждавшиеся на специальном заседании «Образовательные реформы в современном Китае» под председательством Н.Е. Боровской (ИДВ РАН). Его участники подвергли анализу и наиболее общие (доклад Н.Е. Боровской «Этапы модернизации образования в КНР: смена парадигм»), и некоторые конкретные проблемы реформы образования в Китае, затронув состояние образовательных интернет-проектов в КНР.

Заседания секции «Социальная антропология и социология» проходили 27 и 28 августа под председательством Марины Свенссон (Лундский университет, Швеция). В рамках заседания, посвященного отношениям государства и общества, были сделаны доклады Селины Чань (Сингапурский национальный университет) о частном случае религиозной действительности современного Китая и М.С. Хаютиной (ИВ РАН), которая на основании богатого эпиграфического материала рассмотрела понятие «частного» и оппозиция «общее — част-

ное» в культуре Западной Чжоу. Несколько докладов были посвящены проблемам развития современного и традиционного китайского общества.

Междисциплинарное заседание по теме «Географические представления в старом Китае» проходило 28 августа под председательством В. Дорофеевой-Лихтман и М.Е. Кравцовой (СПбФ ИВ РАН). Доклады Марии Хаютиной, Ю. Пайнса (Иерусалимский еврейский университет), и Т. Циммера (Боннский университет) были посвящены представлениям китайцев о социальном пространстве, а также (в двух последних случаях) их соотношению с ментальной «картой» физического пространства. Ю.Л. Кроль (СПбФ ИВ РАН) в своем сообщении говорил о пространственных представлениях во время династии Хань и о значении термина «ди ли» («земной узор») в эту эпоху; этого же коснулась в докладе и В. Дорофеева-Лихтман, специально остановившись на структуре «Ди ли чжи» в династических историях. Сообщения М.Е. Кравцовой («Пространство и время в культуре Южного Китая (на материале «Чу цы»)) и Ф. Ху-Стерк из Прованского университета («Изменяющееся восприятие пространства в ханьском и танском Китае: поэтический подход») затрагивали проблему пространственной организации в стихотворных текстах разных периодов. В. Бер (Бохумский университет) свой доклад посвятил «познанию пространства» в рамках древнекитайского языка.

В завершение конференции М.Л. Титаренко поблагодарил ее спонсоров — Фонд Цзян Цзинго (Тайвань), Российский гуманитарный научный фонд, фонд «Академия», Комитет по туризму правительства Москвы, Российско-китайский центр торгово-экономического сотрудничества. Г. Дадбридж в заключительной речи отметил, что многочисленность и широта тематики докладов, представленных участниками со всего мира, сделали московскую конференцию важным событием в истории деятельности ЕАК.

Московская конференция ЕАК характеризовалась конструктивными дискуссиями и высокой степенью взаимодействия между учеными разных стран. В ходе ее работы западные синологи по существу впервые смогли в большом объеме получить информацию о ситуации в российском китаеведении, узнать о его основных школах. Конференция, как отмечали многие ее участники, безусловно способствовала расширению контактов между российскими и зарубежными китаеводами. Следующая конференция ЕАК пройдет в августе 2004 года в Гейдельберге (Германия).

*А.Калкаева
мл. научный сотрудник ИДВ,
ответственный секретарь АК ИТ РАН*

Вручение диплома “Почетный доктор ИДВ РАН” профессору М.Лейтнер

30 августа 2002 г. состоялось заседание Ученого совета Института Дальнего Востока РАН, на котором директор института, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко вручил диплом Почетного доктора ИДВ РАН и члена Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии немецкому профессору Мехтхильд М.Т.Лейтнер. Это почетное звание присуждено профессору М.Лейтнер по единодушному решению членов Ученого совета ИДВ за выдающиеся заслуги в изучении истории Китая и его отношений с Россией, Германией, Японией и другими державами в XX веке, а также большой личный вклад в установление и развитие научного сотрудничества между немецкими и российскими китаеведами.

Профессор М.Лейтнер, директор Института изучения Восточной Азии Свободного университета Берлина, — автор нескольких монографий и десятков статей, опубликованных в научных журналах и сборниках в ФРГ, США и КНР. Она является руководителем немецкой части совместной рабочей группы российских и германских ученых по подготовке серии сборников документов “ВКП(б), Коминтерн и Китай”.

Нового почетного доктора и члена Международного научного Совета ИДВ РАН тепло приветствовали в своих выступлениях М.Л.Титаренко, научные сотрудники Института Дальнего Востока — академики РАН С.Л.Тихвинский и В.С.Мясников, профессор А.М.Григорьев.

В заключение церемонии вручения диплома Почетного доктора ИДВ М.Лейтнер произнесла перед членами Ученого совета ИДВ научный доклад на тему “ВКП(б), Коминтерн и Китай: методы и формы взаимодействия в 20-30-е годы XX столетия”. Его текст редакция ПДВ предполагает опубликовать в одном из ближайших номеров журнала.

Рецензии

Книга дворцовых интриг. Евнухи у кормила власти в Китае. Под общ. ред. Д.Н.Воскресенского. М.: Наталис. 2002. 429с.

Авторами и составителями этой книги являются Д.Н.Воскресенский и В.Н.Усов — хорошо известные китаеведы, причем первый из них очень много переводил и издавал произведения китайской классической литературы, — достаточно вспомнить его перевод "Неофициальной истории конфуцианцев" У Цзинцзы (М., 1959), переизданный в 2001 г. вторично, и романа Ли Юя "Полуночник Вэйян, или подстилка из плоти", (М., 1995), а В.Н.Усов немало написал о трагических временах в современной китайской истории и перевел "Мемуары маршала Пэн Дэхуая" (М., 1988).

В издательской аннотации к рецензируемой книге справедливо сказано, что она "необычна, потому что необычен сам предмет, о котором идет речь" (с. 4).

Действительно, такое специфическое социальное явление, как институт евнухов, просуществовало в Китае более двух тысяч лет вплоть до XX века. Этот институт для современного Китая стал историческим прошлым, однако исследование этого явления историками КНР началось сравнительно недавно. В 1964 г. в КНР были опубликованы "Воспоминания" Пу И — последнего императора Китая, прожившего среди придворных евнухов первую половину своей жизни. В переводе Н.А.Спешнева эта книга издавалась у нас дважды в 1968 и 2002 гг. Несколько раньше в КНР были напечатаны записки фрейлины цинского императорского двора Юй Жунлин. В 80-х гг. в Китае были опубликованы также мемуары, написанные самими евнухами: Жэнь Футянем, Сунь Яотином и др. Китайские историки подготовили много работ как об отдельных фигурах, так и о целых периодах китайской истории, но важнейшей среди них следует признать солидный трехтомник объемом свыше двух тысяч страниц текста — "Тайная история евнухов", выпущенный в КНР в 1996 г. Это издание открывает новую страницу в работе китайских историков по этой теме.

Иностранцы за пределами Китая пи-

сали о китайских евнухах свободнее, чем сами китайцы у себя на родине. Из старых трудов наибольшей известностью среди синологов пользуется книга американской художницы-портретистки К.Карл о ее пребывании при дворе вдовствующей императрицы Цыси, которая была опубликована в Нью-Йорке в 1905 году.

В отечественном китаеведении о евнухах в Китае писал русский врач В.В.Корсаков в своих книгах "Пять лет в Пекине. Из наблюдений над бытом и жизнью китайцев" (СПб., 1902) и "В старом Пекине. Очерки из жизни в Китае" (СПб., 1904). Корсаков писал о современном ему явлении, которое он наблюдал глазами врача-медика, а не просто китаеведа, поэтому его книги изобилуют подробностями и деталями, которых почти 90 лет нигде более нельзя было сыскать.

В старом Китае придворные скопцы становились не только влиятельными государственным деятелями или баснословно богатыми людьми, но и литературными героями. Все это нашло отражение в китайском старинном романе XVII века, который в течение нескольких столетий входил в Китае в список "запретных романов" (ц з и н ь х у э й с я о ш о). Только сейчас эти романы трехсотлетней давности переизданы, и вот в рецензируемой книге перед нами добротные переводы фрагментов подлинных текстов. Это литературное свидетельство, с известной долей вымысла и авторской фантазии, в то же время передает самое важное: живое дыхание давно прошедшей эпохи в далеком от нас во времени минском Китае. Фрагмент из романа Го Цина "Сны темный и светлый, мир предостерегающие" на русском языке публикуются здесь впервые. Роман написан про жизнь евнуха Вэй Чжунсяня, который фактически в течение многих лет был правителем Китая, и в этом романе "подробно изложены все деяния его: постыдные и мерзостные, вызывающие ужас и гнев, душевную боль и острую жалость" (с. 56). И разве не могут быть интересными для нас историчес-

кие события, изложенные их современником в увлекательной литературной форме? Далее следует в книге глава XVIII из романа "Чудовище Тао-у", анонимного автора XVII века, тоже публикуемая впервые у нас.

Знаменитый писатель минского Китая Ли Юй много страниц посвятил евнухам, и его творчество, с которым отечественного читателя знакомит своими переводами Д.Н.Воскресенский, представлено в книге тремя отдельными повестями и фрагментами из романа "Полуночник Вэйян или подстилка из плоти". Это увлекательное чтение.

Помещенные в книге рассказы из дворцовой жизни маньчжурской династии Цин в конце XIX — начале XX вв., основаны на опубликованных в Китае источниках, таких как книга Цзинь И и Шэнь Илин "Дворцовые девушки рассказывают о прошлом" (Пекин, 1992) или "Тайны цинского двора" (Пекин, 1985). Все эти работы являются историческими источниками. Взятые вместе они дают подробное и верное представление о дворцовом быте в пекинском Гугуне.

Вторая часть рецензируемой работы (автор В.Н.Усов) является первым в отечественном китаеведении исследованием института евнухов при китайском дворе с древнейших времен и до XX века включительно. Полезны перечень китайской терминологии, обозначающей эту социальную группу (с. 323), и обширные цитаты как из источников, так и из китайских исторических трудов.

Среди множества затронутых проблем весьма интересен вопрос о том, кто становился в Китае евнухом и почему. В древних источниках есть намек на то, что в евнухов превращали — конечно, не всегда, — военнопленных, и вообще захваченных иноплеменников, но здесь пока ощущается нехватка материала для окончательных выводов. Когда же речь заходит о сравнительно близких нам временам маньчжурской династии Цин, то оказывается, что с ее воцарением произошло резкое, в несколько раз, сокращение числа придворных евнухов, которое достигло максимальной величины именно в предшествующую эпоху при китайской династии Мин, а не при иноземцах-маньчжурах.

Мемуары самих евнухов чаще всего стремятся убедить, что евнухами люди становились либо совершенно доброволь-

но, либо в малолетстве, под нажимом родителей и близких. При этом главным стимулом было стремление выбраться из нищеты, помочь родным материально и протекцией. Напрашивается вывод, что в старом феодальном Китае это был один из немногих, если не единственный путь для простолюдина войти в императорский дворец и стать причастным к верховной власти в империи. Разумеется, не все евнухи во дворце становились баснословно богатыми людьми, но все же, по сравнению с простым людом, они все были обеспеченными и уважаемыми людьми, хотя и неполноценными. Собранные в книге исторические материалы свидетельствуют о постоянном стремлении дворцовых евнухов выходить за пределы бытового обслуживания императорской семьи и узурпировать в максимально большей степени политическую власть в государстве, не исключая даже военную власть полководцев и флотоводцев. Официальное конфуцианство всегда, начиная с династии Хань, уже более двух тысяч лет, расценивало вмешательство дворцовых евнухов в политику как большое зло.

Благодаря авторской работе опытных китаистов, в книге весьма мало огрехов и неточностей, что очень радует и, увы, случается нечасто. Упомянет отдельные места. Так, на странице 316 утверждается, что "Чунчжэнь покончил с собой, не перенеся позора страны, т.е. захвата ее иноземцами". Это явная неправда. Зато на странице 362 написано: "Ли Цзычэн вступил в Пекин, император покончил с собой". Действительно, император Чунчжэнь покончил с собой, чтобы не попасть в руки восставших крестьян.

На странице 107 корова, овца и свинья названы "священными животными", тогда как они были не священными, а жертвенными животными для жертвоприношений. На странице 125 говорится о "листочках кипариса", хотя кипарис — хвойное растение, не имеющее листьев; на странице 324 одно и то же историческое лицо названо по-разному: Вань Чжан и Вань Чжэн, а читателю надо угадать правильное имя. На странице 426 употреблено выражение "бывшие евнухи", хотя они бывшими не бывают, а всегда ими остаются... Таковы немногие замечания к этой содержательной и очень интересной, открывающей новую историческую тему книге.

Новый журнал о японской культуре

Вышел в свет первый номер научно-популярного журнала «Япония. Путь кисти и меча». Его учредители — ООО «Будо-спорт» и молодой японист, кандидат исторических наук А.Н. Горбылев. Главный редактор — доктор исторических наук, известный российский японовед А.Н. Мещеряков. Редакция предполагает выпускать журнал ежеквартально.

Статьи, авторами которых выступают ученые Института востоковедения РАН, ИСАА, МГУ, отличаются тематическим разнообразием. Философия, религия, искусство, литература, восточные единоборства и даже быт, раскрывающий национальный характер японцев, — все это находит место на страницах журнала.

Он рассказывает как о «высоком» (памятниках классической японской литературы, буддийских трактатах, искусстве), так и о «повседневном» (привычках, пристрастиях, навыках организации «околотелесного» пространства) в жизни японцев. На его страницах перед читателем предстают два лика Японии: эстетически утонченный мир художника и интеллектуала («кисть») и суровый быт самурая («меч»).

Отсюда и некоторые особенности рубрикации журнала. Разделы «Зеркало», «Душа», «Цвет», «Слово» призваны наглядно показать как японцы конкретно-чувственно познают мир. Рубрики «Этнография», «Летопись», «Сила», «Наука» демонстрируют своеобразный историко-культурный фон этого мировосприятия. Подобная организация информации дает читателю возможность понять особенности японского менталитета, специфику японской культуры на «живом» материале, а не посредством сухих, отвлеченных рассуждений. Авторам представленных в журнале статьей интересна сама «картина мира» японцев, созданная ими особая стилистика миропереживания.

Важная особенность журнала — сбалансированная подача информации, разнородной в отношении и содержания предлагаемого материала, и формы его преподнесения. В журнале гармонично сочетаются и дополняют друг друга популярный и строго научный стили. На одном полюсе находится экспрессивная статья Е.В. Маевского «Как я взбирался на Фудзи. Субъективные заметки о ментальности японцев» (рубрика «Зеркало»), в которой автор описывает свои личные впечатления от восхождения на гору Фудзи, делая при этом эмоциональные отступления об организации «околотелесного» пространства японцев, об их отношении к иностранцам, об основном принципе их поведения — стремлении к социальной гармонии. На другом полюсе — сугубо научная статья А.Н. Мещерякова «Рецепции теории "мандата Неба" в древней Японии (VII-VIII в.)» (рубрика «Наука»). Исследователь, опираясь на древнеяпонские мифологические-летописные своды («Кодзики» и «Нихонги») и китайскую поэтическую антологию («Кайфусо»), показывает, как шел процесс отыска философии концепции элиты Японии от ключевой в китайской политической философии концепции «мандата Неба».

В своем роде промежуточное положение — на грани «научности» и «популярности» — занимают статьи А.М. Горбылева («"Такэ" — значит

«бешеный». Японские берсерки», «Загадка ниндзя»). Для автора характерен вполне научный подход к таким популярным и притягательным на сегодняшний день явлениям, как японские воинские искусства, дальневосточная мистика, феномены самурайства и ниндзя. Автор рассматривает их в целостном историко-культурном контексте, основываясь на классических японских источниках. В то же время информация подается образно и ярко.

Рубрика «Слово» впервые представляет выполненный А.М. Горбылевым перевод на русский язык фрагментов старейших из обзорных работ по истории воинских искусств Японии (яп. *бугэй*) — «Хонтё бугэй сэдэн» («Краткая история воинских искусств»). Этот текст выявляет представления японских интеллектуалов середины эпохи Эдо (1603-1867) о сути и назначении воинского мастерства.

Упомянутая рубрика знакомит читателей также с художественной литературой эпохи Хэйан (794-1185), в частности, с жанром *цукүри моногатари* (букв. «сделанные повествования»). В ней впервые в журнальном варианте публикуется русский перевод романа «Путаница» («Торикаэбая моногатари», XII в.), принадлежащий М.В.Торопыгиной. Данное произведение, по мнению переводчицы, вносит в привычный образ утонченного хэйанского аристократа некоторые новые черты.

В рубрике «Цвет» представлена статья Н.С. Николаева «Кано Эйтоку. Живопись в архитектуре». Автор прослеживает связь между семантикой настенных росписей и их воздействием на архитектурное пространство, показывая, как взаимодополнение разных видов искусства позволяло знаменитому живописцу XVI в. соотносить образ правителя с космическими категориями, определять его место в масштабах всего природного мира.

В статье А.С. Бачурина «Юйицу-синто и учение «тайного» буддизма» рассматриваются особенности одного из наиболее влиятельных до XIX в. направлений синтоизма (комплекса древнейших мифологических и религиозных представлений японцев) и его взаимоотношений с концепциями так называемого эзотерического буддизма. Исследование основано преимущественно на анализе учения Ёсида Канэтомо (1435-1511), систематизировавшего родовую традицию толкования мифологическо-летописных сводов и связавшего ее в единый комплекс с даосской космогонией и доктриной буддийской школы Сингон.

Особенно ценной для японистов представляется рубрика «Фонарь»: подготовленный Е.Б. Сахаровой справочный материал «При свете светлячков и снега. Японская библиотека» знакомит читателей с новейшими переводами, научными исследованиями и художественными книгами о Японии и ее культуре, что должно в значительной степени облегчить специалистам поиск и сбор материалов по интересующей их тематике.

Журнал «Япония. Путь кисти и меча» предназначен не только для японоведов. Высокий профессионализм авторов, глубокий научный анализ поднимаемых проблем, серьезные размышления о сфере интуитивных форм сознания и поведения японцев, о складе японской души позволит всем, кто намерен расширить круг своих знаний о Японии, глубже понять эту страну и ее народ.

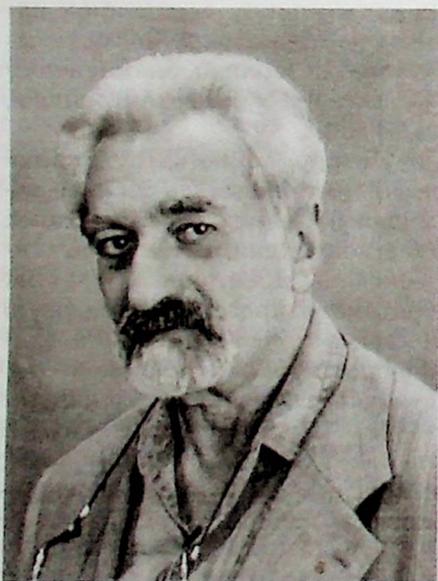
Д. Главева
кандидат философских наук

Юбилей ученого

Синолог, фольклорист, литературовед (К 70-летию Б.Л. Рифтина)

© 2002

Н. Никулин

7 сентября 2002 г. отметил свое семидесятилетие видный ученый, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М.Горького, член-корреспондент РАН Б.Л. Рифтин, широко известный не только в России, КНР, на Тайване, но и во всем синологическом мире. Еще к шестидесятипятилетию Бориса Львовича благодарное за его труды западноевропейское синологическое сообщество преподнесло ему сборник, изданный в Англии в его честь с подобающими посвящениями. На Западе шестьдесят пять лет — самый важный, хотя и не очень веселый юбилей, когда почтенный профессор, желает он того или нет, бывает вынужден уйти в отставку. К счастью, у нас явное преимущество перед Западом, и Борис Львович, с присущим ему научным темпераментом и неистощимой энергией, продолжает радо-

вать нас своими новыми трудами.

А все начиналось в далеких пятидесятых. В ЛГУ студент Восточного факультета Б.Л.Рифтин слушал лекции знаменитого академика В.М.Алексеева и профессора В.Я.Проппа, выдающегося фольклориста, уже тогда ставшего легендой. Как проводить свои первые летние студенческие каникулы — такого вопроса у Бориса не было. Конечно, он поедет в Киргизию к дунганам: это прекрасная языковая практика в китайском и возможность испытать себя как фольклориста на работе по сбору полевого материала. Такие «пустяки», как изнуряющая жара, бытовые неудобства никогда его не смущали, а самодисциплины, любви к труду и науке ему не занимать. Разумеется, надо было зара-

Никулин Николай Иванович, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом литератур Азии и Африки Института мировой литературы им. А.М.Горького.

нее подкопить денег на дальнюю дорогу и проживание, так как университет такую студенческую практику не оплачивал, хотя и поощрял.

Но зато в дунганском селе Милантфан, куда Б.Л.Рифтин приехал летом 1951 г., его ожидания целиком оправдались: кругом стихия живой разговорной китайской речи (ганьсуйского диалекта) и такая же живая фольклорная традиция! О магнитофоне тогда не приходилось и мечтать. Впервые слышал он бытовавшие здесь китайские старинные народные песни и записывал их в блокнот. Услышал и поэтичное «Сказание о Мэн Цзяннью». Это была первая крупная удача Б.Л.Рифтина в длинном ряду других замечательных удач: ему присуще удивительное умение открывать неизвестные еще науке фольклорные и литературные памятники Китая даже там, где, казалось бы, все уже обследовано предшественниками.

С багажом основательно подготовленного фольклориста-китаевода, первого в отечественной ориенталистике, Б.Л. Рифтин пришел в 1956 г. в Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ). К тому времени у него уже была хорошо продумана тема для книги «Сказание о Великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре». Она была опубликована в 1961 г. и тогда же защищена в качестве кандидатской диссертации, в которой со всей очевидностью проявился принцип Рифтина-исследователя: идти к обобщениям, только прочно основываясь на конкретном материале, тщательно его изучив. Эта суровая, бескомпромиссная, даже порой придиричавая требовательность к себе может считаться безусловным принципом Рифтина-ученого.

Свою работу в секторе фольклора ИМЛИ Борис Львович вспоминает с удовольствием: она много дала ему для окончательного становления его как фольклориста, тем более, что поучиться было у кого, в частности у Е.М.Мелетинского, оказавшего огромное влияние на всех, кто занимался в отечественной ориенталистике фольклором и мифологией Востока.

Между тем в ИМЛИ была создана группа по изучению восточных литератур, куда и был переведен Б.Л.Рифтин. Но оказалось, что исследования по китайскому фольклору там не соответствовали профилю. Выход, однако, был найден: у всех литературоведов на слуху был тогда роман-эпопея «Троецарствие», ее устным и письменным источникам и решил посвятить свое очередное крупное исследование Б.Л.Рифтин. Изучая различные материалы о героях Трех царств, он, оставаясь фольклористом, становился также и литературоведом. А сказителей, излагающих устные варианты «Троецарствия», ему довелось слушать в Пекине еще в 1959 г. В 1970-м была издана монография «Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (устные и книжные версии «Троецарствия)», защищенная как докторская диссертация. Непреходящее значение этой новаторской работы особо подчеркивает тот факт, что в 1997 г. монография в расширенном и основательно дополненном автором виде была опубликована в Шанхае на китайском языке.

Еще в начале своего исследования материалов по «Троецарствию» Б.Л.Рифтину посчастливилось попасть в Пекин на продолжительную стажировку. Но в 1966 г. грянула «культурная революция», пошли яростные митинги, шествия. Студентам стало не до учебы. На одном митинге некий хунвэйбин обличал ректора университета в том, что он якобы понавез в Бэйда (Пекинский университет) иностранцев. Пытаясь понять, что происходит, страдающая от вынужденного досуга (библиотеки закрылись), Борис Львович прочитал полтора километра дацзыбао, удивляясь, что такое могут писать китайцы, носители непрерывной четырехтысячелетней культурной традиции. Но в том-то и дело, приходил он к заключению, что именно эти основы и подрывала «культурная революция», ниспровергала то, что было незыблемым в китайской системе ценностей, например, уважение к учителю. Вскоре, уложив все соб-

ранные материалы по китайскому фольклору, народным книгам, героям Трех царств, стажер Б.Л.Рифтин отбыл на родину, где с головой ушел в работу над новой монографией. Очень поучительно это умение Бориса Львовича, несмотря на жизненные сложности и невзгоды, погружаться в науку, сосредотачиваться на решении научных задач.

В своей монографии о «Троецарствии» Б.Л.Рифтин впервые в науке исследовал (на материале романа Ло Гуанчжуна) важнейшую проблему метода средневековых литератур Востока, отражение художественного времени в этих литературах. Он тщательно изучил существеннейшую для средневековой литературы Китая взаимосвязь с фольклором и довольно привычный подход (воздействие фольклора на литературу) дополнил изучением влияния романа XIV в. «Троецарствие» на фольклор. Б.Л.Рифтин проанализировал народные книги (они представляли собой отпечатанные ксилографическим способом тексты с картинками) и их роль в складывании «Троецарствия». Одно из достижений Б.Л.Рифтина-ученого — новая методика микроанализа текста — открыло невиданные ранее возможности. Благодаря этому удалось проследить, как сложно взаимодействуют, создавая новое эстетическое качество, историческая хроника, биографическая проза и народный сказ. Б.Л.Рифтин впервые в науке описал структуру этого сказа по «Троецарствию», а также выявил, как именно происходит трансформация письменного текста в устный, произносимый сказителем шошуды (буквально — «рассказчиком книги»). Анализ идеологический дополнялся анализом внешнего вида персонажей, эмоций, мыслей, действий героя, прямой речи.

Весьма плодотворная работа по изучению приемов изображения героев «Троецарствия» навела Б.Л.Рифтина на мысль о том, какие интересные перспективы открывает исследование подобной проблемы в историческом аспекте и на широком материале разнообразных источников. И в 1979 г. в свет выходит его книга «От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе». В ней исследуются проблемы изображения персонажей, от мифических до героев средневековых романов-эпопей. Причем выявляется характерная преемственность, которая обуславливается связью с мифологией.

Наступили 70-е гг. — очень трудные во взаимоотношениях Китая с нашей страной. Научные связи с китайскими учеными, не по нашей вине, были прерваны. И вот именно тогда к Б.Л.Рифтину обратились специалисты из Института языка и литературы Монгольской академии наук с интересным предложением. Оно касалось изучения своеобразного явления монгольской традиционной словесности: народные сказители перерабатывали, перелагали, пересказывали произведения китайских авторов по-монгольски, весьма существенно обогащая свой репертуар и включая их в эпические повествования. Сформировался своеобразный жанр бэнсэн улигер (буквально — «книжные сказания»). Легкий на подъем Борис Львович отправился в Монголию. Всего он совершил туда пять поездок — фольклорных экспедиций совместно с известным исследователем монгольского фольклора С.Ю.Неклюдовым. В одной из экспедиций довелось участвовать и мне.

Чтобы начать работу, надо было разыскать сказителей — хурчей, знатоков бэнсэн улигер. Б.Л.Рифтину удалось найти замечательных сказителей. На вопрос Бориса Львовича старому хурчи, сколько дней, не повторяясь, может он рассказывать, тот твердо ответил: «Целый год и два месяца». Дальнейшая работа со сказителями не заставила усомниться в этих словах.

В городке Мандалговь, затерянном среди Гобийской пустыни, под завывание снежной вьюги и под звуки хура, изумляя изысканностью жестов и поношенной уже одежды, исполнял нам свои сказания Чойнхор, бывший княжеский хурчи из Внутренней Монголии. Когда-то эти сказания в его исполнении

звучали в богатой княжеской юрте. Чойнхор был знатоком эпической обрядности, держался аристократично, с большим достоинством, отличался гордой осанкой. Он сетовал на старость, досадовал, что голос уже не тот, что прежде. Но манеру исполнения княжеского хурчи сохранил. Работу облегчал магнитофон, довольно громоздкий, советского производства, но надежный и выносливый. По контрасту, другой хурчи никаким аристократизмом отнюдь не выделялся: по-плейбейски круглое лицо, самая простая одежда, самые простые заботы (заготовить бы на зиму верблюжатины – самого жесткого и дешевого мяса, слывшего пищей бедняков). Даже хур у него был самый простецкий, самодельный: резонатором служила жестяная банка из-под огурцов. Соответственно и манера исполнения оказалась простонародной, демократичной. «Словом, базарный хурчи, – улыбался Борис Львович. – Но это-то и замечательно: один дополняет другого, каждый олицетворяет разные типы сказителей. Такие вот степные рапсоды. Гомеры двадцатого века». Разумеется, аристократичный Чойнхор посматривал на своего простонародного собрата явно свысока.

Это было открытие существенного, хотя и очень своеобразного раздела устной монгольской словесности, питавшегося из бескрайнего моря китайской повествовательной прозы.

Большая работа по изучению бэнсэн улигер вылилась в целый цикл статей, публиковавшихся в Москве, но большей частью в Германии, где в 70-е гг. действовала программа исследования центральноазиатского эпоса, систематически проводились симпозиумы и встречи по этой тематике. Как бы отталкиваясь от фольклора, Б.Л.Рифтин занялся изучением монгольских переводов старинных китайских романов и первого монгольского романа «Одноэтажный павильон» В.Инджинаша (1837-1892). Монголоведческие труды синоведа привлекли внимание ориенталистов: статьи переводились и на английский, и на китайский. То же следует сказать и относительно обобщающего труда Б.Л.Рифтина «Типология и взаимосвязи средневековых литератур», как и о многих других его работах: со временем они не утрачивают своей ценности, их охотно переводят и публикуют и через четверть века, и через тридцать лет после первого выхода в свет. Кроме, разумеется, русского, работы Б.Л.Рифтина выходили на китайском, вьетнамском, японском, корейском, немецком, английском языках.

Его научные интересы простираются также на изучение словесности Кореи и Вьетнама. Во фронтовой Ханой мы с Борисом Львовичем прибыли в декабре 1973-го. Он просиживал в читальном зале до того момента, пока библиотекарь-вьетнамец наконец не решился подойти к нему и деликатно сказать, что сегодня библиотека давно уже закрылась. Во Вьетнаме помнят российского ученого, его работы о средневековой вьетнамской прозе, о вьетнамском романе XVIII в. Свидетельство тому — опубликованная в 1997 г. в главном журнале вьетнамских литературоведов статья Фам Ту Тяу «Востоковед Б.Л.Рифтин и старинная вьетнамская литература».

На 70-е гг. пришлось и участие в работе над энциклопедией «Мифы народов мира». К изумлению издательского редактора Б.Л.Рифтин представил свыше 200 статей о китайских мифических персонажах. «Иногда он мне кажется богом, пишушим о китайской мифологии!» – говорил редактор, ошеломленный такой работоспособностью и такими обширными познаниями. За «Мифы народов мира» Б.Л.Рифтин в числе других был удостоен в 1990 г. Государственной премии СССР.

Тем временем Китай залечивал раны «культурной революции». В 1981 г. Б.Л.Рифтин стал первым советским человеком, которого согласилась принять китайская сторона, конкретнее – Ассоциация обществ дружбы. Эта двухмесячная поездка стала открытием обновляющегося после эксцессов «культурной революции» Китая. По результатам поездки Б.Л.Рифтин выступал с докладами

и сообщениями 40 раз, в том числе в Ханое и Улан-Баторе. Потом ему удалось еще увидеть и Гонконг, тогда английскую колонию. Наверное, до него там не бывал ни один из советских ученых.

Куда бы ни приезжал Б.Л.Рифтин — в сибирские города, Великий Устюг, Улан-Батор или Париж — везде он с увлечением разыскивал старинные китайские рукописи и ксилографы. Иной раз ему доводилось обнаруживать их буквально "под боком" у специалистов, годами не ведавших что находится рядом с ними. Рукопись китайского романа «Записки о камне» (восьмидесятиглавого варианта «Сна в красном тереме» Цао Сюэциня) он нашел в Ленинградском отделении Института востоковедения (ЛО ИВАН). Удивленный таким оборотом дела заведующий ЛО ИВАН не удержался и сделал реприманд своим сотрудникам. Рукопись эту привез из Китая студент П.Курлянец еще в 1832 г. И более чем полтора столетия спустя, в 1987 г., в Пекине она вышла шеститомным факсимильным изданием с предисловием Б.Л.Рифтина и Л.Н.Меньшикова. Это издание легло в основу многочисленных исследований ученых в Китае (в том числе и на Тайване), во Франции.

В поисках новых находок были обследованы книжные собрания России, Германии, Чехословакии, Австрии, Дании, Норвегии, Швеции, Англии, Нидерландов, Вьетнама, Монголии, Японии и США (только частично). Результаты были впечатляющие.

Так, в России обнаружилась рукопись романа Цао Цюйцзина «Хотите верить, хотите — нет» (предисловие датировано 1730 г.) из собрания К.А.Скачкова. Этот роман в Китае не сохранился. По соглашению между Государственной библиотекой им. Ленина и тайваньским издательством, он был издан в 10 томах, а затем переиздавался в Китае еще неоднократно. Интересной находкой были три неизвестных сборника китайских пьес XVI-XVII вв. — ксилографы с иллюстрациями. Их издание, подготовленное Б.Л.Рифтиным совместно с Ли Пином, вышло в свет в 1993 г. в Шанхае.

Борису Львовичу удалось найти ряд произведений простонародной литературы (сувэньсюэ), не сохранившихся в Китае, но волею судеб оказавшихся в книгохранилищах за его пределами. Им готовится каталог разных книг — романов, драм, произведений народной литературы, хранящихся вне Китая.

По этим находкам Б.Л.Рифтиным опубликовано множество статей. Так, публикация в связи с обнаружением текстов «кантонских сказов» (муьюшю) произвела в Японии такое впечатление, что редакция японского каталога старинной китайской литературы по этому случаю специально командировала в Москву своего сотрудника. Кстати на материалы из России там обычно редко обращают внимание.

Таким образом, Б.Л.Рифтин внес значительный вклад в дело расширения текстологической базы для исследований китайской литературы.

От академика В.М.Алексеева Борис Львович принял эстафету в собирании и изучении китайской народной картины. Оказалось, что у нас в стране есть немало произведений, в Китае не сохранившихся. В 1990г. московское издательство «Аврора» совместно с китайским «Народным искусством» («Жэньминь мэйшу чубаньшэ») впервые опубликовало 200 неизвестных в Китае картин, выпустив альбом «Редкие китайские народные картины из советских собраний». Альбом вышел двумя изданиями: на китайском и русском языках.

В 1992 г., по рекомендации Академии общественных наук КНР, Б.Л.Рифтин получил необычное предложение от Университета Цинхуа (в г. Синьчжу на Тайване): был поздний, почти ночной телефонный звонок. Профессор Ван Цюгуй предпочитал подчеркнуто деловой стиль: «Пожалуйста, номер вашего загранпаспорта»... С этого начался тайваньский период в жизни и деятельности российского ученого. В его обязанности входило, кроме чтения лекций по китайскому фолькло-

ру и роману «Троецарствие», руководство научной программой «Собирание и сравнительное изучение фольклора аборигенов Тайваня», что поначалу несколько озадачило Бориса Львовича. Ведь в то время он знал об этом фольклоре не более того, что можно прочесть в публикациях Н.А.Невского. Но для большой цели рождается большая энергия. Б.Л.Рифтин начал с наиболее архаичного фольклора народа бунун, в чем ему помогал местный школьный учитель. Было собрано 150 текстов, которые Б.Л.Рифтин готовит сейчас к изданию отдельной книгой совместно с профессором Тайбэйского университета Чжэн Хэнсюном. На основе этого весьма своеобразного оригинального материала Б.Л.Рифтин опубликовал цикл статей на русском, китайском и английском языках.

Затем настала очередь обследовать фольклор народа тая, живущего в центральной части острова, результатом чего явилась публикация книги фольклорных текстов на языке оригинала и на китайском. А в 1997-1998 гг. вместе с католической монахиней Цзэн Жуйлинь из народности сэдэк Б.Л.Рифтин собирал фольклор этого этноса, составивший солидную книгу, тоже готовящуюся к печати.

После многочисленных полевых разысканий набралось столько материала, что Борис Львович смог предложить тайваньскому университету (впервые в истории) целый курс по фольклору аборигенов Тайваня, на который записалось 105 студентов, в том числе нефилологи. Но аудитория вмещала только 97 слушателей, 8 студентам пришлось отказать. Это был редчайший случай, когда иностранный профессор читал лекции на факультете китайской литературы. Разумеется, Борис Львович и здесь пропагандировал достижения отечественной синологии.

Наша наука в одном случае особенным образом сослужила хорошую службу китайской культуре. Поскольку словаря языка народа цоу не было в природе, Б.Л.Рифтин взял цоу-русский словарь Н.А.Невского и вместе с преподавателем Пу Чжунчэном переделал его в цоу-китайский словарь, очень нужный на Тайване, за что местное министерство образования удостоило составителей премии.

Разумеется, энергичные разыскания Бориса Львовича в области фольклора не остались незамеченными. Тайваньское издательство «Чэнсин» («Утренняя звезда») предложило ему написать книгу. За работу принялся увлеченно: это была первая книга, которую он написал сам по-китайски. В 1998 г. был опубликован том под заглавием «От мифов к рассказам о духах. Сравнительное изучение мифов и сказок аборигенов Тайваня».

Конечно, внимание к фольклору тайваньских аборигенов проявляли и оккупировавшие остров японцы, и христианские миссионеры, некоторые тайваньские ученые. Но и те, и другие не исследовали его в сравнительно-историческом аспекте как явление архаичное. Б.Л.Рифтин же, опираясь на методологические принципы русской фольклористики, достиг очевидного эффекта. Неудивительно, что его книгой заинтересовался Институт литературы АОН КНР в Пекине, и Издательство Академии общественных наук КНР купило у тайваньского издательства лицензию на ее издание сокращенными иероглифами (подобное случается очень редко!). Для нового издания (оно вышло в 2001 г.), Борис Львович дописал еще полторы сотни страниц.

Каждый востоковед стремится получить признание в той стране, которую он изучает. Это свидетельство о высокой оценке его работы и она по заслугам выпала на долю Б.Л.Рифтина. В Китае (в том числе на Тайване) он удостоен почетных званий профессора, иностранного профессора (в Университете Нанькай), члена научных обществ и учреждений. Бориса Львовича впереди ждут новые научные свершения. В добрый путь!

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 10.08.2002 г. Подписано к печати 13.09.2002 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{8}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,7 тыс. Уч.-изд.л. 14,5 Бум. л. 6,0
Тираж 927 экз. Зак. 6565

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2002 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6,0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы. Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.